

НОВГОРОДИКА NOVGORODICA

№ 4

2023

Министерство культуры Новгородской области
Новгородская областная универсальная научная библиотека

№ 4

НОВГОРОДИКА
NOVGORODICA

2023

АЛЬМАНАХ

Великий Новгород — Москва

2023

УДК 94(47-2-3)
ББК 63.3(2Рос-4Нов)
Н 72

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Б.Н. Ковалёв, д-р филол. наук Т.В. Шмелёва,
д-р Э. Лёфstrand, д-р ист. наук Е.А. Рыбина,
канд. ист. наук Г.М. Коваленко, канд. ист. наук В.Г. Смирнов,
канд. ист. наук И.В. Хохлов, учёный секретарь НГОМЗ Т.Н. Ярыш,
гл. ред. Е.В. Барканова, отв. ред. Т.А. Данько

НОВГОРОДИКА : альманах / гл. ред. Е.В. Барканова ; Министерство культуры Новгородской области ; Новгородская областная универсальная научная библиотека. — Вып. 4. — Великий Новгород — Москва : ООО «Издательство «Вече», 2023. — 224 с.

ISBN 978-5-4484-4452-4

Знак информационной продукции 12+

Первый выпуск просветительского альманаха «Новгородика» 2023 года объединяет страницы исследований новгородского периода жизнедеятельности выдающихся соотечественников — государственных деятелей М.М. Сперанского и Г.Р. Державина, великого русского композитора С.В. Рахманинова, открывает читателю Поозерье с его удивительными природными особенностями и бытом поозёров, обращается к вопросам религии, сохранения культурного наследия и самому понятию «культура».

Архивные документы позволяют окунуться в работу таких важных учреждений конца XIX — начала XX века, как Сельскохозяйственное отделение Новгородского губернского земства и городские общественные банки, очутиться в центре детективных историй, случившихся в Новгородской губернии в середине XIX века.

- © Коллектив авторов, 2023
- © Новгородская областная универсальная научная библиотека, 2023
- © Новгородский музей-заповедник, 2023
- © ООО «Издательство «Вече», 2023

ЭХО

<i>Коваленко Г.М.</i> «Взял князь великий мир», или Дебют новгородской дипломатии	5
<i>Шаскольская Т.И.</i> «Новгородика» И.П. Шаскольского	13
<i>Филиппова Л.А., Сперанская И.Н.</i> Великопольское имение М.М. Сперанского (продолжение)	21
<i>Корешкова Т.А.</i> «Со всесторонним освещением действительного положения сельскохозяйственной жизни населения»	29
<i>Васильев Я.А.</i> «На городские надобности и на предметы общественного призрения и воспитания»	41

НОВГОРОД

<i>Панкратов А., иерей РПСЦ.</i> Великий Новгород и Великий Раскол	55
--	----

ДРЕВНОСТИ

<i>Филиппова Л.А.</i> Топоним «Поозерье»	71
<i>Дубровин С.</i> Позёры в Новгороде. (Этнографическая наброска)	73
<i>Ваучский А.Н.</i> Очерк Знаменского Званского женского монастыря и Державинского епархиального женского при нём училища	86

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

<i>Секретарь Л.А.</i> История храмового комплекса в деревне Буреге Старорусского района	95
<i>Смирнов В.Г.</i> Поозёры	105

EXTRANEAE

<i>Лёфstrand Э.</i> Православные иконы в Швеции	109
---	-----

СЛОВО

<i>Фразер И.</i> Русские пришли	117
<i>Цветкова С.И.</i> Снять чувство вины	119
<i>Савинова И.Д.</i> «Отпускай хлеб твой по водам...»	120

ИМЕНА

<i>Папешин В.Н.</i> «Он был идеальным исполнителем, способным воплотить в жизнь грандиозные предназначения»	137
<i>Прокофьев А.Ю.</i> Державин. Помним и храним его заветы	153

КАФЕДРА

<i>Трофимова В.С.</i> Незнакомые документы о знакомой Званке	161
<i>Пухачёв С.Б.</i> Размышления у культурного подъезда	171

ВЕРНИСАЖ

<i>Мартьянов А.Ю.</i> «Рахманинов. Колыбель гения»	183
--	-----

EXLIBRIS

<i>Берфорд Т.В.</i> «С благодарностью судьбе...»	193
<i>Верхов С.И.</i> Бесценные шедевры	197

АРХИВ

<i>Данько Т.А.</i> Губернский детектив	201
«О покраже новгородских икон»	201
Убийство надворной советницы Лейхтфельд	208
Новгородские фальшивомонетчики	214

Геннадий Коваленко

700 лет назад 12 августа 1323 года в новгородской крепости Орешек Новгородская республика и Шведское королевство после многолетнего военного противостояния заключили договор о мире и границе. Он является самым ранним из известных международных соглашений такого уровня в истории русской дипломатии.

«ВЗЯЛ КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ МИР», ИЛИ ДЕБЮТ НОВГОРОДСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Целью войны является мир.

Аристотель

В отношениях России и Швеции, которые длятся почти 12 столетий, было немало войн и конфликтов, которые, однако, никогда не отличались жесточённостью, религиозной или национальной враждой и нетерпимостью. Спор шёл только о территории, на государственную самостоятельность, суверенитет и духовные ценности соперника ни та, ни другая сторона не посягали. Наряду с военным противостоянием имели место экономические и культурные контакты, а также политические соглашения, то есть компромиссы. Пер-

вым таким соглашением между двумя государствами стал Ореховецкий мирный договор, положивший предел шведской экспансии в Новгородской земле.

Расположенный на северо-западе русских земель Новгород был посредником между ними и странами Запада, и его внешняя политика играла важную роль во внешней политике Руси. Как отметил известный исследователь истории русско-шведских отношений XI—XVII веков И.П. Шаскольский, «Новгород был единственным из русских государственных образований, проводившим

с XII до конца XV в. собственную внешнюю политику и имевшим сложившуюся систему международных отношений с соседними странами». Его главным военным соперником была Швеция, вооружённые конфликты с которой начались в XII веке в связи со шведской экспансией в Финляндии.

Одной из сторон укрепления Шведского государства была его активная внешняя политика. В середине XII века начались «крестовые походы» шведов в Финляндию. Первый из них в 1157 году привёл к подчинению юго-западной части финских земель. В результате второго «крестового похода» 1249—1250 годов была покорена центральная Финляндия. С конца XIII века интересы Швеции распространяются на важные для Новгорода территории: Корельскую, Ижорскую и Водскую земли. Несколько походов на Карельский перешеек и в Корельскую землю шведы совершили в 1293—1295 годах, их целью было крещение по католическому образцу новгородских

данников — карел и обложение их данью. Они захватили часть Карельского перешейка, основали крепости Выборг и Ландскрону и стали продвигаться к Ладожскому озеру. Новгород сумел отразить нападения шведов на Корелу и сохранить восточную половину Карельского перешейка и северное Приладожье в составе своих владений. В 1301 году новгородцы разрушили Ландскрону, а в 1311 и 1318 годах совершили успешные морские походы против шведских владений в Финляндии. В свою очередь шведы в 1313 и 1317 годах напали на берега Ладожского озера.

В начале 1320-х вооружённая борьба, в ходе которой решались исторические судьбы Карелии и Приладожья, вступила в решающую фазу. С обеих сторон были предприняты попытки решить в свою пользу спор за обладание Карельским перешейком. В 1322 году шведы предприняли безуспешный набег на Корелу, а новгородцы во главе с Юрием Даниловичем совершили такой же неудачный

поход на Выборг. Борьба Руси и Швеции за Корельскую землю и берега Невы длилась уже 30 лет, и теперь стало ясно, что ни одна из сторон не могла добиться перевеса. У шведов было недостаточно сил, чтобы продолжать наступление в Карелии, в то же время они были достаточно сильны, чтобы удержать Западную Карелию. Новгород считал её своим исконным владением, но был не в состоянии вернуть её военным путём.

Кочергин Н.М.
Морской поход новгородцев в Швецию в 1187 году.
Центральный военно-морской музей
имени императора Петра Великого

Кроме того, продолжение борьбы стало непосильно для обеих воюющих сторон в силу внутренних причин. На Руси в это время продолжалась борьба между московскими и тверскими князьями за великое княжение. В эту борьбу был вовлечён и Новгород: как Москва, так и Тверь стремились привлечь его на свою сторону. В ходе этих событий успех московских князей в борьбе с тверскими князьями в значительной мере был обусловлен поддержкой со стороны Новгорода, который выступил на стороне Москвы. Но для его собственных интересов участие в этой междоусобной войне сыграло отрицательную роль: Новгород был не в состоянии вести активную политику и отстаивать свои интересы на берегах Балтики. Поэтому и новгородские власти, и желавший помочь им в решении коренных задач внешней политики внук Александра Невского московский князь

Юрий Данилович были вынуждены прекратить войну со Швецией и заключить мир на условиях компромисса.

Не менее сложной была обстановка в Швеции, где в начале XIV века обострилась внутривластная борьба, которая переросла в феодальную междоусобицу, ослабившую Шведское государство. Непрочность центральной власти при малолетнем короле Магнусе Эрикссоне на время остановила шведскую агрессию. Регентское правительство, занятое проблемами укрепления государственной власти, было не в состоянии продолжать наступательные действия в Карелии и Приладожье. Нападения небольших отрядов на русские земли продолжались, но шведские феодалы совершали их в частном порядке без санкции короля.

Как Швеция, так и Новгород ощущали усталость от войны и были не в силах

Магнус Эрикссон,
король Шведский

Юрий Данилович,
князь Новгородский

изменить сложившуюся ситуацию в свою пользу. Следует также иметь в виду, что военные действия наносили ущерб торговле, игравшей важную роль в экономике стран Балтийского региона. Поэтому прекращение конфронтации и юридическая фиксация сложившейся линии границы представлялись наиболее удачным решением для обеих сторон.

Мирные переговоры начались в только что построенной новгородцами для укрепления своей обороны на Неве крепости Орешек (Ореховец) в июле 1323 года. Новгородскую сторону представляли князь Юрий Данилович, посадник Варфоломей и тысяцкий Аврам, шведскую — «великие послы» видные государственные деятели Швеции Эрик Турессон, Хеминг Эдгислассон, Петер

Юнссон и священник Вемундус (Вемундер), выполнявший обязанности секретаря посольства. В составе посольства были также представлявшие интересы Ганзы готландские купцы Людовик и Фодру.

«Проходившие в столь авторитетном составе Ореховецкие переговоры, — отметил И.П. Шаскольский, — были самым крупным явлением во всей истории внешних сношений Новгородского государства. Ни разу ни до, ни после 1323 г. не происходили международные переговоры Новгородского государства на столь высоком уровне; ни разу, кроме августа 1323 г., в переговорах Новгорода с другими государствами не участвовал лично великий князь, глава федерации русских княжеств; ни разу, кроме августа 1323 г., в переговорах Новгорода

не ставились столь важные вопросы межгосударственных отношений, не ставился вопрос о заключении "вечного мира" с соседней державой».

Главным вопросом, обсуждавшимся на переговорах, был вопрос о прекращении многолетнего военного противостояния Новгорода и Швеции и о заключении постоянного мира: «Новгороду мир и пригородом всем и всей волости Ноугороской, тако, же и всей земле Свеиской». Исход переговоров зависел, прежде всего, от решения конкретных вопросов по условиям мирного договора.

Важнейшим из них был территориальный вопрос. Новгородские власти считали Западную Карелию своим исконным владением, но понимали, что в сложившейся внутренней и международной ситуации реальных возможностей для её возвращения нет. Поэтому новгородские представители отказались от своих претензий на западную часть Карельского перешейка: трёх карельских погостов Саволакс, Якис и Эурепяя, которые 30 лет были под властью шведов. Но эта уступка носила чисто символический характер — уступались лишь юридические права, а не территория, де факто находившаяся в собственности Швеции.

Восточная часть Карельского перешейка с Корелой оставалась в составе

Новгородской земли. Впервые официально была установлена государственная граница. Она делила Карельский перешеек вдоль, с юга на север, проходя по реке Сестра и далее по болотам, рекам и озёрам, вплоть до впадения реки Пюхяйоки в Ботнический залив: «От Сестрее мох, середе мха гора, оттоле Сая река, от Сае Солнычнии камен, от Солнычнего камени на Чермьную Щелю, от Чермной Щелье на озеро Лембо, оттоле на мох на Пехкей, оттоле на озеро Кангасиерви, оттоле на Пурноярви, оттоле Янтюярви, оттоле Тержеярви, оттоле Сергилакши, оттоле Самосало, оттоле Жити, оттоле Кореломкошки, оттоле Колемакошки, оттоле Патсоеки, оттоле Каяно море...».

Договорившись о линии границы, стороны перешли к обсуждению текущих вопросов пограничных взаимоотношений. Установление официально

Межевой камень и памятная табличка
в урочище «Крестовый камень» (Карелия)

утверждённой границы между двумя государствами требовало предусмотреть специальные меры на случай её нарушений. В ходе переговоров стороны приняли взаимное обязательство выдавать друг другу перебежчиков: должников, беглых холопов и уголовных преступников: *«А должник, и поручник, и холоп или кто лихо учинит, а побегнет или к вам или к нам, выдати его по исправе».*

Запрещалось строительство крепостей вблизи границы обеим сторонам: *«По сем миру городов не ставити ко Корельской земле ни вам, ни нам».* В случае нападения на Новгородскую землю из Эстляндии или Ливонии шведы были обязаны не оказывать им военную помощь: *«Аже имуть за наровце не правити к великому князю и к Новугороду, а Свеем им не пособляти».* За новгородцами сохранялось право охоты и рыбной ловли на отходящих к Швеции угодьях. В тексте договора были перечислены на-

звания тех мест, где находились «*воды, и земли, и ловища*» новгородских карел на территории, отошедшей к Швеции. Запрещалась покупка шведами земель и угодий на приграничных новгородских территориях: *«А земле и воды у новгородской Корелы не купити Свеем и выборяном».* При возникновении взаимных обид предусматривалось их решение мирными средствами: *«А что ся учинит в том миру обидное или от вас*

или от нас, миру не порушити, всему тому исправа чинити, а где учинится тяжь ту ны кончати по Божии правде».

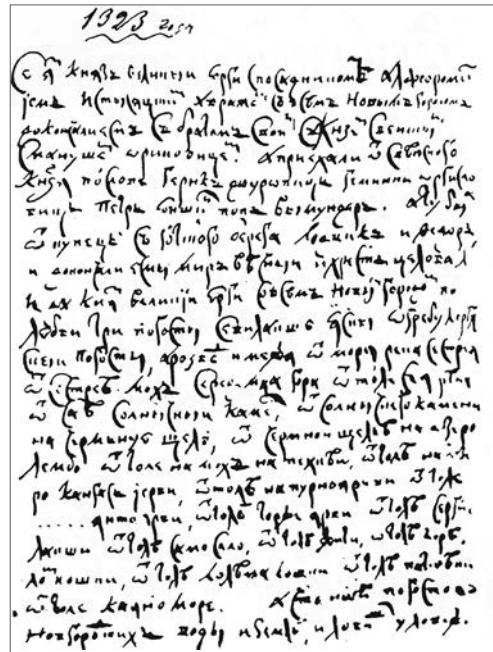
Поскольку как Новгород, так и Швеция были заинтересованы в развитии торговых отношений, соглашение по вопросам безопасности торгового судоходства по Неве и торговых поездок в Новгород по суше было достигнуто без особых споров. Стороны гарантировали всем иноземным купцам беспрепятственный путь в Новгород и обратно по суше и по морю: *«Гости гостити беспакости из всей немѣцискою земле: из Любка, из Готского берега и Свеиской земле по Неве в Новгород горою и водою, а Свеем всем из Выбора города гости не переимати, тако же и нашему гостю чист путь за море».* На этом особо настаивали участвовавшие в переговорах готландские купцы.

По мнению известного исследователя Приневского края А.И. Гиппинга, «этот

мир был вызван не столько потребностью воюющих сторон, сколько торговыми интересами могущественной Ганзы. Деньги во все времена управляли миром, и нет ничего удивительного в том, что торговая коалиция, имевшая в то время сильное влияние на дела Европейского Севера, употребила все зависящие от нее средства, чтобы принудить короля шведского и новгородцев к обоюдной уступчивости в таком деле, от которого зависело их собственное благосостояние».

Текст Ореховецкого договора был составлен на русском языке. С него был сделан латинский перевод, поскольку только латинский текст носил официальный характер как международный правовой документ. Русский текст был вручен шведской стороне, а латинский был передан русской стороне. Подлинники договора не уцелели ни у одной из сторон: русский сгорел во время «великого пожара» в Стокгольме в 1697 году; латинский, хранившийся в Новгороде, в 1537 году был передан в Москву, где пропал в 1610—1612 годы или при пожаре в 1626-м. Списки (копии) договора на латинском, русском и шведском языках хранятся в Государственном архиве Швеции.

Ореховецкий договор о «вечном (бессрочном) мире», подкреплённый крестным целованием, положил конец крестовым походам и явился важной вехой в истории Финляндии и Карелии. Установленная им граница была не только политической, но и конфессиональной, и культурной. Она была компромиссной и не удовлетворяла ни одну из сторон, но юридические и правовые нормы договора действовали более 270 лет.

Текст Ореховецкого договора

Борьба Новгорода и Швеции за Карельский перешеек продолжалась, но крупные наступательные операции прекратились. По словам А.И. Гиппинга, после 1323 года Новгород «брался за меч только для защиты своих пределов или для наказания врагов, нарушивших его покой». Нарушения границы и пограничные конфликты имели место, но они не могли изменить сложившегося соотношения сил. В XIV и XV веках все попытки обеих сторон передвинуть границу на запад или на восток не увенчались успехом.

После того как Новгород вошёл в состав Московского государства, Ореховецкий договор продолжал действовать как бессрочное международное соглашение России и Швеции и в этом

Памятный знак в крепости Орешек (Шлиссельбург)

качестве он функционировал ещё почти 120 лет. В XIV—XVI веках между обоими государствами на его основе заключались соглашения временного характера.

го времени писаное право становится важнейшей составной частью внешнеполитических связей Новгородского государства.

В общей сложности этот договор был действующим до подписания Тязвинского мирного договора в 1595 году.

Ореховецкий договор был дебютом новгородской дипломатии, первым официальным мирным договором между Новгородом и Швецией, первой успешной попыткой решить спорные вопросы не силовыми методами, а путём переговоров. В 1326 году в Новгороде был заключён ещё один договор о границе, на этот раз с Норвегией. С это-

Татьяна Шаскольская
«НОВГОРОДИКА» И.П. ШАСКОЛЬСКОГО

В ряду историков-медиевистов, предметом исследования которых является история русско-скандинавских отношений в IX—XVIII веках, в том числе средневекового Новгорода, особое место занимает Игорь Павлович Шаскольский. На протяжении всей своей научной деятельности, начиная со студенческих лет, его внимание привлекало прошлое древнего Новгорода. Научные работы И.П. Шаскольского — кандидатская и докторская диссертации — были посвящены борьбе Новгорода со Швецией и Норвегией в XIII веке, Столбовскому миру 1617 года, торговым отношениям России и Швеции в XVII веке. Актуальными остаются и сегодня его монографии, многочисленные публикации в сборниках и материалах научных конференций, периодических изданиях.

В 1936 году Игорь Павлович Шаскольский поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, на отделение истории доклассового общества (с 1938-го — кафедра археологии). Ему очень повезло, что год окончания школы совпал с судьбоносным решением отменить для поступающих в вузы ограничения по социальному происхождению: годом ранее нигде бы не приняли документы у сына бывшего частного предпринимателя¹.

Игорь Павлович считал своё поступление огромной удачей, счастливым событием. Он поступил на истфак Ленинградского государственного университета во время его наивысшего расцвета: там был центр советской науки, сложился очень сильный преподавательский коллектив, создавалась новая концепция

Игорь Павлович Шаскольский

по основным разделам отечественной и зарубежной истории. Студенты предвоенных лет прошли прекрасную научную школу. Лекции читали корифеи исторической науки — академики Б.Г. Греков, В.В. Струве, Е.В. Тарле. Учителями Шаскольского были археологи В.И. Равдоникас, М.А. Артамонов, М.К. Каргер; историки М.Д. Приселков, С.Н. Валк, В.В. Мавродин.

Второй решающей жизненной удачей он считал поступление в 1956 году в Ленинградское отделение института истории АН СССР, ныне Санкт-Петербургский институт российской истории РАН, где проработал более 30 лет.

Сохранились записные книжки-ежедневники за 1936—1938 годы, куда Игорь Павлович вносил сведения о событиях студенческой жизни — семинарах, лекциях, сдаче экзаменов и зачётов, а также о посещении музеев, выставок, театров.

Наибольший интерес, конечно, вызывала археология. С весны 1937 года дважды в неделю у студентов были занятия на археологических курсах в Государственной академии истории материальной культуры. В мае 1937 года он впервые участвовал в археологической практике, а на заседании кафедры 2 июня по результатам практики сделал доклад «Раскопка курганов на о. Жальник 9 и 10 мая 1937 г.». В записной книжке отмечено, что на докладе присутствовали профессора В.И. Равдоникас, Б.Ф. Земляков, М.И. Артамонов, П.Н. Третьяков. В августе Игорь Павлович отправился в Ростов-на-Дону, на раскопки курганов под хутором Весёлый (руководитель экспедиции М.И. Артамонов). В следующем, 1938 году, для

студентов была впервые организована практика в Старой Ладобе, руководил ею профессор В.И. Равдоникас. Тем же летом Игорь Павлович отправился в Киев, об этом отметка за 3 июля в записной книжке: «6 часов утра. Приезд в Киев. Приступил к работе в Киевской экспедиции Института археологии АН УССР (с 1 дня работы)». Руководил экспедицией М.К. Каргер, великолепный знаток древнерусского искусства, новгородской истории и археологии. Раскопки велись на участке Михайловского Златоверхого монастыря, незадолго до того снесённого. Об этом варварском сносе, по решению властей, красивейшего древнего монастыря Игорь Павлович через много лет рассказывал мне с неизбывной горечью и возмущением.

Археологическая подготовка в дальнейшем очень пригодилась, И.П. Шаскольский во многих своих исследованиях опирался на археологические источники, на данные археологической науки. Но археология, неразрывно связанная с экспедиционными исследованиями, не могла стать для него основной профессией: он всё-таки был очень городским человеком, его избранным «полем» были архивы и библиотеки, и уже на первых курсах университета сложилось главное направление его научных занятий — история русско-скандинавских отношений в IX—XVIII веках. И он стал заниматься по двум отделениям — археологии и истории, отлично сдавая все зачёты и экзамены. Определилась основная тема его научных занятий — борьба Новгорода со скандинавскими государствами в Финляндии и Карелии в XII—XIV веках. Уже

на третьем курсе он подготовил первые публикации. В дневниковых записях А.Г. Манькова, товарища Шаскольского по студенческому научному кружку, есть запись от 16.02.1939: «Заседание кружка. Заслушали работу И. Ш-го, написанную им по договору с Воениздом. <...> Написал Игорь очень солидную работу, но для целей популярной брошюры она не подходит. Выступало семь человек. Я тоже»². Вероятно, обсуждение было живым и полезным. Работу Военизг принял, и маленькая монография вышла в конце 1940 года³. Почти одновременно вышла и первая научная статья (обе публикации, по случайному совпадению, подписаны в печать 20.07.1940); ещё одна статья — весной 1941 года⁴.

Когда довелось И.П. Шаскольскому увидеть Новгород впервые? Очень вероятно, что он участвовал в студенческой экскурсии 26–30 января 1939 года: запись о ней содержится в дневнике А.Г. Манькова, который взял на себя организацию поездки⁵. Впоследствии Игорь Павлович бывал в Новгороде многократно, прекрасно знал и очень любил этот город.

Во время войны, в марте 1942 года, И.П. Шаскольский был эвакуирован в Ярославль, где несколько месяцев провёл в стационаре на излечении, а затем работал в системе образования.

Как только стало возможно, он вернулся в Ленинград, поступил в аспирантуру ЛГУ; его научным руководителем стал профессор С.Н. Валк, и в 1947 году была успешно защищена кандидатская диссертация «Борьба Новгорода со Швецией и Норвегией до 60-х гг. XIII века». В 1945—1950-е годы Игорь Павлович

Из фонда Новгородской областной
универсальной научной библиотеки

опубликовал несколько значимых трудов по различным аспектам истории Новгорода и Новгородской земли⁶ и был уже достаточно известным в научных кругах автором.

В 1959 году торжественно отмечалось 1100-летие Новгорода. Этой дате была посвящена научно-теоретическая конференция. В газете «Новгородская правда» за 18 августа 1959 года без малого вся первая страница была отведена подробному отчёту об открытии форума. Проводил конференцию обком и горком КПСС, исполкомы областного и городского Совета депутатов, Отделение исторических наук АН СССР.

Научно-теоретическая конференция, посвященная 1100-летию города Новгорода

Вчера в Новгороде в зале городского актора начала работу научно-теоретическая конференция, посвященная 1100-летию нашего древнего города. Конференция проводится обкомом и горкомом КПСС, исполкомом областного и городского Советов и отделением исторических наук Академии наук СССР.

В 11 часов утра празднично уб-

Академик
М. Н. ТИХОМИРОВ

рванный зал лектора заполнили представители интеллигенции, рабочие, служащие, научно-технические работники города. От имени и по поручению обкома и горкома КПСС и исполкома областного и городского Советов депутаты пред-

ставили в Новгороде для участия в научно-теоретической конференции прибыла крупнейшие ученые страны. Их вместе с представителями областных и городских партийных и советских организаций единогласно избирают в состав президиума. Среди дорогих гостей академик М. И. Тихомиров — крупный специалист в области истории СССР, являющийся автором целого ряда научных работ по истории Новгорода, доктор исторических наук А. В. Арциховский, хорошо известный новгородцам, как крупнейший ученый-археолог, под руководством которого успешно ведут раскопки в Новгороде. Среди участников научно-теоретической конференции — член-корреспондент Академии наук СССР А. С. Лихачев — крупнейший специалист в области древнерусской письменности, знаток новгородских летописей, кандидат исторических наук И. П. Шаскольский.

На утреннем заседании участники конференции заслушали доклад академика М. И. Тихомирова «Большой Новгород в мировой культуре» и доклад доктора исторических наук А. В. Арциховского «Новгород Великий по археологическим данным».

В докладах была подчеркнута выдающаяся роль Великого Новгорода в развитии русской и мировой культуры.

— На протяжении многих веков, — говорит академик М. И. Тихомиров, — Новгород являлся центром большого самостоятельного государства. Трудно представить другой город, расположение которого было бы так выгодно, как положение Великого Новгорода.

Но однажды географическими ус-

В президиуме научно-теоретической конференции, посвященной 1100-летию Новгорода.

шла дорога на Астхань, в Закавказье, Персию. Эта дорога, связывавшая Новгород с Востоком, имела не только огромное торговое,

ролевое. Чем дальше мы будем продолжать раскопки, тем больше будем обнаруживать этих живых путей.

И. П. Шаскольский. Он выразил чувство глубокого удовлетворения по поводу участия в научно-теоретической конференции, посвященной 1100-ле-

Открывал заседание первый секретарь Новгородского обкома КПСС, а зал заполняли, по словам газеты, «представители интеллигенции, рабочих, служащих, инженерно-технические работники города». «Новгородская правда» опубликовала краткое изложение выступлений членов Президиума академика М.И. Тихомирова, доктора исторических наук А.В. Арциховского, члена-корреспондента АН СССР Д.С. Лихачёва и кандидата исторических наук И.П. Шаскольского, а в одном из ближайших номеров — сами доклады (в сокращении)⁷. Игорь Павлович участвовал и в последующих конференциях в Новгороде⁸. В «Новгородской правде» публиковались и другие его статьи, в том числе библиографические обзоры и рецензии⁹.

Очень высоко ценил Игорь Павлович «Новгородский исторический сборник»,

издававшийся в Новгороде с перерывами с 1936 по 1962 год, приветствовал возобновление издания в 1982 году. Особенно приятно было ему, что в редколлегии возрождённого сборника участвовал его ученик и коллега — Геннадий Михайлович Коваленко. В Новгородском сборнике были опубликованы несколько статей И.П. Шаскольского¹⁰.

Так получилось, что и последняя его статья также была опубликована (уже посмертно) в «Новгородском историческом сборнике»¹¹. В том же выпуске была помещена статья датского учёного Дж. Х. Линда со словами соболезнования: «В течение последних пятнадцати лет меня связывали с Игорем Павловичем не только тесные научные контакты, но и близкие личные отношения, и о его потере я глубоко скорблю». И здесь же он твёрдо высказывает своё

несогласие с одной из гипотез Шаскольского и сокрушается, что дискуссия, начатая 30 лет назад, уже не будет продолжена: полемика касалась спорных моментов в интерпретации «Разграничительной грамоты» — документа первой половины XIV века, устанавливающего новгородскую и шведскую границы в провинции Финмаркен и на Кольском полуострове¹².

Следует упомянуть и о других статьях И.П. Шаскольского, опубликованных в различных периодических изданиях и сборниках: в них автор обращается к новым источникам по истории Новгорода, на основании которых исследует судьбу новгородских архивохранилищ¹³. Новгороду и Новгородской земле посвящены многие страницы в его монографиях, в том числе по экономической истории¹⁴.

Начиная с первых, ещё студенческих публикаций, Игорь Павлович многократно обращался к личности Александра Невского, к истории важнейших сражений этого новгородского князя¹⁵. Его це-

лю было на основе глубокого изучения истории Северо-Запада раскрыть связь битвы на Неве, а затем на Чудском озере, с общим ходом военно-политической борьбы Новгорода в XII—XIV веках.

Судя по записным книжкам, Игорь Павлович любил театр, не пропускал значимых выставок, часто бывал в кино. Конечно, он посетил премьеру нового исторического фильма: «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна, который вышел на экраны 1 декабря 1938 года, а 5 декабря Игорь Павлович смотрел его в кинотеатре «Колизей» на Невском проспекте.

В 1962 году, к юбилею Ледового побоища, фильм показывали в лектории общества «Знание» на Литейном, 42. Перед показом он читал вводную лекцию об Александре Невском. Мы ходили всей семьёй; был полный зал, рассказывал Игорь Павлович очень увлекательно, и после лекции все с огромным интересом смотрели этот знаменитый фильм.

Как учёный-историк он отдавал должное мастерству авторов фильма

и в то же время призывал отличать историческую правду от художественной выдумки. И помнить, что ставшие широко известными, а ныне — почти хрестоматийными, слова: *«Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет! На том стояла и стоять будет Русская земля»*, — произнёс всё же не князь Александр Невский, а актёр Николай Черкасов...

В конце 1980-х годов в устье реки Ижоры, вблизи места Невской битвы, была восстановлена церковь, открыт памятник Александру Невскому. Была проведена научная конференция, и здесь Игорю Павловичу, как докладчику и почётному гостю, был поднесён комплект памятных значков, изготовленных с помощью электрохимической технологии Ленинградским НИИ электрофизической аппаратуры им. Д.В. Ефремова.

* * *

Большая часть жизни Игоря Павловича прошла в доме на улице Чехова, в центре Петербурга, в некогда семейной, а затем коммунальной квартире. У А.Г. Манькова в дневнике есть запись от 26 января 1941 года: *«Был у Шаскольского. Писали некролог М.Д. [Приселкову]. У Шаскольского две хороших больших комнаты, старинная дорогая обстановка, шкафы с книгами. В таких комнатах жить и работать должно быть очень приятно. Красивая мебель, картины, статуэтки и безделушки возбуждают добрые чувства, будят красивую мысль»*¹⁶.

В одной из этих комнат мы вчетвером — родители, мой старший брат и я — жили до 1973 года, только лучшее из мебели, а также *«картины, статуэтки и безделушки»* и, за небольшим исключением, прекрасная библиотека, которую собрал мой дед — всё было продано или отдано в обмен на съестное во время блокады. Правда, книгами за послевоенные годы комната была уже заполнена вновь.

Слева в углу, у окна, стоял большой, громоздкий письменный стол, заваленный рукописями, среди которых отыскать нужное мог только Игорь Павлович. Он многократно переписывал черновики, отдавал новый вариант машинистке и вновь перекраивал написанное. Под рукой у него всегда были клей и кисточка, а также огромные острые ножницы, которые всегда аккуратно убирались в стол (это была последняя реликвия из фамильной аптеки). Так он работал с черновиками: отрезал

зачёркнутое, нужное склеивал в новую страницу (сейчас мы нечто подобное делаем на компьютере средствами Word). Настольная лампа была с бумажным абажуром, а вечером вдобавок накрывалась газетой, чтобы свет не мешал детям — мне и брату — засыпать. Нередко бумага, нагревшись на лампочке, начинала дымить, тлеть, а то и вспыхивала ярким пламенем; «пожар» без лишней паники тушили, накрывая полотенцем. Работал он обычно допоздна — до 2–3-х часов ночи.

В детстве я, засыпая, неизменно видела отца за письменным столом, прислушивалась к привычному поскрипыванию пера — он писал «вечным» пером,

автоматической ручкой, которая заполнялась чернилами. Игорь Павлович имел обыкновение проговаривать про себя то, что потом ложилось на бумагу. Он не только оттачивал стиль, добиваясь чёткого логического построения фразы, но и переживал глубоко эмоционально события давних лет. И вот, в комнате почти темно, горит только настольная лампа, поскрипывает перо, отец что-то тихонько шепчет... Вот отложил ручку, встал и подошёл к окну, бормочет что-то чуть слышно, а потом и погромче, вот взмахнул руками и даже ударил кулаком по оконному переплёту! И быстро-быстро возвращается за стол, и опять неумолчно скрипит перо...

¹ До революции П.Б. Шаскольский владел аптекарской фирмой, в годы НЭПа — аптекарским магазином.

² Маньков А.Г. Дневники тридцатых годов. СПб., 2001. С. 212. Аркадий Георгиевич Маньков (1913—2006) — историк, доктор исторических наук (1962), заслуженный деятель науки РСФСР (1984), лауреат премии имени Б.Д. Грекова (1984), сотрудник ЛОИИ (1948—1997).

³ Шаскольский И.П. Борьба русского народа за невыеские берега. М.: Воениздат, 1940.

⁴ Шаскольский И.П.: 1) Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой // Военно-исторический журнал. 1940. № 7 (12). С. 90–95; 2) Емь и Новгород в XI—XIII веках // Учёные записки ЛГУ. 1941. № 80. Серия исторических наук. Вып. 10. С. 93–115.

⁵ Маньков А.Г. Дневники тридцатых годов. СПб., 2001. С. 209, 210.

⁶ Шаскольский И.П.: 1) Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. 1945. Т. 14. С. 38–61; 2) Посольство Александра Невского в Норвегию // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 112–116; 3) Предание о Сигтунских вратах и его достоверность // Учёные записки ЛГУ. 1949. № 112. Сер. исторических наук. Вып. 14. С. 120–135; 4) Сигтунский поход 1187 г. // Исторические записки. 1949. Т. 29. С. 135–163; 5) Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? // Исторические записки. 1950. № 35. С. 295–303; 6) Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. 1951. № 2. С. 3–23; 7) Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь // Известия АН СССР. 1951. Серия истории и философии. Т. 8. № 1. С. 267–276.

⁷ Шаскольский И.П. Внешняя политика Новгорода в XIII—XV в. // Новгородская правда. 1959. 21 авг.

⁸ Шаскольский И.П.: 1) Этническая структура Новгородского государства // Новгород древний — Новгород социалистический. Археология, история, искусство: материалы научной конференции. Новгород, 1977. С. 16–17; 2) Борьба со Швецией за возвращение утраченных

новгородских владений (конец XV в.) // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в.: тезисы докладов и сообщений научного симпозиума. Новгород, 1986. С. 9–10.

⁹ Шаскольский И.П.: 1) Новые работы по истории Новгорода // Новгородская правда. 1947. 26 дек.; 1953. 19 апр.; 2) Новгородский исторический сборник: [рецензия] // Там же. 1959. 6 сент.; 3) Великий Новгород и Эстония // Там же. 1961. № 52 (4235). 2 марта. С. 4.

¹⁰ Шаскольский И.П.: 1) О деятельности шведского гостиного двора в Новгороде в XVII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 2 (12). Л., 1984. С. 188–202; 2) Конфликт Новгорода со Швецией в 1337—1339 гг. // Новгородский исторический сборник. Вып. 4 (14). СПб., 1993. С. 52–71.

¹¹ Шаскольский И.П. Новгородские владения на берегах Ботнического залива (XIII—XIV вв.) // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 144–164.

¹² Линд Лж. Х. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Там же. С. 135.

¹³ Шаскольский И.П.: 1) Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV—XV веков // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1962. С. 71–78; 2) Как оказался в Стокгольме новгородский архив начала XVII века? // Советские архивы. 1968. № 3. С. 115–117; 3) Судьба государственного архива Великого Новгорода // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 4. Л., 1972. С. 213–228.

¹⁴ Шаскольский И.П.: 1) Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л.: Наука, 1964; 2) Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л.: Наука, 1965; 3) Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л.: Наука, 1978; 4) Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии, конец XIII — начало XIV в. Петрозаводск: Карелия, 1987; 5) Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л.: Наука, 1987; 6) Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (торговля со Швецией). СПб.: Наука, 1994; 7) Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.

¹⁵ Шаскольский И.П.: 1) Новые материалы о шведском походе 1240 года на Русь // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1951. № 3. С. 267–276; 2) Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40-х — 50-х годов XIII века // Исторические записки. 1953. № 43. С. 182–200; 3) Сражение на Неве (к 750-летию) // Князь Александр Невский: материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. СПб., 1995. С. 61–69; 4) Невская битва 1240 года в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха: исследования и материалы. СПб., 1995. С. 15–23: ил.

¹⁶ Маньков А.Г. Дневники тридцатых годов. СПб., 2001. С. 300.

Продолжаем публикацию о Великопольском имении выдающегося государственного деятеля и реформатора М.М. Сперанского в Новгородской губернии, где он пребывал в ссылке. Здесь прослеживается судьба Великополья на протяжении XIX—XX веков, как при М.М. Сперанском, так и при смене владельцев, а также история двух старейших новгородских деревень — Жадово и Радионово, которые входили в состав имения. Авторы обращаются к архивным документам и свидетельствам современников, в том числе запискам барона М.А. Корфа, который в описании жизни М.М. Сперанского отмечал, помимо прочего, его заботливое отношение к собственным крестьянам, наставляя их жить «по-христиански и по-крестьянски».

Людмила Филиппова, Ирина Сперанская

ВЕЛИКОПОЛЬСКОЕ ИМЕНИЕ

М.М. СПЕРАНСКОГО

Великопольскому имению принадлежали две деревни — Жадово и Радионово. Деревня Жадово располагалась на правом берегу Малого Волховца, примерно в одной версте от господской усадьбы. Деревня старинная, впервые она упоминается в Писцовой книге Обонежской пятины 1582—1583 годов. До присоединения Новгорода к Москве деревня Жадово принадлежала Богородицкому Лисицкому монастырю, а после была «отписана» на московского царя и по его указу отдана вместе с сенными покосами «помещикам Ивану Боранову и Михаилу Мякинину»¹. Со второй половины XVIII века до 1811 года Жадово принадлежало Минихам. Она обозначена во владениях А.С. Миниха на плане 1778 года. До нашего времени эта деревня не сохранилась. Сегодня на её месте сельское кладбище.

Судя по чертежам 1778-го и 1817-го, планировка деревни была односторонней. Все жилые дома обращены к реке, а огороды располагались в основном «против дому». Перед домом на глазах у хозяина стояла и хлебная клеть. Другие хозяйственные постройки: конюшни, сенные сараи, погреба также большей частью находились перед домом и лишь некоторые — позади дома или двора. А бани, как обычно, стояли на берегу реки. В момент продажи имения в 1819 году в деревне насчитывалось 16 дворов, в которых проживало 96 человек.

Деревня Радионово (Родионово, Родиванова) находилась на противоположном левом берегу Вишеры, менее чем в версте от господской усадьбы. От неё к перевозу через реку шла дорога, которая заметна и сегодня. Эта деревня

Карта правого берега Волхова в окрестностях Новгорода, от Сковородского до Хутынского монастырей. Конец XIX — начало XX в. Фрагмент. НГМ КП 25982/4488. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 257

сохранилась до нашего времени. Старожилы её помнят и перевоз, который существовал прежде на том же месте, что и в XIX веке.

Деревня Радионовы тоже старинная. Впервые подмонастырская деревня Николю-Островского монастыря, названная Ронево, упоминается в Писцовой книге Обонежской пятины 1582—1583 годов. Это был период страшных эпидемий, когда Новгородская земля обезлюдела. В деревне Ронево указаны всего два двора, а пашни за рекою Велею между Ронево и Ушерско лесом поросли². В Переписной книге 1646 года в Волотовском погосте при Николю-Островском монастыре указана монастырская деревня «Корень, Родионовы тож»³. Деревня Родионовы упоминается и в Описи 1768 года среди владений бывшего Николаевского Островского монастыря⁴.

Точное время, когда эта деревня вошла в состав Великопольского имения, неизвестно. В 1778 году А.С. Миниху принадлежала здесь только одна деревня Жадово, а деревня Радионовы была куплена им или его наследниками позднее. Деревня эта небольшая. В момент продажи в 1819 году в ней насчитывалось всего 8 дворов, в которых проживало 46 человек.

Определить характер планировки деревни Радионовы по изображению на плане 1817 года затруднительно, поскольку оно нечётко и схематично. Можно предположить, что жилые дома были обращены к Вишере, а большая часть хозяйственных построек и огороды находились напротив них, ближе к реке. Часть хозяйственных построек располагалась позади домов. Многие хозяйства имели гумна и риги, построенные

совместно с одним или двумя соседями. Они стояли за деревней в поле.

В деревне Жадово старшее поколение и их взрослые дети жили, большей частью, в одном доме, а в деревне Радионово многие подобные семьи имели по две избы: обычно одна новая, а другая старая. Одна семья имела даже три избы: *«передняя изба о двух жихьях хорошая, а задняя посредственная»*.

Судя по описи имения 1819 года (хотя насколько эти данные насчёт крестьян точны, неизвестно), следует, что детей в семьях было не очень много, не более пяти, вероятно, из-за большой смертности в младенчестве. Продолжительность жизни была небольшой. В обеих деревнях указаны только три жителя старше 60-ти лет и лишь один, достигший 70-летия. Удивляют очень ранние браки. Например, приёмьш Аграфена в 11 лет выдана замуж за 12-летнего Трофима, а падчерицу Авдотью Емельянову выдали замуж в 12 лет за 14-летнего Василия Лукина. И таких примеров можно привести ещё несколько.

Скотины держали помногу. В большинстве хозяйств имелось по 2–3 лошади. И это было вызвано необходимостью. Две лошади обязательно нужны для вспашки поля: одна пахала до обеда, другая после. Только сам мужик мог выдержать эту тяжёлую работу в поле с утра до вечера. Крестьянин, имевший в своём хозяйстве только одну лошадь (таких в деревне Жадово насчитывалось пять, в деревне Радионово — один), оказывался в бедственном положении. Кроме лошадей, в каждом хозяйстве имелось от двух до пяти коров и ещё свиньи, овцы, куры.

Сеяли рожь, овёс, ячмень, лён. В деревне Жадово только в пяти хозяйствах хлеба хватало для нового урожая, а остальные покупали его с мая месяца, а некоторые даже с января и февраля. В Радионово же всем семьям было достаточно своего хлеба до нового урожая. Причину такого разного достатка у крестьян соседних деревень, к тому же принадлежавших одному владельцу, объяснить трудно.

Нужно отметить, что помещик Сперанский по-отечески относился к своим крестьянам. Он бесплатно снабжал бедных лошадьми и другим скотом, а в случае необходимости всем помогал деньгами и лекарствами. Модест Андреевич Корф, который в 1847 году собирал сведения о жизни Сперанского в Великополье, писал, что крестьяне и спустя много лет продолжали помнить доброго барина и *«благодарить его память»*. По словам Корфа, Михаил Михайлович запрещал крестьянам *«пить на работе холодную воду, высылая из своего имения квас»*. Сперанский убеждал своих подданных *«не вовремя и без нужды»* не употреблять горячительные напитки и грозил им, если они не послушают, судом Божиим. Наставляя жить своих подданных *«по-христиански и по-крестьянски»* и, стараясь несколько смягчить грубость их нравов, он сам подавал пример человеколюбия: встречаясь с ними, сам первый кланялся. Корф приводит трогательные примеры заботливого отношения Михаила Михайловича к крестьянам: *«Случалось, что во время прогулок по полям он находил работников, спавших на голой земле; тогда, если было поблизости сено, он тотчас брал*

Граф М.М. Сперанский.
Неизвестный художник. 1812 г.

его в охапку и бережно клал им под головы, "чтоб они не простудились"⁵.

Доброе отношение Сперанского к людям распространялось не только на своих. Великопольская усадьба, расположенная недалеко от большой Московской дороги, нередко становилось временным приютом для нуждающихся прохожих.

* * *

Весной 1817 года, будучи уже пензенским губернатором, Сперанский занял денег и купил у помещиков Ханеевых на имя дочери небольшое имение неподалёку от Пензы. Покупка деревни усугубила плохое финансовое положение Сперанского. Хотя общий доход его составлял в тот период 39 000 рублей — деньги по тем временам немалые — у него нако-

пился долг 265 000. А объяснялось это в значительной мере широким добрым характером Михаила Михайловича. Он помогал своей многочисленной родне: старушке-матери, брату Кузьме, сестре Марфе, двоюродной сестре — вдове Татьяне Богословской, брату отца и другим родственникам. Помимо того, Сперанский назначил пенсию брату своей покойной жены инвалиду Франсису, заботился о Белле — старой английской няне Лизы, дарил дорогие подарки родным и знакомым. И он совершенно не скупился в расходах на дочь, считая деньги, потраченные на неё, «лучшим для себя доходом».

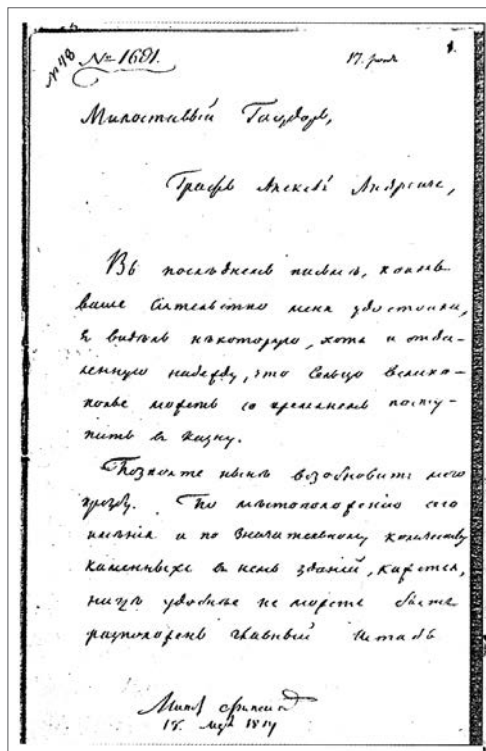
Долги тяготили Сперанского. «Из всех вещей заботливость денежная есть для меня несноснейшая», — признавался он в письме к Масальскому⁶. Чтобы рассчитаться с долгами, Сперанский решил продать Великопольское имение и дом в Петербурге, который не приносил доходов, а только требовал ремонта.

Сначала Великополье хотел купить зять М.К. Вейгардт А.А. Жерве, затем один из близких друзей Аракчеева — генерал-майор А. Бухмейер. Но сделка с ним не состоялась. Сперанский оценивал имение в 140 тысяч рублей, Бухмейер предлагал 100 тысяч рублей. Тогда Михаил Михайлович обратился к Аракчееву с просьбой купить Великополье в казну, чтобы использовать его для военных поселений. Сперанский убеждал его тем, что прежде имение принадлежало фельдмаршалу Миниху, и ещё тем, что оно окружено землями военных поселений. В результате содействия Аракчеева, с высочайшего позволения императора Александра, имение было куплено в каз-

ну за назначенную Сперанским цену в 140 тысяч рублей.

Официальная продажа Великополья произошла 30 апреля 1819 года без присутствия Сперанского, который находился на службе в Пензе. По доверенности, данной помещицей Елизаветой Михайловной Сперанской давнему другу их семьи Аркадию Алексеевичу Столыпину, в казну было продано село Великополье с деревнями Жадово и Радионово со 152-мя душами крестьян мужского и женского пола «со всем их крестьянским имуществом, как-то: хорошим и гунменным строением, со скотом мелким и рогатым, с лошадьми и птицами, с хлебом стоящим, молочным и в земле посеянным, с пашенною и не пашенною землею, льном, санными покосами, рыбными ловлями и всякими угодьями, что к тем селу Великополью и деревням Жадовой и Родионовой, также в пустошах и пожнях <...> принадлежат», а также с «господскими принадлежностями как то: разным скотом и птицами, с посеянным хлебом, с каменным двухэтажным домом, двумя при оном каменными флигелями и прочими строениями и заведениями, садом и материалами для строения, в кирпиче, извести, камне и лесе...»⁷. При этом 15 душ мужского и женского пола дворовых людей оставались собственностью Сперанских. Их, по-видимому, перевезли в Пензу.

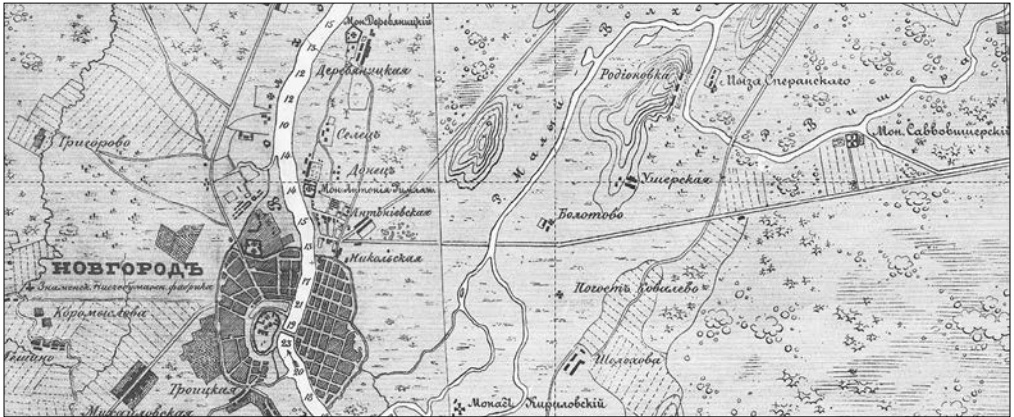
После покупки в казну Великопольское имение вошло в состав земель военного поселения Гренадерского Его Величества короля Прусского полка. Барский дом со службами и садом стал

Письмо М.М. Сперанского А.А. Аракчееву с просьбой о выкупе имения в казну

местом летнего пребывания командира поселенного гренадерского корпуса.

Вероятно, в Великопольской усадьбе, как и в некоторых других местах военных поселений, имелась специальная квартира для Аракчеева, где он мог останавливаться во время проверок расположенных поблизости поселенных частей. Об этом свидетельствует распоряжение Аракчеева от 6 июня 1825 года, в котором говорится, что из двух оловянных чернильниц и двух песочниц из карельской берёзы один комплект следует доставить в село Медведь, а другой — в село Великое поле к майору

«Карта озера Ильменя, с означением водного пути между Новгородом и Старой Руссой». СПб., 1870. Фрагмент

Фёдоровичу с тем, чтобы *«оныя вещи были положены в моих квартирах»*⁸.

С полной отменой военных поселений, которая произошла в 1857 году, бывшее имение Сперанского стало переходить к разным владельцам, и его бывшее благополучное состояние постепенно утрачивалось. Усадьба называлась теперь Мызой Сперанского или Сперанской мызой.

В 1870-х годах Сперанская мыза несколько лет значится в продаже. В 1872 году она была оценена в 1000 рублей, в 1877 — в 2000 рублей. Вероятно, в 1877-м Сперанская мыза была кем-то куплена, так как в следующие годы среди имений Новгородского уезда, числящихся в продаже, она не значится⁹. В 1895 году усадьба принадлежит дворянину Ивану Самуйловичу Зиберту. В ней числится 14,1 десятина земли, жилых построек две, хозяйственных четыре. Пашни засеяны травой¹⁰.

В.П. Ласковский в «Путеводителе по Новгороду» 1913 года с горечью отмечает:

*«Ныне "мыза" эта переишла в посторонние руки и ничего напоминающего этого замечательного в истории России человека не осталось, уцелел только старинный сад»*¹¹. Видимо, к этому времени господский дом, не раз отремонтированный и перестроенный, настолько утратил свой первоначальный архитектурный облик, что Ласковский не упоминает его.

Последней владелицей Сперанской мызы до Октябрьской революции 1917 года была княгиня Мария Александровна Урусова (1850 — ?). В начале XX века она постоянно проживала в своём имении Верхово, расположенном вблизи станции Боровенка Николаевской железной дороги. *«Женщина пожилая, серьёзная и энергичная, пользуется уважением соседей и местного населения»*, — так отзывался о ней новгородский вице-губернатор в 1910 году¹². В имении Верхово княгиня организовала образцовое хозяйство: садоводство, огородничество, производство молока и других продуктов, а на станции Бо-

ровёнка основала гомеопатическую лечебницу с амбулаторией. В каком году М.А. Урусова купила Великопольскую усадьбу, неизвестно. Приобретая её, она, вероятно, планировала преобразовать эту запущенную усадьбу, расположенную в живописном месте с прекрасным парком и садом. Очевидно, события 1917 года заставили княгиню отказаться от своих идей. В мае этого года, то есть при Временном правительстве, Урусова передала усадьбу в бесплатное пользование на 15 лет Особой Комиссии Верховного Совета, которая решила поместить там до 60-ти «спокойных хронических душевнобольных воинов» с соответствующим числом медицинского и служебного персонала. Для приспособления имения к этой цели было ассигновано 60 000 рублей, а губернской земской управе было предложено взять на себя работы по оборудованию зданий под приют¹³. В это время в усадьбе значилось двухэтажное каменное здание с надворными постройками, 14 десятин земли под парком с фруктовым садом, огородом, пашней и лугом.

Неизвестно, успела ли Особая Комиссия обустроить на мызе приют для душевнобольных воинов, так как через пять месяцев свершилась Октябрьская революция, в результате которой всё коренным образом изменилось. В разорённой стране появились тысячи беспризорников, и Мыза Сперанского становится колонией для 30-ти так называемых «морально-дефективных» детей. Потом она стала называться «колонией малолетних правонарушителей». По мнению автора статьи «Народное просвещение в Новгородской губернии за

5 лет советского строительства» (1922 г.), в колонии *«путем создания здоровой обстановки дети приучаются к коллективному осмысленному труду»*, она *«служит лучшим средством для превращения ребёнка, представляющего опасность, в сознательного гражданина»*¹⁴. Для приёма детей бывший господский дом был отремонтирован. В списках усадеб 1924 года он значится как *«старый каменный простой дом»*¹⁵. К этому времени его художественно-историческое имущество уже полностью отсутствовало. Кроме дома, в усадьбе оставалось ещё здание конюшни.

Старинный барский дом, доживший до 1940-х, не пощадила война. Мыза Сперанского находилась вблизи линии фронта, и её постройки были уничтожены немецкой авиацией.

До нашего времени частично сохранился лишь парк, который занимает площадь 9,7 гектаров. Расположенный на возвышении, он хорошо виден с дороги. Западная, южная и юго-восточная границы парка проходят по лугу, с северной стороны — огороды, а с восточной — застройка небольшой деревеньки. Большую часть деревьев парка составляют липы в возрасте более 150—200 лет, но есть и старше. От усадебных построек остались только каменные фундаменты.

* * *

В своё время Модест Корф писал, что *«Франция и Германия благоговейно сохраняют дома, в которых жили или окончили своё земное пристанище их великие люди, <...> когда и мы ставим памятники нашим воинам и поэтам: о Сперанском, одном из самых ярких светил нашей*

народной славы, остаётся напоминать потомству только скромный надгробный камень на кладбище Александро-Невской Лавры и — великие дела!»¹⁶.

Ныне в Санкт-Петербурге на сохранившемся доме № 42 на Невском проспекте, где М.М. Сперанский в 1823—1832 годах снимал квартиру на втором этаже, имеется мемориальная доска, которая напоминает о великом жильце. А на конном памятнике Николаю I, что на Исаакиевской площади, на барельефе

изображена сцена награждения Сперанского орденом Андрея Первозванного на заседании Государственного совета.

В Новгороде Михаил Михайлович Сперанский увековечен в бронзе на воздвигнутом в 1862 году памятнике Тысячелетию России. Будем же надеяться, что достойным памятником Сперанскому на Новгородской земле станет и восстановленный, сохранённый для потомков старинный усадебный парк на мызе его имени.

¹ Писцовая книга Обонежской пятины Нагорной половины 1582—1583 гг. // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Книга 6. М., 1850. С. 120—121.

² Там же. С. 120.

³ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв. / составитель: И.Ю. Анкудинов. СПб., 2003. С. 100.

⁴ Секретарь Л.А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М., 2011. С. 535.

⁵ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 104—105.

⁶ Дружеские письма графа М.М. Сперанского П.Г. Масальскому. СПб., 1862. С. 72.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 379. Оп. 1. Д. 256. Л. 44—45 об.

⁸ РГИА. Ф. 1640. Оп. 1. Д. 3. Л. 23—23 об.

⁹ Отдел письменных источников Новгородского музея-заповедника (ОПИ НГМ). Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 2 об., 24 об.

¹⁰ Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Новгородский уезд. Новгород, 1895. № 255.

¹¹ Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Новгород, 1913.

¹² РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 120. Л. 10.

¹³ Новгородские губернские ведомости. 1917. № 38 (17 мая).

¹⁴ Народное просвещение в Новгородской губернии за 5 лет советского строительства // Великий красный Новгород: политический историко-литературный сборник к пятилетию Великой Октябрьской революции 1917—1922. Новгород, 1922.

¹⁵ Каравайников В.Ю. Усадьбы Новгородской губернии в 1920-е гг. // Новгородский архивный вестник. Вып. 7. Великий Новгород, 2008. С. 319, 324.

¹⁶ Цит. по: Минаева Н.В. М.М. Сперанский в воспоминаниях современников. Конец XVII — первая половина XIX веков. М., 2009. С. 234.

Опубликовано: Филиппова Л.А., Сперанская И.Н. М.М. Сперанский в новгородской ссылке. Великий Новгород, 2014. С. 65–76.

Татьяна Корешкова

«СО ВСЕСТОРОННИМ ОСВЕЩЕНИЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ»

*Сельскохозяйственное отделение
Новгородского губернского земства.
1879–1884 годы*

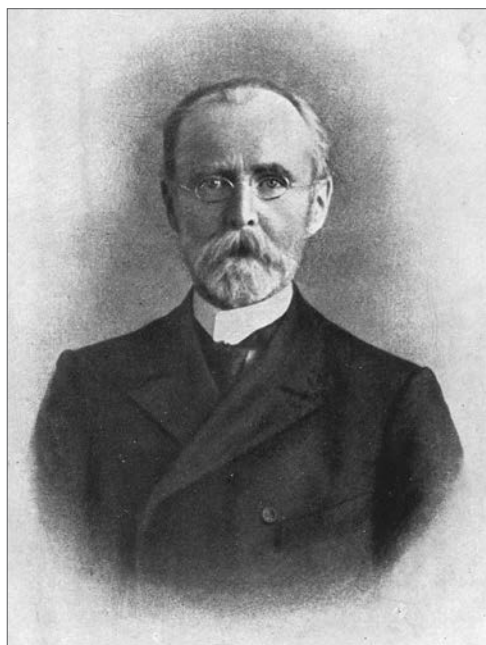
Сельскохозяйственное отделение Новгородского земства стало вторым учреждением после сельскохозяйственного съезда 1869—1871 годов¹, открытым с целью изучения и поддержки аграрного сектора губернии, оказавшегося в крайне сложной ситуации в период середины и второй половины 1870-х годов. Неурожай 1877—1879 годов в большинстве уездов сопровождался «поражением злаков червем и градобитием хлебов». Чрезвычайно холодным с постоянными проливными дождями летом 1879 года погибла большая часть посевов, из-за разливов рек пропали запасы сена². Несколько лет не прекращались эпизоотии, от которых только в 1875 году погибло почти 76 тысяч коров. Население оказалось на грани голода. Губернатор Э.В. Лерхе сообщал императору о неспособности крестьян платить налоги, просил об отсрочке по выплате недоимок от пяти до двадцати лет или о полном их списании³.

Губернское земское собрание 1879 года выделило населению шести наиболее пострадавших уездов 112 тысяч рублей, в 1880-м — 55 тысяч рублей на обсеменение полей и 110 тысяч на закупку продовольствия⁴. Однако эти меры не дали ожидаемых результатов. В этих условиях «инициативу предварительного ознакомления с насущными потребностями и действительным положением сначала сельского хозяйства, а впоследствии и общего положения губернии» взяла на себя губернская земская управа⁵. Председателем её на тот момент был Александр Николаевич Попов⁶, членами — Николай Николаевич Нечаев⁷, Пётр Казимирович Рейхель⁸ и Михаил Матвеевич Тимаев⁹.

А.Н. Попов посвятил себя земской работе с 25-летнего возраста, являлся последователем признанного лидера земского движения России князя Александра Илларионовича Васильчикова¹⁰, по рекомендации которого

Крамской И.Н.
Портрет князя А.И. Васильчикова
XIX в., вторая половина. НГМ КП 2571

Александр Николаевич Попов
Из книги: Юбилейный земский сборник.
1864–1914. СПб., 1914

6 марта 1873 года был избран председателем управы. Это произошло после получившего широкий резонанс острого конфликта, который привёл к отказу А.И. Васильчикова от места гласного и отставке прежнего председателя управы Николая Николаевича Фирсова¹¹. Несмотря на столь сложную обстановку, Попов сумел в дальнейшем проявить себя как «неутомимый, деятельный, вдумчиво-практичный» человек¹². Он активно участвовал в различных земских комиссиях, организовал первый съезд земских врачей губернии и проведение статистических исследований, наладил работу учительской семинарии, инициировал издание сборников

постановлений губернского земского собрания¹³.

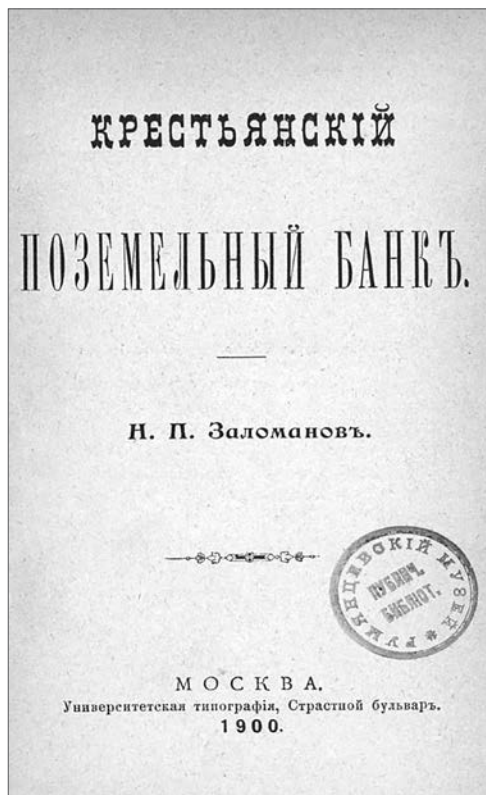
Несомненной заслугой А.Н. Попова стала постановка вопроса о поддержке сельского хозяйства как главного направления деятельности Новгородского земства. Он отказался от обсуждения этой тематики всеми желающими, как это было на заседаниях сельскохозяйственного съезда, и от предложенного Вольным экономическим обществом способа подъёма местной экономики за счёт открытия низших сельскохозяйственных школ¹⁴, но предложил открыть при губернской управе постоянный орган — отделение по делам сельского хозяйства. Цели его А.Н. Попов ви-

дел в изучении общих проблем сельского хозяйства, оказании поддержки хозяйствам помещиков, а затем и крестьян-общинников.

Губернское собрание учредило сельскохозяйственное отделение с должностью уполномоченного в 1878 году (ранее аналогичная должность была введена лишь Верхотурским уездным земством Пермской губернии¹⁵), ассигновало на его содержание и разъезды соответственно 2,5 тысячи и 500 рублей¹⁶. Одновременно было открыто статистическое отделение Новгородского земства.

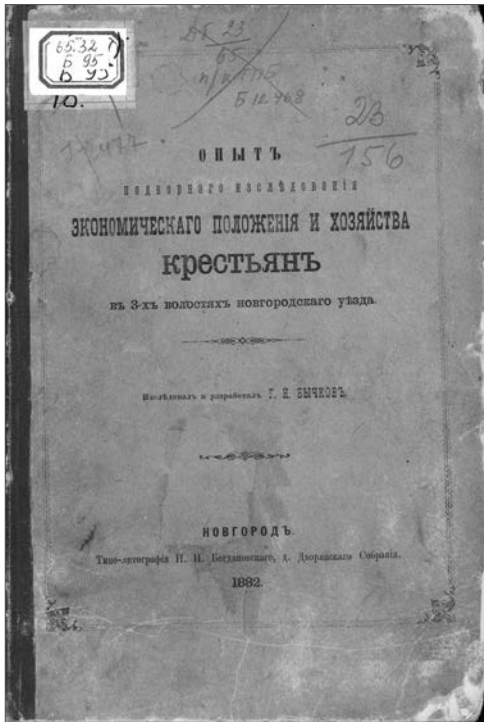
В 1879 году для руководства сельскохозяйственным отделением был приглашён выпускник Земледельческой школы 1865 года, преподаватель Петербургского земледельческого института, агроном Николай Петрович Заломанов¹⁷, который сразу был включён в состав губернской земской управы. В ходе первоначального знакомства с общим состоянием губернии он обратил внимание на быстрое сокращение дворянского землевладения после реформы 1861 года, концентрацию заброшенных имений вдоль линии Николаевской железной дороги в Новгородском, Крестецком и Валдайском уездах и полное прекращение полевых работ и скотоводства в 114 имениях¹⁸. Тогда же по просьбам владельцев частных хозяйств — помещиков он приступил к составлению организационных планов.

Выступая на XV сессии губернского земского собрания в декабре 1879 года, Н.П. Заломанов подчеркнул своевременность открытия постоянного сельскохозяйственного отделения и пред-

Из фонда
Российской государственной библиотеки

ставил своё видение его дальнейшей деятельности. Функции отделения он сводил к «*производству изысканий для ознакомления с существовавшим положением дел; содействию уездным съездам сельских хозяев*», включая подготовку предложений, докладов и установление связей со специалистами; сбору статистических сведений о полеводстве, урожайности культур и скотоводстве; консультированию частных землевладельцев и др. Свою практическую деятельность в губернии агроном признал малоуспешной. Считал, что программа

Из фонда Новгородской областной универсальной научной библиотеки

обследования помещичьих имений была разработана им «плохо», с упущением многих важных вопросов, а программа описания крестьянских хозяйств, хотя и составлялась при «ближайшем участии» губернской управы на основе метода подворной переписи, оказалась трудноисполнимой уже в части сбора сведений¹⁹. Губернское земское собрание, оставаясь на позициях преимущественной поддержки дворянского землевладения и не имея финансовых и людских ресурсов, ограничило сферу деятельности отделения исследованием помещичьих хозяйств для составления организационных планов и «описанием

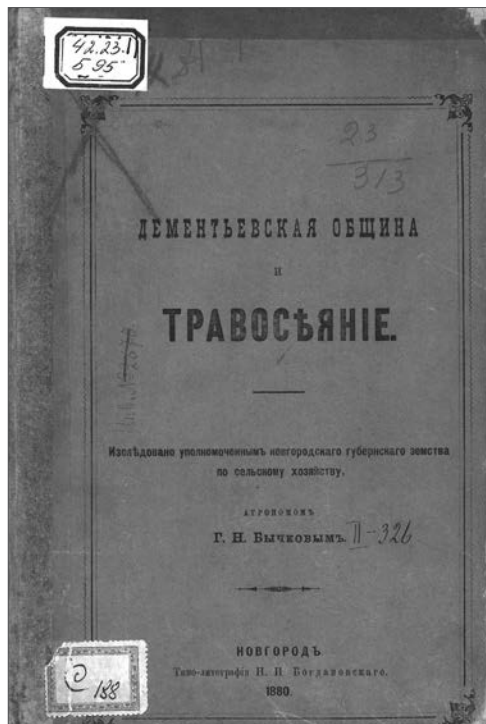
хозяйств общинных с указанием способов улучшения их»²⁰. Проработав до марта 1880 года, Н.П. Заломанов оставил службу²¹.

С 1 апреля 1880 года сельскохозяйственным отделением руководил уполномоченный по сельскому хозяйству Новгородского губернского земства агроном Гедеон Назарьевич Бычков²² — выходец из мещан, выпускник Петровской земледельческой и лесной академии²³. Как член губернской управы он «выговорил себе право видоизменить» программу отделения. Главным считал систематическое изучение сельского хозяйства, выяснение причин его бездоходности и средств повышения экономического уровня населения, а консультирование помещиков и составление организационных планов оценивал как дело второстепенное, которое могло выполняться лишь постольку, «поскольку не препятствовало исследованиям»²⁴.

До согласования этих принципов с губернским собранием Бычков работал в ранее утвержденных рамках: составил новые, более полные программы сбора данных о частных и общинных хозяйствах, исправил и дополнил бланк подворной переписи. В мае—июне 1880 года он обследовал деревню Малое Дементьево Дементьевской волости в Череповецком уезде, намеченную ранее Заломановым, причём самостоятельно провёл подворную перепись жителей деревни, измерил площади полевых наделов и покосов. Бычков сравнил полученные им сведения с данными, поступившими от волостного правления, уездной земской управы и казначейства за 10 лет (1869—1879), и пришёл к выводу, что в хозяй-

ственной жизни крестьян произошли заметные положительные изменения за счёт введения севооборота (главным образом, выращивания клевера). Улучшилось содержание и кормление скота, удобрение полей, расширились площади посевов ржи, овса, льна, ячменя, картофеля, увеличился сбор сена и соломы, вырос средний валовой доход и капитал деревни, уменьшились недоимки. По мнению агронома, этот опыт являлся образцом рациональной системы земледелия, применимой для сходных почвенных и природно-климатических условий. Исследование Бычкова опровергло мнение большинства учёных о «безусловно невозможном» введении травосеяния в крестьянских общинах и заслужило одобрение министра Государственных имуществ А.А. Ливена²⁵. В кратком изложении оно было опубликовано в газете «Новгородские губернские ведомости»²⁶, а затем, по решению губернского земского собрания, — отдельной книгой²⁷. Министерство государственных имуществ премировало крестьян деревни Малое Дементьево. После разъяснений Бычкова их примеру последовали деревни Афонино, Войново, Ившено, Курилово, Никотино и Сельцы²⁸.

К ноябрю 1880 года Г.Н. Бычков изучил крупный район переработки молока в Череповецком уезде, где, благодаря качеству кормовых трав, хорошему уходу и содержанию коров, в помещичьих хозяйствах изготовлялись различные виды сыров и сливочного масла — продуктов, пользовавшихся возрастающим спросом на российском рынке. Уполномоченный посетил одиннадцать ферм, в девяти из

Из фонда Новгородской областной универсальной научной библиотеки

них имелись стада по 1000 голов скота, установил, что в 1880 году всего было переработано 147 259 вёдер молока примерно на 44 484 рубля, и 51,4% этой суммы составляло молоко крестьянских коров. Продажа молока крестьянами на фермы помещиков оценивалась агрономом Бычковым как «довольно поучительное явление в сельскохозяйственном мире России», как промысел. Этот промысел давал населению свыше 21,5 тысячи рублей годового дохода, способствовал росту средней удойности коров (с 53,3 до 120 вёдер за 1863—1869 годы), превращению скотоводства в доходную статью бюджета, переходу от трёхполья

к многопольно-травяной системе с выгонами, улучшению обработки пашни и, в конечном результате, повышению уровня жизни населения. Агроном выразил уверенность в том, что в будущем Новгородской губернии *«предстоит играть довольно выдающуюся роль в деле мясного скотоводства и молочного хозяйства в северном районе России»*²⁹.

Выступая с первым отчётом перед губернским земским собранием XVI сессии в декабре 1880 года, Г.Н. Бычков изложил краткое содержание работ по Дементьевской общине и череповецким маслодельням, результаты обследования 26-ти имений Боровичского и Крестецкого уездов, рассказал о консультациях по использованию земледельческих машин и механизмов, введению многопольного севооборота, улучшению лугов, выгонов, пород скота, по переработке молока, выращиванию качественных сортов семян, устройству хлевов, борьбе с вредными насекомыми и др. Сообщил о согласии череповецкого механического завода на открытие складов сельхозмашин с уступкой в продажных ценах. Самым важным агроном считал своё участие в организации Боровичского, Валдайского, Новгородского и Крестецкого обществ сельского хозяйства. На следующий год планировалось изучать частные и общинные хозяйства Устюженского, Валдайского и Новгородского уездов. Соответственно первый уезд был интересен рационально построенными хозяйствами помещиков, второй — неблагоприятными условиями ведения земледелия на песчаных почвах и возвышенностях, третий — близостью петербургского рынка, влиянием железных

дорог и существованием немецких колоний. Консультационная работа также оставалась в планах агронома³⁰.

Все предложения уполномоченного были поддержаны земской комиссией. Причём составление организационных планов она оценила как *«не соответствовавшее целям земства как учреждения общественного»* и значительно расширила круг задач отделения. К ним были отнесены изучение почв, климата, орудий труда, людских ресурсов, финансовых возможностей («капиталов»), форм организации хозяйств и производств, выяснение значения транспортных путей и рынков, мест сбыта продуктов, влияния арендной платы и налогов. Предлагалось ограничить такие исследования отдельными местностями по согласованию с управой, использовать метод подворного изучения частных и общинных хозяйств с опросом домохозяев. Уполномоченный обязывался давать заключения о причинах неблагоприятного положения на местах. Собрание согласилось с мнением комиссии и выделило на содержание уполномоченного на 1881 год 2800 рублей³¹.

По словам Г.Н. Быčkoва, постановление губернского собрания 1880 года *«произвело радикальное изменение в направлении деятельности и характере работ сельскохозяйственного органа»*, поскольку поставило его целью *«производство экономических исследований, носящих широкой общественно-земский характер со всесторонним освещением действительного положения сельскохозяйственной жизни населения»*. Несмотря на чрезвычайную сложность новых задач и наличие всего одного исполните-

ля — самого уполномоченного — метод подворного исследования был признан Бычковым «единственно верным способом» получения достоверных сведений обо всех отраслях и условиях крестьянского хозяйства³².

С мая 1881 года сельскохозяйственное отделение приступило к изучению Подберезской, Ново-Николаевской и Марьинской волостей Новгородского уезда по программе, разработанной уполномоченным и состоявшей из 90 общих вопросов для деревни и 60 вопросов для каждого домохозяина. В отчёте за 1881 год Бычков указывал, что крестьяне «без всякой скрытности сообщали о своих хозяйственных распорядках и экономическом быте, <...> со вниманием выслушивали замечания и советы, касающиеся разных технических сторон земледелия»³³. Полученные сведения группировались в таблицы по всем деревням и в сводную экономическую таблицу по трём волостям³⁴. Оценивая

позже эту работу, Бычков писал, что она затрагивала «с надлежащей полнотой <...> все существенные стороны положения хозяйства и экономического быта мелкого землевладельца, разбирая и определяя значение почвы и размер землевладения, состояние скотоводства и условия земледелия, влияние платежей,

найма земли и арендной платы на быт крестьян, состояние продовольствия, состав и движение населения, значение подсобных занятий и посторонних заработков жителей отдельных волостей и разных групп, наконец, постановку грамотности в районе исследованных местностей». Автор подчеркивал, что это исследование «по своему содержанию и характеру может, по-видимому, соответствовать тем основным требовани-

Заседание уездной земской управы. Литография

ям, которые земское собрание прошлой и позапрошлой очередных сессий предъявляло — в главных чертах — своему уполномоченному»³⁵.

В 1881 году по письму нового председателя губернской земской управы М.А. Костливецова³⁶ директору Петровской земледельческой академии

в помощь Бычкову были направлены два студента, однако только один из них — Дмитренко — работал с 6 июля по 8 сентября 1881 года. На следующий год благодаря увеличению земского финансирования с 3160 до 4410 рублей в Крестецком уезде трудились два студента того же учебного заведения — Цветков и Третьяков. Их задачей являлось составление очерков о занятиях крестьян пяти деревень «фабричного района» уезда, отдельно Рахинской волости и о деревообрабатывающем промысле двух деревень³⁷. Привлекались «низшие агенты». Источники упоминают фамилии трёх из них: Орлов, Сидоров и Афанасьев. Работал и секретарь отделения.

Более рациональная постановка работы отделения сразу же сказалась на результатах. В отчёте за 1882 год Бычков сообщал, что если в 1881 году были изучены 2223 хозяйства крестьян трёх волостей Новгородского уезда, то в 1882 году — 14 волостей Крестецкого и три волости Валдайского уездов, что суммарно составляло 17 005 крестьянских хозяйств, кроме того, описаны 33 имения Крестецкого и 46 имений Валдайского уездов. Непосредственные беседы агентов с крестьянами на местах по вопросам, представлявшим расширенный вариант подворной переписи населения, дали, сравнительно со сведениями волостных правлений, примерно в три раза больший объём сведений. Учитывались численность и грамотность крестьян, их платежи и недоимки, хозяйственные занятия, местные и отхожие промыслы, количество скота, число построек, цены на продукты, величина урожая и т. д. При этом расход земства

на оплату труда агентов оказался «самым незначительным».

Уполномоченный рассмотрел и перспективы сельскохозяйственного отделения. Удачный опыт работы в Крестецком уезде, описанном полностью, за исключением Межниковской волости, закрытой на карантин, он считал возможным использовать дальше. Предполагал, что при описании в год двух уездов с населением 150—160 тысяч человек, сплошное изучение губернии при работе на местах могло быть закончено в течение пяти-шести лет при максимальных затратах земства в 37,7 тысяч рублей, включая изучение частновладельческих хозяйств. Однако для этого требовалось безостановочное проведение работ, расширение штата отделения до шести человек (уполномоченный, два его помощника, два агента, один писарь, он же счётчик и корректор), принятие их на службу земства и ежегодное финансирование отделения в 6000 рублей. При условии одобрения этих расходов губернским собранием отделение обязывалось подготовить к печати все сведённые в таблицы материалы за 1882 год, не менее трёх очерков по отдельным местностям Крестецкого уезда, завершить изучение 15-ти волостей Валдайского, 17-ти — Новгородского и одной волости Крестецкого уездов. В таком случае земство к концу 1883 года располагало бы подробными данными по трём уездам. При несогласии собрания отделение было готово начать изучение других уездов или отдельных местностей³⁸.

Оставление А.Н. Поповым должности председателя губернской земской управы предопределило закрытие сель-

скохозяйственного отделения. Судя по стенографическим отчётам земского собрания за 1881 и 1882 годы, Г.Н. Бычков не выступал перед гласными, а его деятельность оценивалась лишь по докладам земских комиссий, что не способствовало правильной оценке проводимых мероприятий, исключало непосредственный контакт гласных с уполномоченным. Земское руководство быстро отказало Г.Н. Бычкову в поддержке. Управа проигнорировала его просьбу передать отчёт за 1882 год предстоящему земскому собранию «для сведения и обсуждения»³⁹, вместо этого включила в повестку дня вопрос «о сокращении статистического и сельскохозяйственного отделений», а в своём докладе (его зачитал Н.Н. Нечаев) более подчеркнула организационные недочёты, нежели результаты работы сельскохозяйственного отделения. Только после неоднократных выступлений А.Н. Попова в качестве гласного и докладчика от земской комиссии, подчеркнувшего чрезвычайную важность этой первой и единственной структуры, созданной для повышения экономического благосостояния населения, собрание большинством голосов высказалось за сохранение сельскохозяйственного отделения «в существующем виде»⁴⁰.

Дальнейший рост негативных тенденций в губернском собрании и самой управе относительно сельскохозяйственного отделения усугубился распространением среди гласных слухов о том, что описание губернии, вероятно, будет продолжаться в течение 60-ти лет и стоимость работ составит 160 тысяч рублей⁴¹. Управа не сделала надлежащих попыток

Обложка «Каталога сельскохозяйственных машин и земледельческих орудий...», распространявшегося среди крестьян Новгородской губернии

к опровержению этих слухов, хотя они совершенно противоречили цифрам, которые сообщал уполномоченный. Все эти обстоятельства вынудили Г.Н. Бычкова оставить службу в Новгородском земстве осенью 1883 года.

В 1884 году большинство губернского собрания, не приняв во внимание положительные оценки деятельности Г.Н. Бычкова, прозвучавшие в выступлениях М.А. Костливецва и нового члена управы М.А. Прокофьева, согласилось с предложением земской комиссии

закреть сельскохозяйственное отделение и упразднить должность уполномоченного. М.А. Костливцев добился принятия постановления о выделении 1000 рублей на издание всех произведённых Бычковым работ⁴².

В «Обзоре деятельности земских учреждений Новгородской губернии за 1883 год» губернская земская управа объясняла причины закрытия сельскохозяйственного отделения, прежде всего, «уклонением» агронома от первоначальных целей подачи советов частным владельцам и составления организационных планов и началом проведения подворных переписей. Второй причиной называлась дороговизна работ с привлечением агронома. При характерном для тех лет дефиците земского бюджета сумма в 17 950 рублей 63 копейки, израсходованная на содержания сельскохозяйственного отделения в 1879—1883 годах, была весьма значительной. Поэтому управа считала более целесообразным закрыть сельскохозяйственное отделение и передать организацию всех подворных исследований статистическому отделению⁴³. Другие источники позволили выявить и ещё одну причину упразднения этого отделения — явное стремление земского руководства отстранить Г.Н. Бычкова как вполне вероятного распространителя народнических идей и критического отношения к земству среди крестьян.

Открытие сельскохозяйственного отделения благоприятствовала по-

литическая обстановка последних лет царствования Александра II. Учреждение в феврале 1880 года Верховной распорядительной комиссии во главе с М.Т. Лорис-Меликовым давало надежду на расширение диалога власти с обществом, вызвало стремление передовых земств обратить особое внимание на изучение хозяйственной жизни населения. Политика «консервативного обновления» страны Александра III привела к свёртыванию деятельности земских учреждений, их «несомнительному упадку»⁴⁴ — «в земстве воцарилось затишье окончательно. <...> наиболее энергические, знающие, настоящие земские люди от участия в земских делах уклоняются, и заведывание ими переходит в руки людей второго и третьего сорта...»⁴⁵. Проявление этой тенденции в Новгородском земстве первый председатель губернской земской управы Н.А. Качалов видел, прежде всего, в отказе лучших гласных и глав управ от земской службы и в замене их людьми, далёкими от общественных интересов⁴⁶. Эта же тенденция привела к закрытию сельскохозяйственного отделения. Руководство губернского земства выказало преступное равнодушие к положению крестьянства, только что перенёсшего трёхлетний неурожай, и категорическое нежелание обратить внимание на запущенные проблемы всего аграрного сектора губернии. По сути, это свидетельствовало об отказе от основополагающих принципов земской деятельности.

¹ Корешкова Т.А. Новгородский сельскохозяйственный съезд 1869—1871 годов // Новгородика: альманах / гл. ред. Е.В. Барканова. Вып. 2. Великий Новгород – Москва, 2022. С. 85–96.

² Журналы Новгородского губернского земского собрания очередной сессии с 11-го по 27-е января 1877 г. Новгород, 1877. С. 3, 33; По народному продовольствию // Новгородские губернские ведомости (далее — НГВ). 1879. № 24. С. 6–7.

³ Обзор Новгородской губернии за 1878 год. Государственный архив Новгородской области (далее — ГАНО). Ф. 98. Оп. 3. Д. 107. Л. 13 об.; Обзор Новгородской губернии за 1880 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Новгородской губернии // Там же. Д. 134. Л. 14 об.

⁴ Сборник постановлений земских собраний Новгородской губернии за 1879 год. Новгород, 1880. С. 281–282.

⁵ Бычков Г.Н. Отчет о деятельности уполномоченного по делам сельского хозяйства... за 1882 г. и предположения его на будущее время. [Новгород, 1883]. С. 1. (далее: Отчет о деятельности ... за 1882 г.).

⁶ Попов А.Н. (1840—1910), председатель Череповецкой уездной земской управы 1865—1872, гласный Череповецкого уездного и губернского земских собраний 1865—1882, председатель Новгородской губернской земской управы (далее — НГЗУ) 1873—1880, затем — гласный Смоленского земства, депутат Первой Государственной Думы.

⁷ Нечаев Н.Н., кандидат права, сотрудник либеральных журналов «Земство» и «Русская мысль», гласный Валдайского уездного и губернского земских собраний 1877—1899, член НГЗУ 1878—1884, председатель НГЗУ 1885—1892.

⁸ Рейхель П.К., гласный Крестецкого уездного и губернского земских собраний в 1874—1888, член НГЗУ 1878—1880, председатель НГЗУ 1884.

⁹ Тимаев М.М., гласный Новгородского уездного и губернского земских собраний в 1871—1887, член НГЗУ в 1872—1881.

¹⁰ Васильчиков А.И. (1818—1881), князь, крупный общественный деятель, автор работ по экономике и истории самоуправления, председатель Санкт-Петербургского комитета о ссудо-сберегательных товариществах, инициатор открытия в Новгородской губернии первой в России учительской семинарии, ссудосберегательных товариществ и сыроваренных артелей, гласный Новгородского губернского и Старорусского уездного земских собраний 1865—1872.

¹¹ Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. Т. 4. СПб., 1911. С. 612.

¹² Фирсов Н.Н. Силуэты времени реформ (Воспоминания шестидесятника) // Исторический вестник. 1909. Т. СХІХ. № 1. С. 502.

¹³ Веселовский Б.Б. Указ. соч. С. 616.

¹⁴ Обзор деятельности земских учреждений Новгородской губернии за 1883 год. Новгород, 1884. С. 67.

¹⁵ Веселовский Б.Б. Указ. соч. Т. 2. СПб. 1909. С. 133.

¹⁶ Доклад НГЗУ 1878 года о способах развития сельскохозяйственной промышленности. ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2391. Л. 5 об.–6; Стенографический отчет XIV очередного Новгородского губернского земского собрания. С 5-го по 19-е декабря 1878 года. (далее: Стенографический отчет... оч. НГЗС года). Новгород, 1879. С. 115, 125.

¹⁷ Ясман З.Д. Русские агрономы из крестьян в XIX веке // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 169, 173; Стенографический отчет XV оч. НГЗС. С 3 по 20 декабря 1879 года. Новгород, 1880. С. 148.

¹⁸ Бычков Г.Н. Отчет о деятельности ... за 1882 г. С. 2; Извлечение из сведений о земледелии и промыслах в Новгородской губернии // НГВ. 1880. № 31. С. 7–8.

¹⁹ Стенографический отчет XV оч. НГЗС ... 1879 года. С. 145–147.

²⁰ Стенографический отчет XVI оч. НГЗС. С 1 по 19 декабря 1880 года. Новгород, 1881. С. 137.

²¹ Бычков Г.Н. Отчет о деятельности ... за 1882 г. С. 2.

²² Корешкова Т.А. Гедеон Николаевич Бычков — первый агроном Новгородского губернского земства. 1879—1883 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17—18 ноября 2011 г. Великий Новгород, 2013. С. 163. *Указанное в названии статьи отчество Г. Н. Бычкова — «Николаевич» следует считать ошибочным.*

²³ Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX века. М., 1986. С. 111.

²⁴ Бычков Г.Н. Отчет уполномоченного губернского земства по делам сельского хозяйства за 1880 год (далее: Отчет уполномоченного... за 1880 год) // Сборник постановлений земских собраний Новгородской губернии за 1880 год. Новгород, 1881. С. 1–3.

²⁵ Бычков Г.Н. Отчет уполномоченного ... за 1880 год С. 5–6.

²⁶ О введении в хозяйство крестьянских обществ травосеяния // НГВ. 1880. № 49. С. 6; № 50. С. 7–8; № 51. С. 7–8.

²⁷ Бычков Г.Н. Дементьевская община и травосеяние. Новгород. 1880.

²⁸ Бычков Г.Н. Отчет о деятельности ... за 1882 г. С. 66.

²⁹ Бычков Г.Н. Хозяйства на землях частного владения. Молочные хозяйства Череповского уезда // ГАНУ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 132. Л. 341–365.

³⁰ Бычков Г.Н. Отчет уполномоченного ... за 1880 год. С. 7–12.

³¹ Стенографический отчет XVI оч. НГЗС ... 1880 года. С. 137–138.

³² Бычков Г.Н. Отчет губернскому земскому собранию уполномоченного по сельскому хозяйству за 1881 год // ГАНУ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1588. Л. 1–6.

³³ Там же. Л. 5.

³⁴ Бычков Г.Н. Опыт подворного исследования экономического положения и хозяйства крестьян в 3-х волостях Новгородского уезда / Исслед. и разработ. Г.Н. Бычков. Новгород: типо-лит. Н.И. Богдановского, 1882. 116, 68, III с., 1 л. табл.

³⁵ Бычков Г.Н. Отчет о деятельности ... за 1882 г. С. 3.

³⁶ Костливец Матвей Александрович, гласный Новгородского уездного и губернского земских собраний 1872—1899, председатель НГЗУ 1881—1883.

³⁷ Бычков Г.Н. Отчет о деятельности ... за 1882 г. С. 4–6.

³⁸ Там же. С. 7–13, 19–21.

³⁹ Там же. С. 21.

⁴⁰ Стенографический отчет XVIII оч. НГЗС. С 1 по 18 декабря 1882 года. Новгород, 1883. С. 225, 227–233.

⁴¹ Стенографический отчет XIX оч. НГЗС. С 19-го января по 4-е февраля 1884 года. Новгород, 1884. С. 169.

⁴² Стенографический отчет XIX оч. НГЗС ... 1884 года. С. 169, 172, 176, 191, 196; Сборник постановлений земских собраний Новгородской губернии за 1884 год. Новгород, 1884. С. 41.

⁴³ Обзор деятельности земских учреждений Новгородской губернии за 1883 год. С. 65–68.

⁴⁴ Витте С.Ю. Самодержавие и земство. 2-е изд. Stuttgart, 1903. С. 134.

⁴⁵ Н.В. Из домашней хроники // Дело. 1883. № 12. С. 80, 81.

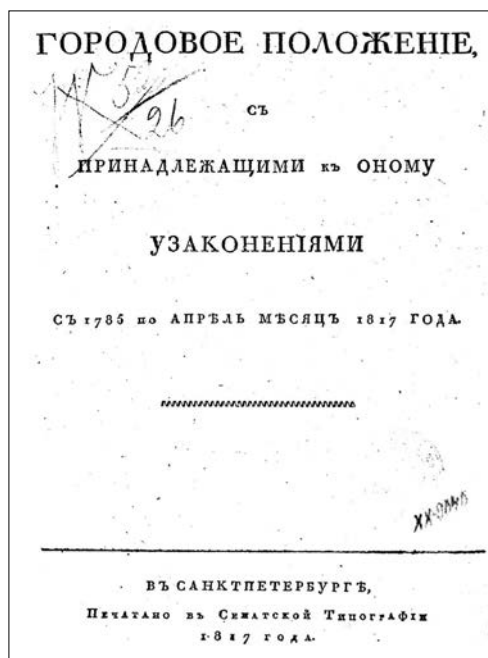
⁴⁶ Качалов Н.А. Записки тайного советника. М., 2012. С. 379.

Ярослав Васильев

«НА ГОРОДСКИЕ НАДОБНОСТИ И НА ПРЕДМЕТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ»

*Из истории благотворительности
городских общественных банков
Новгородской губернии (1864—1914)*

По Городовому положению 1785 года Екатерина II предоставила городским обществам право создавать собственные банки, причём источником средств для этого должны были служить остатки от городских расходов (п. 153) [16]. Первые общественные банки были образованы на благотворительные пожертвования частных лиц и только позднее переходят под городское управление. В этом ряду — Анфилатовский банк, учреждённый в 1809 году в уездном городе Слободском Вятской провинции купцом Константином Алексеевичем Анфилатовым, Ларинский банк, организованный в селе Любучи Рязанской губернии на пожертвования купца Петра Даниловича Ларина, и открытый по инициативе купца Кондратия Алексеевича Савина Осташковский в Тверской губернии. Общественные банки учреждались в этот период, как правило, на средства благотворителей. Так, из 22-х городских банков, действовавших в России

«Городовое положение, с принадлежащими к оному узаконениями с 1785 по апрель месяц 1817 года. В Санктпетербурге: Печатано в Сенатской типографии, 1817 года». Российская государственная библиотека

29 января 1875 года №.

В Комиссию по выдаче пособия бедным гражданам
г. Новгорода

Мещанка Екатерина Павловна Нефедьева

Прошение

Согласно всем своим нуждам
слова дважидь ради и в прошение
много в Новгородском правлении
спрашиваю, а именно о помощи
многом образом, на которую и
покажи, как напечатать в
справке и дать не в состоянии
своем прошения, а именно
как себе помочь и в
показано в прошение и
всем прошение в
разрешении своем
дана по сведениям
г. Новгорода 18. Января 1875 года.

В силу прошения
не исполнено

Мещанка
Екатерина Павловна
Нефедьева

Прошение мещанки Н.П. Нефедьевой
в комиссию по выдаче пособия бедным гражданам Новгорода. 29 января 1875 г.
ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 247. Л. 12

Списокъ 12 часть 1-2 1875г.

О бедныхъ гражданехъ г. Новгорода получившихъ пособие при смерти городского общественного банка, по распоряжению Комитета, и проведшихъ время въ исправительной части за 1875 годъ.

№	Имя, отчество и фамилия	Въѣздъ въ Новгородъ	Привлеченъ въ исправительную часть		Время наказания по 12 ч. на 12 ч. 1874, 1875 г.	
			д.	к.	д.	к.
1. Урастова						
1	Александръ Иванъ Ивановичъ	33	Служилъ казенно въ 1868 году въ 1-мъ батальоне 1-го пехотнаго Нижегородскаго полка	1	3	
2	Младушка Анна Ивановна (урожд. Иванова)	45	Служила казенно въ 1868 году въ 1-мъ батальоне 1-го пехотнаго Нижегородскаго полка			
3	Николаевъ Иванъ Ивановичъ	33	Служилъ казенно въ 1868 году въ 1-мъ батальоне 1-го пехотнаго Нижегородскаго полка			
4	Николаевъ Иванъ Ивановичъ	33	Служилъ казенно въ 1868 году въ 1-мъ батальоне 1-го пехотнаго Нижегородскаго полка			

Списокъ 37.

О бедныхъ гражданехъ г. Новгорода получившихъ пособие при смерти городского общественного банка, по распоряжению Комитета, и проведшихъ время въ исправительной части за 1875 годъ.

№	Имя, отчество и фамилия	Въѣздъ въ Новгородъ	Привлеченъ въ исправительную часть	Время наказания по 12 ч. на 12 ч. 1874, 1875 г.	
				д.	к.
1	Мог. Василий Ивановичъ	62	По случаю смерти сына	1	1
2	Мерца Михаилъ Ивановичъ	45	По случаю смерти сына	1	1
3	Мерца Александръ Ивановичъ	37	По случаю смерти сына	1	1
4	Михайловъ Иванъ Ивановичъ	33	По случаю смерти сына	1	1
5	Михайловъ Иванъ Ивановичъ	33	По случаю смерти сына	1	1

Из списка бедных граждан Новгорода на получение денежного пособия из прибылей Новгородского городского общественного банка за 1875 год. Ф. 104. Оп. 1. Д. 247. Л. 37, 40

27 марта 1875. обдана
39.

Его Стенности.

Почтенному Директору Новгородского Городского
Общественного Банка Почтенному Гласно-
дому Николаю Степанову Кузнецову

Новгородские Мещанин
и Матри Васильевой

Прощение

судящая выдать
судебную книгу поща.

Находясь в крайнем бедственном положении
и будучи вынужден обратиться к Вам за
помощью и поддержкой ввиду отсутствия
у меня иного средства существования,
прошу Вас оказать мне такую помощь,
какую только сможете, и выдать мне
необходимую сумму денег на покрытие
моих текущих расходов, а также на
оплату налогов и сборов, подлежащих
уплате с моего имущества, и на прочие
цели, связанные с ведением моего
хозяйства. Прошу Вас также выдать
мне справку о состоянии моего
имущества, а также о состоянии
моих счетов в банке.

Матри уряд 1875 года Клементий Иванович
Васильев, и поделителю его и другим лицам родственникам М. Васильева

Исполнительный В. Клементий
Васильев, в Санкт-Петербурге
улица Митрофановская
№ 10

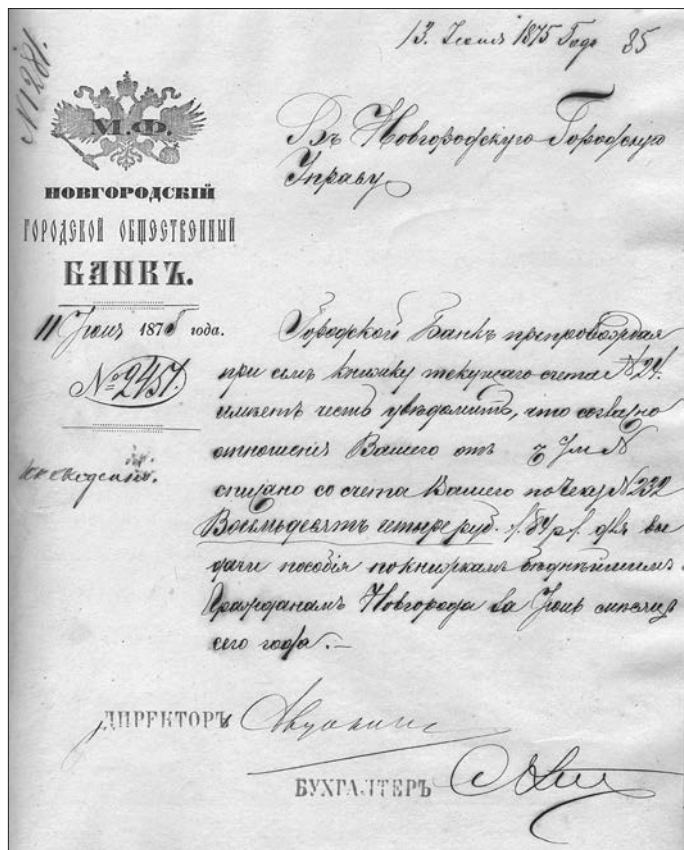
Прошение мещанки М. Васильевой директору Новгородского городского общественного банка Н.П. Кузнецову о выдаче пособия. Март 1875 г. ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 247. Л. 32

к 1862 году, семь были открыты именно таким образом [16].

Городские общественные банки задумывались и создавались как заведения исключительно муниципальные, которые должны были приносить пользу, прежде всего, городскому обществу. Таким образом они заполняли лауну в отечественной кредитной системе, поскольку государственные и крупные коммерческие банки не спешили открывать свои отделения в небогатой российской провинции. Услугами общественных банков могли воспользоваться практически все категории городских жителей — и предприниматели (по учету векселей и ссудам под залог), и обыватели (по вкладам), и даже беднейшие горожане, которым банк должен был из своей

прибыли оказывать помощь благотворительного характера.

Характерно, что такие филантропические пункты в уставах городских банков появлялись как по инициативе отдельных учредителей, жертвовавших большие суммы на составление основного капитала банков, так и по постановлениям самих городских обществ и городских дум, например, в их приговорах

Уведомление Новгородского городского общественного банка в городскую управу о списании денежных средств на пособия бедным гражданам. 11 июня 1875 г. ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 247. Л. 85

и ходатайствах об учреждении местного городского общественного банка. Однако если благотворительные порывы жертвователей являлись проявлением индивидуальных черт их характера, то инициатива городских обществ имела, скорее, практическую направленность.

С одной стороны, это помогало в уплате налогов с неимущих горожан, как в случае с распределением прибыли

в Тихвинском городском общественном Чаплиных банке [6], а с другой — несколько снижало социальную напряжённость в населённом пункте и являлось источником дополнительных доходов города. Благотворительная деятельность банков играла на руку городскому управлению, укрепляя его авторитет в плане заботы о горожанах, и лишней раз оправдывала существование самих городских общественных банков. Кроме того, благотворительность банков опровергала критические утверждения о том, что они учреждаются исключительно для оказания услуг городской верхушке и местным предпринимателям, а простое население остаётся вне сферы их деятельности.

Эта помощь не носила отвлечённого, расплывчатого или, более того, голословного характера. Напротив, ею, как правило, могли воспользоваться далеко не все беднейшие жители города, а, главным образом, те из них, которые попали в такое положение в силу каких-либо непредвиденных обстоятельств.

Например, фактический учредитель Тихвинского городского общественного банка С.Ф. Чаплин поставил такое обязательное условие при перечислении денег на его основной капитал: половину из выделенной им по завещанию суммы в 200 тысяч рублей направить на учреждение банка, а вторую — *«в пособие беднейших граждан Тихвинского городского общества, нуждающихся в оном от несчастных каких-либо случаев, а не от праздности...»* [6].

Практика помощи бедным горожанам имела место и в Новгороде. Часть от прибыли, полученной в течение опера-

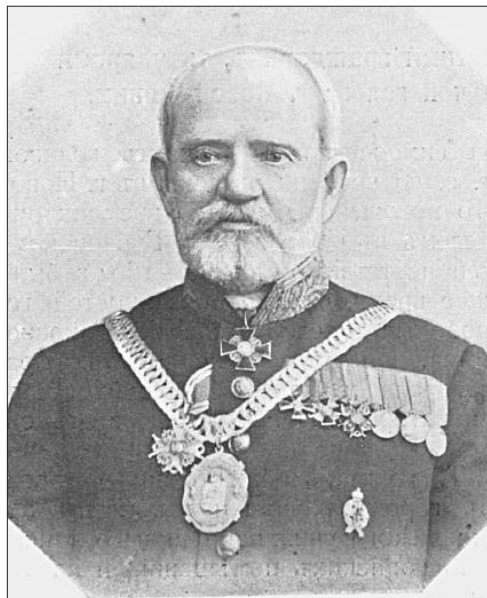
ционного года, Новгородским городским общественным банком направлялась на пособия беднейшим жителям города, которых разыскивал специально для этого учреждённый при банке комитет из шести домовладельцев. Причём далеко не все беднейшие горожане смогли воспользоваться этой помощью, а только те, которые *«впали в это состояние вследствие болезни или иных обстоятельств»* [18]. Например, в списке беднейших граждан Новгорода за 1875 год, которым назначалось ежемесячное пособие от прибылей Городского общественного банка, значились такие «причины бедности»: *«по старости лет и слабому здоровью»*, *«по болезни мужа и малолетству детей»*, *«по слабому зрению и крайней бедности»* и пр. А в прошении директору Новгородского городского банка, почётному гражданину Новгорода Николаю Павловичу Кузнецову в марте этого же года мещанка Мавра Васильева, *«слишком около 70 лет»*, не имеющая родственников, писала о назначении ей пособия: *«Наровне с другими престарелыми и неимущими гражданами из прибылей банка ежемесячного вспомоществования дабы я могла хотя малейше себя пропитывать не прося милостыни, за что заставит за здравие Ваше воссылать теплые молитвы к Богу»* [4].

Как видим, бросать общественные, заработанные банком деньги на ветер городская верхушка не собиралась, и помощь оказывалась, как правило, людям, не потерявшим надежды подняться из нищеты. Однако имелись и суммы, направляемые из банковских прибылей на содержание какого-либо объекта — учреждения — независимо от его состо-

яния, например, на нужды богадельни, больницы, школы и т. д. Это было характерно для большинства городских общественных банков России, возникших ещё до 1861 года [2].

Всего в Новгородской губернии было учреждено 7 городских общественных банков. Первые были организованы в Тихвине и Старой Руссе в 1863 году, в следующем 1864 году открыли банк в Череповце, спустя три года, в 1866 году — в Новгороде, затем в 1870 — в Белозерске, в 1873 — в Боровичах, и последний был устроен в Кириллове в 1881 году. Городские общественные банки возглавляли представители купеческого сословия. Первым директором Новгородского городского общественного банка был новгородский купец Яков Иванович Журавлёв, занимавший этот пост с 1866 по 1870 год и впоследствии возглавивший городское самоуправление. В 1869 году во главе Старорусского городского банка стоял почётный гражданин города, купец Иван Иванович Дьячков, директором Общественного банка Чаплиных в Тихвине также был представитель купечества — Василий Семёнович Пагальский [15].

Чем крупнее был городской банк, тем больше он мог содержать социальных учреждений, направляя на них средства своих прибылей. Например, директор печально известного Скопинского городского банка в Рязанской губернии Иван Гаврилович Рыков широко рекламировал благотворительную деятельность руководимого им учреждения. Так, образованный в 1863 году банк уже в 1868 году из своих прибылей содержал

Яков Иванович Журавлёв — купец 2-й гильдии, городской голова Новгорода, директор городского общественного банка в 1866—1870 гг.

детский приют на 50 человек, богадельню на 25 человек, публичную библиотеку, ежегодно выдавал пособие на приданое 30 бедным невестам по 100 рублей каждой, участвовал в содержании училищ. С его помощью в городе Скопин были открыты телеграфная станция и ежедневное почтовое сообщение, строилась на городском кладбище церковь, устраивались мостовые и сад. Для небольшого провинциального города, население которого в 1897 году составляло 14 тысяч человек, такая помощь была очень ощутимой [5].

К сожалению, второй в России после Харьковского по размеру операций Скопинский городской общественный банк, имевший в 1878 году оборот в 44,7 млн.

рублей [17], в 1882 году неожиданно обанкротился из-за чрезмерного развития рискованных операций [8] и растраты директором 4 млн. рублей [21]. Вот как описывает это происшествие и последовавшее за ним в 1884 году разбирательство в Московском окружном суде Антон Павлович Чехов, который по предложению «Петербургской газеты» присутствовал на процессе в качестве судебного журналиста-репортёра. «Скопинский банк произошёл

Иван Гаврилович Рыков — директор Скопинского городского общественного банка

из ничего. В 1857 г. собрались скопинцы и порешили иметь свой собственный банк. Получив разрешение, они внесли все свои наличные в размере 10 103 р. 86 к. и назвали их "основным капиталом". Цыпленок разрастается в большого, горластого петуха, но никто не мог думать, что из этой грошовой суммы вырастут со временем миллионы! Цели банка предполагались розовые! треть доходов в пользу родного Скопина, треть на дела благотворения и треть на приращение к основному капиталу. Задавшись такими целями и положив в кассу основной капитал, скопинцы занялись операциями.

На первых же порах начинается жульничество. Видя, что вкладчики и векселедатели не идут, банковцы пускаются на американские штуки. Они дают проценты, которые и не снились нашим мудрецам: от 6 до 7 с половиною

процентов. За сим следует шестизэтажная реклама, обошедшая все газеты и журналы, начиная со столичных и кончая иркутскими. Особенно тщательно облюбовываются духовные органы. Реклама делает свое дело. Сумма вкладов вырастает до 11 618 079 рублей!

С этими вкладами производятся фокусы... Сеансы многочисленны и продолжительны. Самый красивый фокус проделывает подсудимый Илья Краснопевецев... Этот скопинский нищий,

не имеющий за душой ни гроша, подает вдруг в банк объявление о взносе им вкладов на 2516378 руб. и через два-три дня получает из банка эту сумму чистыми денежками, но ими не пользуется, ибо объявление делает по приказу Рыкова в силу его политики. Второй фокус проще: Рыков берет из кассы 6 000 000 и вместо них кладет векселя. Ему подражают прочие банковые администраторы, его добрые знакомые и те, про коих сказано "nomina sunt odiosa"¹, и скоро касса начинает трещать от просроченных, не протестуемых векселей... В конце концов следователь находит в кассе только 4000! <...> Число вкладчиков равно шести тысячам. Большинство из них принадлежат к среднему слою общества: духовенство, чиновники, военные, учителя... Средняя цифра взносов колеблется между 2000—6000, из чего явствует, что

¹ «Не будем называть имён» — перевод латынь.

на удочку попадались люди большею частью малоимущие...» [21]. Закончилась эта история Скопинского банка, прогремевшая на всю Россию, весьма печально: по приговору суда директор банка Рыков и все проходившие по обвинению были сосланы в Сибирь. Этот скандал крайне негативно отразился и на состоянии всей системы городских общественных банков, некоторые из которых попали в сходную ситуацию, часть из них была закрыта. В течение десятилетия после этого кризиса не было учреждено ни одного городского общественного банка, следовали только банкротства и закрытия. В сложном положении оказались и банки Новгородской губернии, но, несмотря на эти сложности, ни один из них не был закрыт.

Городские общественные банки, кроме отчисления части своей прибыли на благотворительные цели, предоставляли определённые отчисления непосредственно на городские нужды. Заранее цель такого отчисления не оговаривалась и зависела от решения гласных городских дум. Как правило, в общественных банках Новгородской губернии решение об отчислении части чистой годовой прибыли на благотворительность принималось заранее, при обсуждении вопроса об учреждении самих банков, и уже официально закреплялось в разрешении министра финансов на открытие банка. Вот как это выглядело в случае с образованием общественного банка в Череповце: «Из прибылей банка, за покрытием необходимых на содержание одного расходов и за отчислением известной суммы на составление резервного капитала, две части причис-

Антон Павлович Чехов. 1880-е гг.

ляются к общим, городским суммам для употребления на городские надобности и на предметы общественного призрения и воспитания по усмотрению городского общества, а оставшаяся третья часть присоединяется к основному капиталу банка» [8].

Иногда размер такой помощи вовсе не оговаривался. Например, в циркуляре министра финансов об учреждении Старорусского городского общественного банка было записано: «Из чистых годовых прибылей от оборотов за отчислением суммы, потребной на составление резервного капитала и за удовлетворением необходимых по содержанию банка расходов, содержатся в Старой Руссе богадельня и больница, а могущий быть за тем остаток причисляется к основному капиталу банка» [7].

Новгородская городская дума и городской общественный банк

Новгородский городской общественный банк имел более чёткое распределение чистой прибыли: 25% поступали на городские богадельни, 5% — на городские и общественные надобности, 10 — на городские училища и 5 — на беднейших жителей. Оставшиеся средства отчислялись таким образом: в основной капитал — 45% и в запасной капитал — 10%, до достижения ими размеров, при которых операции банка могли бы осуществляться безопасно и стабильно. Например, запасной капитал должен был увеличиться путём таких отчислений в два раза — 10 тысяч рублей из 5 тысяч [9]. После этого отчисления в собственный капиталы банка уменьшались и направлялись на общественные цели.

Распределение чистой прибыли Новгородского городского общественно-го банка, например, в 1866 и 1913 годы выглядело таким образом: одинаковыми в процентном отношении были размеры отчислений на городские богадельни — по 25%, на городские училища — выделялось соответственно 10 и 15%. Значительно разнились цифры на городские надобности — 5% в 1866 году и 25 — в 1913-м. Почти не изменились отчисления на помощь бедным горожанам — соответственно 5 и 7%. С 1873 года появляется новая расходная статья — пособие на приданое бедным девицам, размер которой составил в 1913 году 3% от чистой прибыли банка. В резервный капитал отчислялись 10% в 1866 году и 20%

в 1913-м, а в основной капитал соответственно — 45 и 5% [1, 12].

В целом количество чистой прибыли, переданной на городские и благотворительные цели к началу XX века, значительно увеличилось, в то время как аналогичные отчисления в собственные капиталы банка уменьшились.

Успех банковских операций был переменным, и прибыли не всегда были ощутимы. Иногда даже приходилось погашать убытки, поэтому выплаты на благотворительность городскими общественными банками значительно уменьшались, а иногда и вовсе отсутствовали. Так, например, Тихвинский городской общественный банк не производил выплат ни в запасной капитал, ни на благотворительные цели в течение почти 20-ти лет — с 1883 по 1901 год, поскольку вся его прибыль уходила на погашение последствий от крупных убытков. Такие

же периоды имели место и в других городских банках губернии: в Новгородском городском общественном банке это были 1888, 1889 и 1890 годы, а в Череповецком — период, растянувшийся с 1876 по 1884 год. Однако это было всё же редкостью, чаще прибыли и отчисления на городские цели не наблюдались лишь в отдельные неблагоприятные годы.

Тем не менее общий для всех городских общественных банков Новгородской губернии, как и в России в целом, неблагоприятный период, когда благотворительные выплаты значительно снизились, всё же имел место. Это были 1880-е годы — годы затяжной депрессии. Наглядно это уменьшение отчислений городских общественных банков Новгородской губернии на городские и благотворительные цели в 1878—1889 годы (в тысячах рублей) подробно показывает таблица [3].

Отчисления городских общественных банков на городские и благотворительные цели в 1878—1889 годы (в тыс. руб.)

Банки	1878	1882	1883	1884	1885	1886	1888	1889
Новгородский	7,6	7,8	4,4	4,2	4,0	н/с*	–	5,6
Боровичский	3,2	3,5	3,9	2,9	2,9	2,5	2,8	2,3
Белозерский	3,2	3,2	2,5	1,0	2,0	2,3	2,7	2,3
Старорусский	4,0	6,5	0,2	2,1	2,2	1,4	6,0	н/с
Тихвинский	2,1	–	–	–	–	–	–	–
Череповецкий	2,1	–	–	–	2,5	н/с	2,7	н/с
ВСЕГО	26,1	28,8	11,1	10,2	13,6	6,2	14,2	10,2

*н/с – нет сведений

В целом период значительного уменьшения отчислений в городских общественных банках Новгородской губернии совпадает с аналогичными явлениями, происходившими в стране.

Но иногда периоды падения отчислений на благотворительность могли и не совпадать с общероссийской тенденцией. Причём они имели место как в ведущих городских общественных банках губернии, таких, как Старорусский, так и в небольших учреждениях, например, в Кирилловском [10, 13]. Если в Старорусском банке эти суммы в 1890-е годы колебались в пределах 14—19 тысяч рублей и только в 1913 году составили минимальную цифру 7953 рубля, то в Кирилловском на протяжении 1880—1900 годов суммы в среднем оставались в пределах 500 рублей, только в 1897 году отчисления выросли до 1127 рублей, а в 1913-м и вовсе отсутствовали.

Даже в годы тяжёлых финансовых испытаний некоторые банки всё же старались отчислить на городские надобности достаточные суммы. Так было в общественном городском банке уездного Череповца. Отчисления на городские и благотворительные цели его выглядели таким образом: в 1897 году чистой прибыли насчитывалось 32 рубля, отчислено 24 рубля, в следующем 1898 году соответственно это были суммы в 256 рублей и 192 рубля, и в 1899-м — прибыли 1982 рубля и 1480 рублей составили отчисления на благотворительность [14].

В это время такие крупные банки, как, например, Воронежский городской общественный — первый в империи по размеру оборотов — в период с 1882 по

1888 год вообще прекратили выплаты на благотворительные цели.

С увеличением оборотов и доходности городских банков в начале XX века увеличиваются и отчисления на городские и благотворительные цели, особенно в крупных банках губернии, например, в Новгородском городском общественном банке, и представлены они таким образом [11].

**Отчисления на благотворительные цели
Новгородского городского
общественного банка (руб.)**

Статьи расхода	1906 год	1913 год
На городские богадельни	1783	4223
На городские училища	1070	2234
Помощь бедным горожанам	499	1182
Бедным девицам в приданое	213	506
На городские надобности	535	1276
ВСЕГО	4100	9721

Городские общественные банки Новгородской губернии перечисляли достаточно крупные деньги на благотворительность, уже к 1890 году эта сумма превысила полмиллиона рублей — 529 695 [19]. Наибольшую сумму перевели общественные банки Новгорода и Череповца, соответственно 149 411 и 142 054 рубля. За ними следовали Старорусский банк — 71 245 рублей, Тихвинский — 67 737, Белозерский — 50 314 и Боровичский — 46 713. Наименьшими отчислениями

в 3221 рубль отметился Кирилловский банк.

К 1913 году эти суммы ещё больше увеличились: например, в Белозерском городском банке до 92 624 рублей, Боровичском — до 106 817 рублей, Тихвинском — до 122 637 (из них 38 тысяч ушло на покупку дома для городских учреждений и самого банка), в Новгородском — свыше 262 тысяч рублей.

Отчисления на благотворительные цели находились в том же соотношении, что и остальные статьи баланса городских общественных банков Новгородской губернии в сравнении с общероссийскими показателями. Так, в 1878 году они составили 1,7% (26,1 тысяч против 1 млн. 463 тысяч рублей), а в 1889 году — 0,98% (10,2 тысяч рублей против 1 млн. 21 тысяч по империи) [3].

В 1882 году Новгородский городской банк оказался в числе первых 170 банков по этому показателю, в то время как в 35 банках выплаты составили менее 1 тысячи рублей, а 64 банка их не производили совсем.

В 1913 году суммарные выплаты городских общественных банков Нов-

городской губернии на благотворительные и городские цели составили 18 тысяч 400 рублей [20].

В подсчёте количества таких отчислений основную трудность составляет анализ публикаций о таких выплатах, так как, например, в опубликованных отчётах не всегда указывалась причина их отсутствия. С другой стороны, постановления о перечислениях на благотворительные цели выносились на заседаниях гласных городских дум, на которых рассматривались и утверждались отчёты банков за прошлый год, иногда через несколько месяцев после его окончания. Таким образом, могли возникать неизбежные пробелы в предоставляемых для отчётов сведениях, а, иногда, и накладки. Имелись и другие сложности в перечислении указанных сумм.

Несмотря на отдельные недостатки в своей деятельности, городские общественные банки России и, в частности, Новгородской губернии, продолжали активно работать до 1917 года, оказывая материальную поддержку городским обществам и малоимущим горожанам.

1. 25-летие существования в Новгороде городского общественного банка. Новгород, 1891. С. 2.

2. Боровой С.Я. Кредит и банки России. (Середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958. С. 242–243.

3. Газетные статьи о городских общественных банках // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 2. Д. 1414. Ч. 1. Л. 17–314; Д. 1415. Ч. 2. Л. 110.

4. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 104. Оп. 1. Д. 247. Л. 32.

5. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948. С. 45.

6. Земский Н.Д. Тихвинский городской Общественный Чаплиных банк // Тихвинец. 1914. № 2. С. 49–53.

7. Новгородские губернские ведомости. 1863. № 363 (7 сентября). С. 377.

8. Новое время. 1882. № 2341.

9. Об учреждении в г. Череповце Новгородской губернии общественного банка. РГИА. Ф. 1287. Оп. 17. Д. 1303 Л. 17 об–18.
10. Об учреждении общественного банка в Новгороде. РГИА. Ф. 1341. Оп. 116. Д. 699. Л. 1–6.
11. Отчёты о деятельности Новгородского городского общественного банка. РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 564. Ч. 5. Л. 200–235.
12. Там же. Ч. 4. Л. 52–230.
13. Отчёты о деятельности Старорусского городского общественного банка. РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 834–836. Ч. 1–3.
14. Отчёты о деятельности Череповецкого городского общественного банка. РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 980. Ч. 4. Л. 10–52.
15. Памятная книжка Новгородской губернии на 1869 год / под ред. Н. Богословского. Новгород, 1896. Ст. 55, 64.
16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1 собрание. Т. XXII. № 16188.
17. Правительственный вестник. 1880. № 132.
18. Сведения для всеподданнейшего отчёта за 1879 г. ГАНО. Ф. 104. Д. 310. Л. 56 об.
19. Сведения о городских общественных банках. СПб., 1898. С. 145.
20. Статистический сборник Новгородского губернского земства за 1913 г. ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2024. Л. 110 об–111.
21. Чехов А.П. Дело Рыкова и комп. (От нашего корреспондента) // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974—1982; Т. 16: Сочинения. 1881—1902. М., 1979. С. 179–219.

Александр Панкратов, иерей РПСЦ

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД И ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ

История Великого Новгорода и его земель к настоящему времени кажется изученной почти досконально, ведь с начала XIX века в свет вышли сотни книг по этой теме. Труды учёных повествуют вроде бы обо всех сторонах жизни древних новгородцев, от политической до музыкально-инструментальной. Однако восприятие здесь церковных преобразований, проводившихся в середине — второй половине XVII столетия патриархом Никоном и царём Алексеем Михайловичем, появление новгородского старообрядчества, его история и культура, — всё это до сих пор мало исследовано специалистами и почти совсем неизвестно широкому кругу небезразличных к прошлому нашей страны. Достаточно сказать, что обобщающего исторического труда под названием «Старообрядчество Великого Новгорода» доселе не существует.

По отдельным же аспектам этой темы написано достаточно много. В частности, исследователи активно интересуются судьбами Выговской пустыни — всероссийского центра старообрядцев помор-

ского согласия, который был основан в Карелии в 1694 году, когда это была территория Новгородской епархии. До начала 1680-х годов сюда же входил и знаменитый Соловецкий монастырь на островах в Белом море. Здесь, как известно, в 1657—1676 годах вышеупомянутой реформе сопротивлялись весьма жёстко, в том числе и путём вооружённой борьбы. Этим событиям посвящён целый ряд исторических трудов. Следует отметить, что одним из авторов, чьи взгляды и выводы считаются и сегодня наиболее объективными, является историк, представитель Русского Зарубежья Сергей Александрович Зеньковский. Ещё в 1970 году в Мюнхене вышла в свет его монография «Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века» (переиздана в Москве в 1995-м и 2006-м, есть и более поздние перепечатки этих изданий). Автор практически впервые увязал сопротивление церковной реформе в землях бывшей Новгородской республики с ещё сохранявшимися здесь в XVII веке «консервативно-демократическими» традициями.

Сергей Александрович
Зеньковский

Зеньковский С.А. «Русское старообрядчество» (М., 1995)

По оценке Зеньковского, старообрядчество есть *«самое значительное религиозное движение в истории русского народа»* (народа, замечу особо, а не государства). Великий же Новгород в XV—XVII веках, как известно, был вторым по значению после Москвы городом в стране. Уже в силу этого новгородцы просто не могли остаться в стороне от событий, буквально всколыхнувших Русь в 1653 году, когда патриарх и царь начали реформировать Церковь. Отношение здесь к этому мероприятию складывалось в основном под влиянием трёх следующих факторов.

Как уже отмечалось, в Великом Новгороде и его землях в XVII столетии ещё существовали остатки традиций свободы, восходившие к временам независимой республики. Причём принципы выборности бытовали, в частности, на низовом уровне церковного управления. Общины конкретных храмов сами выбирали из своей среды приходских служи-

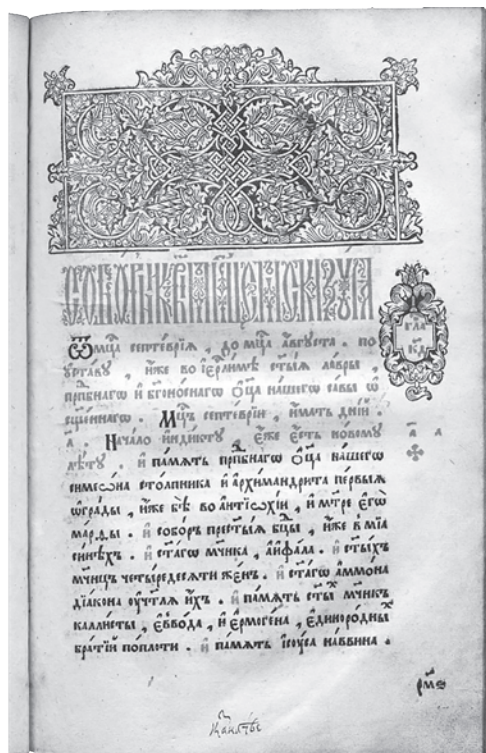
телей, зачастую включая и священников. Приведу в этой связи только один пример, из рукописного сборника XVII века, происходящего из новгородского храма св. апостола Филиппа на Нутной улице. Этот исторический источник был опубликован в 2001 году известным архитектором-реставратором Нинель Николаевной Кузьминой. Здесь со-

держится перечень обязанностей избираемого прихожанами пономаря. Помимо прочего, он отвечал за сохранность ценного имущества, которое уличане зачастую отдавали на хранение в церковь, точнее в подцерковье. Ведь здание храма было каменным и потому более защищённым от пожаров и грабителей, чем деревянные по преимуществу дома большинства тогдашних новгородцев. Итак, обращаемся к историческому документу. Пономарю вменялось в обязанность *«и в подцерковьях, и в чуланах всякаго улицкаго поставленья ото всего беречи накрепко, ото всяких лихих людей. И самому ему... над тое церковною казною никакие хитрости не учинить. И в церкви, и в олтаре, и в пределах, и в папертях по вся Воскресения Христова выпахать (начисто прибирать — А. П.), что было можно в землю поклонитца. И на церкви, и на олтари, и на пределах, и на папертях по вся лета такожде... выпахивать всякое сорьё. ...А подцерковье всех и чуланов никому на сторону, кроме своей улицы*

уличаном, ни на какое поставленье не отдавать. И уличане свои, что в подцерковьях и в чуланах поставят, и ему с того за поставленье ни за какое ничего у них не иметь. А своего ему, пономарю, поставленья в подцерковьях и чуланах никакого не держать. И у священника, и у дьячка, и у всех уличан быть в послушании и в покорении... ни в каком церковном чину и доходу не перечить, и пьяну в церковь Божию не ходить, и никакую бранию священника, и дьячка, и уличан не бранить. ...А без священническаго ведома прочь не збежать и без уличкаго ведома, пока уличане не откажут. ...И ему ...книг беречь и малым ребятам, как ...доведеца по книгам говорить, ...над ними смотреть и приказывать крепко, чтоб оне ...книг берегли и не драли, и воском слов не закапывали, и по домам из церкви книг без спросу и без ведома никто не брал».

Согласитесь, широта круга обязанностей, мера ответственности пономаря, в том числе и материальной, впечатляют. А был он, повторю, выборным, а не назначенным кем-то «сверху» лицом. Назначенного-то могли и, мягко говоря, не вполне принять, как, например, случилось в 1650-м с митрополитом Никоном, будущим патриархом. Иными словами, в Новгородской епархии XVII века сохранялась практика противопоставления воли групп людей, пусть и небольших, давлению центральных органов духовной власти.

Строй церковно-народной жизни был не только традиционным, так как существовал веками, но ещё и сакрализованым, то есть священным и неприкосновенным в сознании новгородцев того времени. Ведь духовная слава мно-

Месяцеслов (Москва, 1652. Л. 146).
Национальная электронная библиотека

гочисленных святынь и святых Великого Новгорода после его вхождения в Московское государство ещё более возросла, стала всероссийской. Ряд церковных деятелей Новгородской земли был канонизирован в Москве в XV—XVII веках. В начале XVII столетия представители новой правящей династии Романовых на своём старом боярском дворе близ Московского Кремля основали монастырь в честь иконы Знамения Пресвятой Богородицы, главной святыни Великого Новгорода. Кстати, совсем неподалёку располагалось и старинное Новгородское подворье в Москве. В общерусских

печатных «Месяцесловах» середины XVII века содержится 27 памятных дат, так или иначе связанных с Новгородской епархией. Ещё большее число святых относилось к разряду местночтимых, их имена не вносились в «Святцы» московских изданий. В частности, эти угодники почитались в монастырях Великого Новгорода и его ближайшей округи, общее число которых к 50–60-м годам XVII века равнялось шестидесяти, что весьма много даже по древнерусским меркам. Для сравнения, в Москве в это время было около 20 монастырей, при большей площади и населённости столицы. Всё это было серьёзным препятствием для восприятия людьми со средневековым христианским сознанием, воспитанными на местных церковных традициях, самой насаждавшейся реформаторами Церкви мысли о том, что здесь, в сём духовном величии, что-то, оказывается, «несовершенно» и даже «еретично», требует какого-то «исправления». Собственно, те, кто с этим тезисом так и не примирился, и стали старообрядцами.

Едва ли не в решающей степени на судьбы новгородского староверия повлиял реальный исторический опыт открытого или подспудного сопротивления властям Центральной Руси, вкуче с последствиями различных потрясений рубежа XVI—XVII веков. Эта память прошлого не была для Новгорода положительной: длительная борьба за сохранение независимости завершилась в конечном счёте поражением. Затем были учинённые Иваном Грозным опричный погром 1570 года и Ливонская война, приведшие к значительному истощению людских и хозяйственных

ресурсов Новгородской земли. Один из оплотов русского Православия, она, ослабленная и обескровленная, в Смуту впервые пережила позор почти полной оккупации пришельцами с Запада, которых считали «нечестивыми еретиками». Наконец, было подавлено и восстание 1650 года. И коль скоро речь дошла до него, уместно перейти от краткого анализа факторов, повлиявших на историю новгородского старообрядчества, к непосредственному описанию событий середины XVII века.

Патриарх Никон до возведения в сей сан был митрополитом Новгородским, хотя и недолго, в течение всего двух лет. И в первый же год его пребывания на местной кафедре в городе происходит восстание. Оставляя в стороне известные экономические причины, обратимся к духовной составляющей мятежа. Новый архиерей своим характером и действиями вошёл в серьёзное противоречие со сложившимися в Новгороде традициями. Во-первых, вопреки канонам Церкви, Никон был поставлен при ещё живом прежнем митрополите Афонии, который вдруг как-то очень быстро ушёл на покой в Хутынский монастырь, официально по старческой немощи. Однако скончался он в 1652-м, том же году, когда и Никон покинул Новгород. Замечу, что впоследствии владыка Афоний был причислен к лику местночтимых святых. Уже эти обстоятельства работали, безусловно, против Никона в глазах местных жителей. Во-вторых, и митрополит Афоний, и унаследовавший после Никона новгородскую кафедру Макарий, по отзывам современников, были людьми «кроткими», то есть молитвенно-

созерцательного настроения, строгими аскетами, совсем не склонными к реформаторской активности.

Никон же, едва появившись в Новгороде, начал решительные перемены. За богослужениями было введено киевское четырёхголосное (т.е. партесное, католическое по происхождению и духу) пение, вместо древнерусских унисонных распевов. А ведь многие из них имели, безусловно, местное, новгородское происхождение. Одновременно началась бурная строительная деятельность нового владыки, частью которой стали некие перестройки внутри Софийского собора. Реакция на них со стороны горожан — участников выступления 1650 года, весьма характерна и показательна. Она позволяет многое понять не только в данном конкретном мятеже, но и уяснить те особенности коллективного самосознания, которые проявились впоследствии и в старообрядческом движении.

Итак, упомянутые выше действия митрополита поставили его в представлении многих жителей города в разряд ни больше ни меньше... изменников Родины. Обвинение Никона в намерении «*церковь Софею Премудрость Божию рушить и столпы ломать*» вошло в челобитную, направленную царю восставшими новгородцами. Оттуда же известно, что жители города предприняли в той ситуации: «*А та государь, соборная церковь, построена по ангельскому благовестию. И мы, всяких чинов люди, о том ему, митрополиту, били челом и соборной церкви рушить и столпов ломать не дали. <...> И многие он, Никон митрополит, неистовства и смуту в миру чинит великую, и от тое ево смуты ставитца*

Патриарх Никон.

Илл. из кн.: «Портреты, гербы и печати
Большой Государственной Книги 1672 г.»
СПб., 1903

в миру смятение». Другие подробности происшедшего выясняются из «расспросных речей» одного из участников выступления: «*А столпы де в соборной церкви митрополит хотел розобрать... в прошлом году в Петров пост. <...> И мирские люди, собрався многие, приходили к митрополиту с шумом и говорили, то де им стало за зло: прежде его, митрополита, многие власти были, и старины ничего не портили. И они де мирские люди ему де митрополиту старого ничего в соборной церкви переделывать не дадут. И подвези (строительные леса — А. П.) из церкви мирские люди тотчас выбросали, и мастеров де... хотели бить, и мастера*

де от мирских людей перехоронилися. И по та места то дело и стало».

Новгородцы того времени, во всяком случае те, кто выступил против Никона, явно имели весьма высокий уровень самосознания. Они твёрдо считали в первую очередь самих себя, а вовсе не руководство, причём любого ранга, ответственными за неприкосновенность, в данном конкретном случае, материального воплощения истинной веры. Они и царю не стеснялись и не устрашались объявлять, что раз святая София построена *«по ангельскому благовестию»*, то они не дадут «портить» её «старину» кому бы то ни было, даже ценою собственной жизни. Эти события стали ярким, но, увы, последним столь масштабным проявлением древнегородской консервативной, точнее же, православной демократии. Однако этот строй мышления был присущ не только Великому Новгороду, что отчётливо показали события последующих лет.

В 1652 году *«избраицем и повелением великаго государя»* Никон стал патриархом всея Руси и уже в феврале 1653-го начал пресловутую реформу. Напомню, что в 1971 году Поместный собор Русской Православной Церкви Московского патриархата, по докладу Ленинградского и Новгородского митрополита Никодима (Ротова), *«рассмотрев вопрос <...> с богословской, литургической, канонической и исторической сторон»*, признал никоно-алексеевские церковные преобразования «более чем сомнительными». Были отменены «яко не бывшие» и проклятия, наложенные на старые обряды и их приверженцев Никоном и его последователями. Эти решения неодно-

кратно подтверждались впоследствии, в том числе на Архиерейском соборе Московской патриархии, состоявшемся в 2004 году.

Однако это прозрение случилось более чем 300 лет спустя. Оно, к тому же, не сопровождалось и не сопровождается массовым возвращением приверженцев официальной Церкви к дониконовским традициям. Основоположники же старообрядчества знали о неправоте дел патриарха и царя уже тогда, когда дела эти вершились. Они, в первую очередь знаменитый протопоп Аввакум, стали активно и открыто обличать власть имущих в «порче старины» и создавать независимые от «реформированной» Церкви общины. Теперь здесь имелось в виду не только материальное воплощение веры, как у новгородцев в 1650 году. Противники поспешных преобразований стремились спасти старину духовную, воспринимавшуюся как надёжный путь, приведший к спасению и вечной жизни сонмы русских святых, просиявших со времени Крещения нашего Отечества до злосчастной реформы.

Среди этих отважных людей был всего один представитель высшего духовенства — владыка из подмосковной Коломны Павел. Ему, как и прочим не подчинившимся, вскоре пришлось жестоко пострадать за убеждения. В 1654 году он был лишён сана и отправлен в ссылку, как раз в Новгородскую епархию. По одним данным, его поместили в Палеостровский монастырь на Онежском озере в Карелии, и там спустя некоторое время сожгли заживо. Современные исследователи более достоверными считают другие сведения о гибели

епископа Павла 3 апреля 1656 года в ссылке в новгородском Хутынском монастыре. Об этом событии сохранилось такое свидетельство современника: *«Никон посла слуг своих тамо в новгородския пределы, идеже он ходя странствовал. Они же тамо обретоша его в пусте месте идуща и похвативше его, яко волцы кроткую овцу, и убиша его до смерти, и тело его сожгоша огнем по Никонову велению»*. Здесь обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, опальный владыка Павел живёт в отнюдь не бедном монастыре, где был «на покое» и митрополит Афоний, он освобождён из-под стражи, ходит где-то «в пусте месте»; во-вторых, Никон предаёт его смерти не через формальные следствие и суд, а почему-то тайно подсылает убийц. С чем же связаны эти странности?

Найти ответ помогают имеющиеся сведения о преемнике Никона на Новгородской кафедре, митрополите Макарии, вошедшем в историю как Макарий III. Бывая в Москве, он вполне смиренно подписывал все принимавшиеся там постановления о церковной реформе. Но, когда в 1655 году в Новгород были присланы, якобы исправленные, новопечатные богослужебные книги, митрополит не стал вводить их в употребление простым личным указом. Он собрал авторитетных в епархии духовных лиц, и после совещания с ними приказал сложить привезённое в одной из палат Владычного двора, запереть и запечатать архиерейской печатью. Моментального перехода Новгородчины на «новый обряд», таким образом, не произошло.

Вероятно, об этом довольно быстро узнали в Москве, но мгновенно реаги-

Патриарх Никон избивает Павла Коломенского. Лубок XIX в.

ровать на «крамолу» не стали. Была свежа, видимо, память о мятеже 1650 года, к тому же в 1656-м вспыхнула новая война со Швецией. Скорее всего, было сочтено за лучшее не беспокоить епархию, расположенную вблизи от зоны боевых действий. Правительство было больше озабочено состоянием новгородских укреплений. Их спешно ремонтировали, причём «лес секли» для этого крестьяне митрополита.

Однако владыка Макарий был не только осторожным охранителем. Он предпринял весьма масштабное «обновление» ряда новгородских храмов и монастырей, в первую очередь — Софийского собора. Уже в 1652-м здесь были перенесены на новые места и украшены раки с мощами основателей

храма — свв. князя Владимира и матери его Анны. Через год в соборе был настан новый пол, упорядочена расстановка образов в иконостасе, для расширения пространства стёсаны некие *«границы от столпов, что за иконами быша»*. В отличие от 1650 года, эти действия не вызвали какого-либо возмущения новгородцев. Напротив, теперь уже патриарх Никон приказал *«учинить по-прежнему»*. Правда, сегодня трудно сказать, было ли исполнено это указание. В том же 1653-м отлит крупнейший колокол Софийской звонницы, сохранившийся доселе «Праздничный», или «Макарьевский», весом в 1614 пудов. Ещё через два года был практически полностью заменён, написан заново, местный (нижний) ряд главного иконостаса св. Софии, включая Царские врата. В основном именно эти иконы находятся там и сегодня. И хотя первоначальная живопись сохранилась не полностью, совершенно ясно, что стиль её строго «дониконовский», характерный для московской школы первой половины XVII века. Здесь нет и следа тех западных влияний, которые буквально хлынули в иконопись Руси во время церковной реформы. Среди этих образов находилась первоначально икона небесного покровителя царя Алексея Михайловича, преп. Алексия, человека Божия.

В этой связи крайне любопытно то обстоятельство, что сообщающий обо всех этих «обновлениях» «Новгородский хронограф» XVII столетия говорит о переделке местного ряда св. Софии 1655 года после рассказа о самовольном оставлении Никоном патриаршества, которое произошло тремя годами позже,

в 1658-м. Эти картины — бегство одного иерарха и спокойная созидательная работа другого, конечно, контрастируют между собой. Возможно, это есть намёк на надежды как митрополита Макария, так и прочих новгородцев, равно как и старообрядцев всей Руси, на то, что с уходом Никона царь Алексей откажется от реформирования Церкви. В этом случае новгородский владыка, наверное, выглядел бы одним из наиболее предпочтительных кандидатов в патриархи: он сохранил епархию от поспешных изменений, «возобновил» кафедральный собор в «дореформенном» стиле, народ спокоен и царь в почёте, вот и икона его святого в главном храме поставлена. И в этом контексте находят объяснение упоминавшиеся выше «странности» в судьбе ссыльного епископа Павла Коломенского. Ведь находился-то он здесь среди единомышленников, под покровительством владыки Макария, отсюда — отсутствие стражи. Известно об отрицательном отношении к опальному одному лишь хутынского настоятеля. Вместе с митрополитом Павел мог бы, согласно церковным канонам, рукоположить ещё одного епископа-старообрядца. Причём, разумеется, это было бы совершено в глубокой тайне от реформаторов — патриарха и царя. Возможно, именно поэтому Никону пришлось подсылать к Павлу неведомых убийц. Сам же факт ссылки епископа в нереформированную епархию мог свидетельствовать о своеобразном почтении к владыке или о надежде на «покаяние» перед патриархом бывшего носителя весьма высокого сана. Ведь в Русской Церкви того времени епископов вообще было

немного, менее двадцати на всю страну.

Восстановления «старой веры», однако, не произошло. Хотя после самоустранения Никона старообрядцы особенно усердно «заваливали» Алексея Михайловича челобитными с мольбами о возвращении к «древнему благочестию». Царь продолжил реформы и без своего бывшего любимца патриарха, при помощи духовных лиц из порабощённой турками-османами Византии. Но до 1663 года, когда скончался митрополит Макарий,

этот процесс так и не затронул Новгородскую епархию. А за год до смерти, в 1662-м, владыка Макарий поставил в сан священноигумена Николо-Беседного монастыря в Тихвине инока Досифея. Впоследствии он сыграл весьма существенную роль в деле сохранения старообрядчества, причём в масштабах всей страны: в 1670 году в Москве именно он постриг в иночество с именем Феодоры знаменитую боярыню Феодосию Прокопьевну Морозову. Возможно, Досифей представлялся Макарию наследником его миссии твёрдого, но вместе с тем очень осторожного противостояния «новолюбцам». Интересно в этой связи, что исследователи не приводят никаких сведений как о репрессиях в отношении Макария, так и о случаях попадания в руки «никониан» игумена Досифея.

Лебедев К.В. Спор о вере. Никита Пустосвят.
Конец XIX — начало XX в.

Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Из числа других известных старообрядческих деятелей в Новгород приезжал суздальский протопоп Никита Добрынин, прозванный оппонентами «Пустосвятом». Новгородские посланцы посещали в Москве и упомянутую выше боярыню-инокиню, и самого протопопа Аввакума. Кстати, его духовный отец и ближайший соратник, бывший соловецкий инок Епифаний, в 1657—1664 годах проживал в одной из пустыней Карелии. Уйти из новгородских пределов его, как и многих других «ревнителей древлеправославия», побудили резкие перемены в политике здешних владык в отношении старообрядцев, происшедшие после кончины митрополита Макария.

Назначавшиеся затем в Новгород владыки, как бы «навёрстывая упущенное» Макарием, старались с особым рвением

Миниатюра из памятника старообрядческой литературы «Описание лицевое осады и разорения монастыря Соловецкого».

Рукопись. XIX в.

<https://kp.rusneb.ru/item/material/povest-o-soloveckom-vosstanii-1>

проводить церковную реформу и беспощадно бороться с теми, кто не был с ней согласен. На 1668—1676 годы пришлось весьма известное «*соловецкое сидение*», осада и разгром правительственными войсками знаменитой обители на беломорских островах. Среди её братии, в большинстве категорически отказавшейся принимать «Никоновы новины», было и несколько уроженцев Великого Новгорода.

Восставшие насельники отправили царю пять челобитных, в которых обосновывали свою позицию: Никон и его

последователи создали «*новую веру по своему плоцкому мудрованию, а не по апостольскому и святых отец преданию... весь церковный чин и устав нарушили и книги все перепечатали на свой разум, богопротивно и развращенно*». Православие, утверждали монахи, на Руси сохранилось лучше, чем в Греции и в прочих землях бывшей Византии, так как там «*вера от насилия поганых турков до конца иссякла*». Они также доказывали, что при так называемом исправлении книг реформаторы пользовались вовсе не древневизантийскими, как о том заявляли власти, а новогреческими изданиями. Печатались они в Венеции, Париже, самом Риме, и потому были несвободны от влияний «латинства».

Следует отметить, что практически те же доводы являются основой и уже упоминавшегося постановления «О старых обрядах», принятого Собором официальной Церкви в 1971 году. Ведь именно к таким выводам пришёл ряд церковных историков второй половины XIX — начала XX века, в частности, Е.Е. Голубинский и Н.Ф. Каптерев. Сами они отнюдь не были староверами. Просто тогда в России несколько ослабла синодальная цензура и появилась возможность проводить объективные исследования, в том числе и по проблеме «раскола». Вообще, как известно, в нашей истории, увы, нередки ситуации, когда людей сперва уничтожают, а потом оказывается, что они были совершенно правы и пострадали безвинно.

Соловецкие отцы не питали особых иллюзий насчёт намерений власть имущих. Последняя челобитная их заканчивалась так: пусть «*огню и мукам нас те*

новые учителя предадут, или на уды (на части — А. П.) рассекут, но убо изменить апостольскаго прореченнаго и отеческаго предания не будем во веки. Великий государь-царь, смилуйся, пожалуйста!». Не смиловался. Благодаря измене одного из оборонявшихся 22 января 1676 года монастырская крепость пала, и около полутысячи её защитников, в том числе монахи во главе с настоятелем, архимандритом Никанором, были преданы жестокому казням. Спасшиеся от расправы стали на севере Руси одними из наиболее упорных распространителей старообрядчества, способствовали превращению карельского и архангельского Поморья в один из его центров. На 47-м году жизни, 29 января того же года, скончался царь Алексей Михайлович. Существует историческая легенда, что в предсмертных муках он, вдруг раскаявшись, отдал приказ о снятии осады с Соловков, и в Вологде встретились два гонца, один — из Москвы, с этим указом, а второй — с севера, с победной реляцией воеводы Мещеринова о разгроме обители. Степень достоверности этого предания неизвестна, но бесспорно, что смерть монарха была воспринята частью народа как наказание Божие.

В этих условиях вновь, как и после ухода с кафедры патриарха Никона, ожили надежды старообрядцев на возвращение Руси к *«древнему благочестию»*. Руководители несогласных с реформой — протопоп Аввакум, инок Епифаний и ещё два их сподвижника, находившиеся с 1667-го в заключении в заполярном Пустозерске в устье Печоры (между прочим, тоже на территории Новгородской епархии, в её границах

того времени), направили новому царю, молодому Феодору Алексеевичу, ряд всё тех же челобитных с просьбами о возвращении к старине. К тому времени она была отвергнута уже с проклятиями, произнесёнными на старые обряды и их приверженцев на так называемом Большом Московском соборе 1666—1667 годов. Именно эти «клятвы» были названы *«яко не бывшими»* в 1971-м. Вместо ответа последовали новые репрессии, наивысший накал которых пришёлся на 1680-е годы.

Так, в 1682 году были заживо сожжены вышеупомянутые Аввакум и его соузники. Как ни парадоксально, но практически сразу же за этим скончался царь Феодор, в возрасте всего лишь 21 года, то есть мистическая история смерти предшествовавшего правителя повторилась. Правда, эта мистика повлияла лишь на очередной рост числа староверов, политика же власть имущих в отношении них только ужесточилась. Её основными проводниками стали царевна Софья Алексеевна и патриарх Иоаким, который прежде, подобно Никону, недолго служил митрополитом в Новгороде.

В том же 1682 году было увеличено число епархий, за счёт дробления до того существовавших. Новгородская епархия при этом потеряла власть над Поморьем, архангельским Севером, где учреждается епископия в Холмогорах. Тогда же был объявлен запрет старообрядцам собираться на молитву в частных домах, нарушители же его предавались уголовному суду, наравне с грабителями и убийцами. В те же годы происходили *«сыски раскольников»* и в Великом Новгороде.

Ещё в 1681 году новгородскому воеводе князю Ивану Хованскому, будущему руководителю первого стрелецкого бунта в Москве — «хованщины», был подан донос дворянина Михаила Петрова на свою мать (!) и двух двоюродных братьев с обвинениями их в «хуле на Церковь». Дело получило развитие в 1683-м, при воеводе Бутурлине. В ходе следствия выявилась причастность к старообрядчеству нескольких десятков новгородцев, в том числе лиц из окружения самого тогдашнего митрополита Корнилия. При разбирательстве были задействованы Новгородский приказ в Москве и даже князь Василий Голицын, весьма близкий к царевне Софье. В результате 20 человек казнили.

Роковым для старообрядчества Великого Новгорода оказался 1683 год. Тогда были схвачены и затем сожжены его наиболее авторитетные руководители. Среди них надо назвать «*посадского человека*» Ивана (или Карпа) Дементьева, основавшего скит в «Невьих мхах», к юго-востоку от озера Ильмень, и Якова Калашникова. Особого же рассказа заслуживает старец Варлаам, в миру — Василий. Он был уроженцем Пскова, сыном протодиакона тамошнего кафедрального собора Св. Троицы, и сам, достигнув зрелого возраста, служил там же, причём был удостоен сана протопопа. Затем овдовел и принял иночество в известном Псково-Печерском монастыре. Прослужив там несколько лет, а затем на псковском подворье обители, Варлаам удалился в некую пустынь на реке Силе. Здесь он провёл в уединении 15 лет, совершая молитвы по старопечатным книгам. Первый раз он был схвачен

в 1677 году и отправлен в Москву, где его лично допрашивал патриарх Иоаким. Тогда пустынный, явно неискренне, «*принёс покаяние*», и при первой возможности бежал из столичного Новоспасского монастыря, где он содержался. Его убежищем стали вышеупомянутые приильменские болота — «Невьи мхи». Здесь он был вновь арестован, и на сей раз, как уже говорилось, сожжён. Это произошло 22 октября 1683 года в подмосковном Клину.

В результате этих «сысков» наиболее активные старообрядцы Великого Новгорода и его ближайших окрестностей были физически устранены. В последующие годы репрессии продолжались на территориях Русского Севера, входивших в Новгородскую епархию. Схваченных в Каргополе, Олонце и других местах старообрядцев привозили на Архиерейский двор Великого Новгорода для следствия и суда. За ними арестованных зачастую ждала казнь. Эти мероприятия активно проводились и преемником митрополита Корнилия Иовом (годы архиерейства — 1697—1716). Сводный старообрядческий «Синодик» называет, по меньшей мере, 70 имён «новгородских страдальцев», точное же их количество неизвестно. Оно может быть и значительно большим. Во всяком случае, шведский путешественник и дипломат Ю.Г. Спарвенфельд ещё в 1684 году, проезжая Новгород, занёс в путевой дневник известие о сотнях казнённых старообрядцев.

К 90-м годам XVII столетия самим староверам стало, наконец, понятно, что возврат дониконовской Руси вряд ли возможен. Со страной, а, быть может,

Мясоедов Г.Г. Самосжигатели. 1884 г.
Государственная Третьяковская галерея

и со всем миром, произошли некие необратимые изменения. В этих условиях сложились некоторые формы реагирования на воздействие этого, теперь уже чуждого *«древлему благочестию»*, внешнего окружения.

Одной из таких форм были известные «гари» (самосожжения). Они происходили в основном там, где для старообрядцев возникала угроза быть схваченными правительственными войсками. Ведь обычно после ареста от узников пытками старались добиться отречения от «старой веры». После этого некоторых из них, по крайней мере, считавшихся *«особо опасными»*, всё равно сжигали. Этого требовала одна из «Новоуказных статей о раскольниках» — законодательного акта, изданного в 1685 году. Поэтому старообрядцы сжигали себя сами, чтобы уйти в мир иной неосквернёнными отречением от «правоверия». Непосредственно в окрестностях Великого Новгорода

произошло 6 «гарей». Самая крупная из них в деревне Остров унесла жизни 120 человек. Гораздо более масштабные самосожжения происходили в карельском Обонежье и Каргополье. Счёт жертв здесь, порой, шёл на тысячи.

Надо отметить, что среди старообрядцев было и немало противников самосожжений. В частности, их не одобрял упоминавшийся выше Иван Деметьев. А инок Евфросин, основатель старообрядческой Курженской пустыни близ Повенца, разорённой властями в 1672 году, написал в 1691-м особое сочинение против *«самоубийственных смертей»*.

Другой формой реагирования на репрессии была радикализация вероучения части старообрядцев. В 1692 и 1694 годах в Великом Новгороде, естественно, в тайне от властей прошли два староверческих собора, заложивших весьма жёсткие основы беспоповского направления в старообрядчестве.

Их председателем был уроженец Крестецкого Яма (ныне пос. Крестцы) Феодосий Васильев. В принятых здесь постановлениях утверждалось, что с никоновской церковной реформой пришла «кончина века». В мире явно воцарился антихрист, по причине чего на Земле уже не может существовать полнота церковных таинств. Священство с кончиной последних пастырей-старообрядцев до никоновского рукоположения навсегда пресеклось. Следовательно, некому стало благословлять законные браки, совершать венчание. «Истинные христиане», таким образом, теперь должны быть безбрачными, как монахи, вступающие же в сожителство — подвергаться отлучению как развратники. Всё, исходящее от «оскверненного последним отступлением» мира, оскверняет и «истинного христианина» (беспоповца), поэтому в идеале общение с миром не должно быть совершенно. Отсюда известный запрет «ядения и пития» из одной посуды с нестарообрядцами. Он распространяется и на староверов других согласий. Признавалось существование лишь двух из семи Таинств Церкви — Крещения и Покаяния. Согласно ещё византийским канонам, их могут «нужды ради» совершать и нерукоположенные лица, за исключением сугубо священнических молитв и действий. Данные постулаты были впервые чётко сформулированы именно на упомянутых соборах. Они легли в основу учения всех направлений беспоповского старообрядчества. А поскольку общины беспоповцев существуют и за пределами нашей страны, значение этих новгородских соборов можно определить как более чем всероссийское.

В том же 1694 году в карельском Заонежье, у слияния рек Сосновка и Выг, местным уроженцем Даниилом Викулиным была основана Выговская пустынь. В XVIII — начале XIX века (до 1830-х) она была всероссийским центром несколько менее радикальных, чем последователи Феодосия Васильева, беспоповцев поморского согласия. В частности, поморцы признали возможность и в отсутствие священства заключать церковные браки (путём служения особых молебнов), а также не отказывались молиться за «державнаго» царя.

С самого начала раскола существовали в Новгородской земле и общины старообрядцев, священники которых переходили из «господствующей» Церкви. Однако в сравнении с беспоповскими таких приходов было немного. Хотя именно «поповских» взглядов придерживался, например, неоднократно упоминавшийся игумен Досифей.

На исторические судьбы новгородского старообрядчества повлиял опыт политического противостояния Новгорода и Москвы. То, что сей опыт был для Великого Новгорода отрицательным, сказалось на численности и степени решительности местных жителей, которые явно или тайно воспротивились патриарху и царю. Восстания староверов, хотя бы по примеру 1650 года, не произошло. И всё же несогласных оказалось настолько много, что они смогли создать ряд очагов сохранения «древлеправославия». Крупнейшие из них — Соловецкий монастырь и Выговская пустынь — имели всероссийское значение. Уроженцами Новгородчины были практически все основоположники беспоповства (это

учение вообще можно назвать новгородским по происхождению), а также один из выдающихся «поповцев», игумен Николо-Беседного монастыря в Тихвине Досифей. С Новгородской землёй связаны жизнь, деятельность и мученическая кончина главнейших оппонентов реформаторов, епископа Павла Коломенского, протопопа Аввакума и его союзников, а также священника Никиты Добрынина. Но, пожалуй, в наибольшей сте-

пени способствовала сохранению здесь старой православной веры взвешенная и осторожная, но вместе с тем достаточно твёрдая политика, проводившаяся в 1653—1663 годах новгородским владыкой Макарием. Всё это в совокупности позволило одному из исследователей ещё в начале XX века назвать Великий Новгород «первой старообрядческой Митрополией». Хотя после 1663 года для староверов здесь была, скорее, Голгофа.

Биргерд У. Новгородские страницы дневника Ю.Г. Спарвенфельда // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 282.

Бобров А.Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 3–123.

Гордиенко Э.А. Большой иконостас Софийского собора (По письменным источникам) // Новгородский исторический сборник. Вып. 2 (12). Л., 1984. С. 211–229.

Денисов С. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собр. Ф.Ф. Мазурина / Семён Денисов; Изд. подгот. Н.В. Поньрко и Е.М. Юхименко. М.: Языки славян. культуры (Кошелев), 2002.

Здравомыслов К.Я. Иерархи Новгородской епархии. Новгород, 1897.

Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII в. Мюнхен, 1970. Репринтное переиздание: М., 1995.

Кузьмина Н.Н. «Святой апостол Филипп в Нутной улице», фрагменты церковной летописи XVII в. // Кузьмина Н.Н. Церковь св. Филиппа апостола и Николая чудотворца на Нутной улице в Великом Новгороде. Великий Новгород, 2001. С. 37–39.

Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997.

Мельников Ф.Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999.

[Месяцеслов] // Часослов. Москва, 1652. Л. 146–306 об. *Указаны дни памяти чудотворных икон и святых, прославившихся в Новгородской и Псковской епархиях, в их границах XVII века.*

«Мятежное время»: следственное дело о новгородском восстании 1650 года / сост.: Г.М. Коваленко, Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева. Кишинёв; СПб.: Nestor-Historia, 2001.

Новгородский хронограф XVII в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 273–323.

Паламарчук П. Сорок сороков: В 4 т. Т. 1: Кремль и монастыри. М., 1992.

Панкратов А.В. Великий Новгород и Новгородская земля в истории и культуре русского старообрядчества. К постановке проблемы // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 236–251.

Панкратов А.В. Новгородский контекст истории и культуры русского старообрядчества // Чело. 2002. № 2. С. 19–22.

Петрова Л.И., Анкудинов И.Ю., Попов В.А., Силаева Т.В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 95–157.

Покровский И.М. Русские епархии в XVI—XIX вв. Их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. I. Казань, 1897.

Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986.

Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003.

Румянцева В.С. Следственные документы новгородских «сысков раскольников» 1680-х гг. // Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 188–198, 227–242.

Союзин А. Великий Новгород — первая старообрядческая митрополия // Церковь. 1909. № 24. С. 761–763.

Страхова Я. Святой митрополит Афоний (1635—1649) // София. Журнал Новгородской епархии РПЦ МП. 1998. № 4. С. 38.

Трифорова А.Н. Русская икона из собрания Новгородского музея. СПб., 1992.

Урушев Д.А. К биографии епископа Павла Коломенского // Старообрядчество в России (XVII—XX века). Вып. 3. М., 2004. С. 21–42.

Фенченко С. Новгородское старообрядчество второй половины XVII — первой половины XVIII вв. // София. Газета Новгородской епархии РПЦ МП. 1996. № 2 (18). С. 11.

Филатов С., Лункин Р. Православие по-поморски и по-новгородски // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб., 2002. С. 33–57.

Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни [написана ок. 1742 г.]. М., 2005.

Фишман О.Р. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003.

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. В 2-х тт. М., 2000.

«Этнографическая наброска». Именно так определил жанр этой публикации о поозёрах её автор — С. Дубровин. Очерк был напечатан в седьмом номере «Отечественных записок» за 1871 год.

В этих этнографических зарисовках отражены особенности характера поозёров, их радушие и гостеприимство, выразительные особенности говора, исключительные подробности их быта. Здесь встречается рассказ о святых отроках менюшских Иоанне и Иакове в пересказе хозяина-поозёра, пригласившего в свой дом «странного человека» — странника-монаха, мечтавшего посетить Поозерье — место, называемое автором «обетованной землёй», о котором слагались легенды. Таким образом продолжается рассказ о новгородских древностях по материалам периодических изданий XIX — начала XX века.

Предваряет рассказ подробное описание закреплённого временем топонима «Поозерье», данное историком Л.А. Филипповой. Также к публикации прилагается небольшой словарь терминов и выражений, которые могут быть непонятны современному читателю. Определения почерпнуты из словарей: «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова, «Новгородский областной словарь» или добавлены редакторами.

Людмила Филиппова

ТОПОНИМ «ПООЗЕРЬЕ»

Топоним «Поозерье» известен ещё из Переписной книги 1498 года. По мнению антрополога Н.Н. Чебоксарова, проводившего исследования перед Великой Отечественной войной, население Поозерья представляло «непосредственных потомков древних новгородцев». Он отметил, что «характерные особенности

новгородского говора, сближающие его с древнерусским языком, также сохранились в Поозерье лучше, чем в других районах Новгородской земли».

По Переписным книгам 1498—1501 годов в Поозерье существовало пять погостов: Васильевский, Курицкий, Лазаревский, Лукинский и Пискупицкий,

в которых значилось 116 поселений, 406 дворов. До присоединения Новгорода к Московскому государству в 1478 году 65 дворов принадлежало новгородскому владыке, остальные — новгородским монастырям и боярам. После присоединения часть деревень была приписана к Дворцовому приказу.

Значительная часть территории Поозерья в древности была покрыта хвойными лесами и дубравами, о чём свидетельствуют топонимы: Дубровка, Бор, Ушково на Бору, Сапунов Бор, Неронов Бор, пустошь Сосницы. Постепенно леса вытеснялись пашнями. Однако из-за большой плотности населения пахотной земли не хватало. Из-за недостатка сенокосных угодий скотоводство также было развито мало. Основным занятием жителей Поозерья было рыболовство. <...>

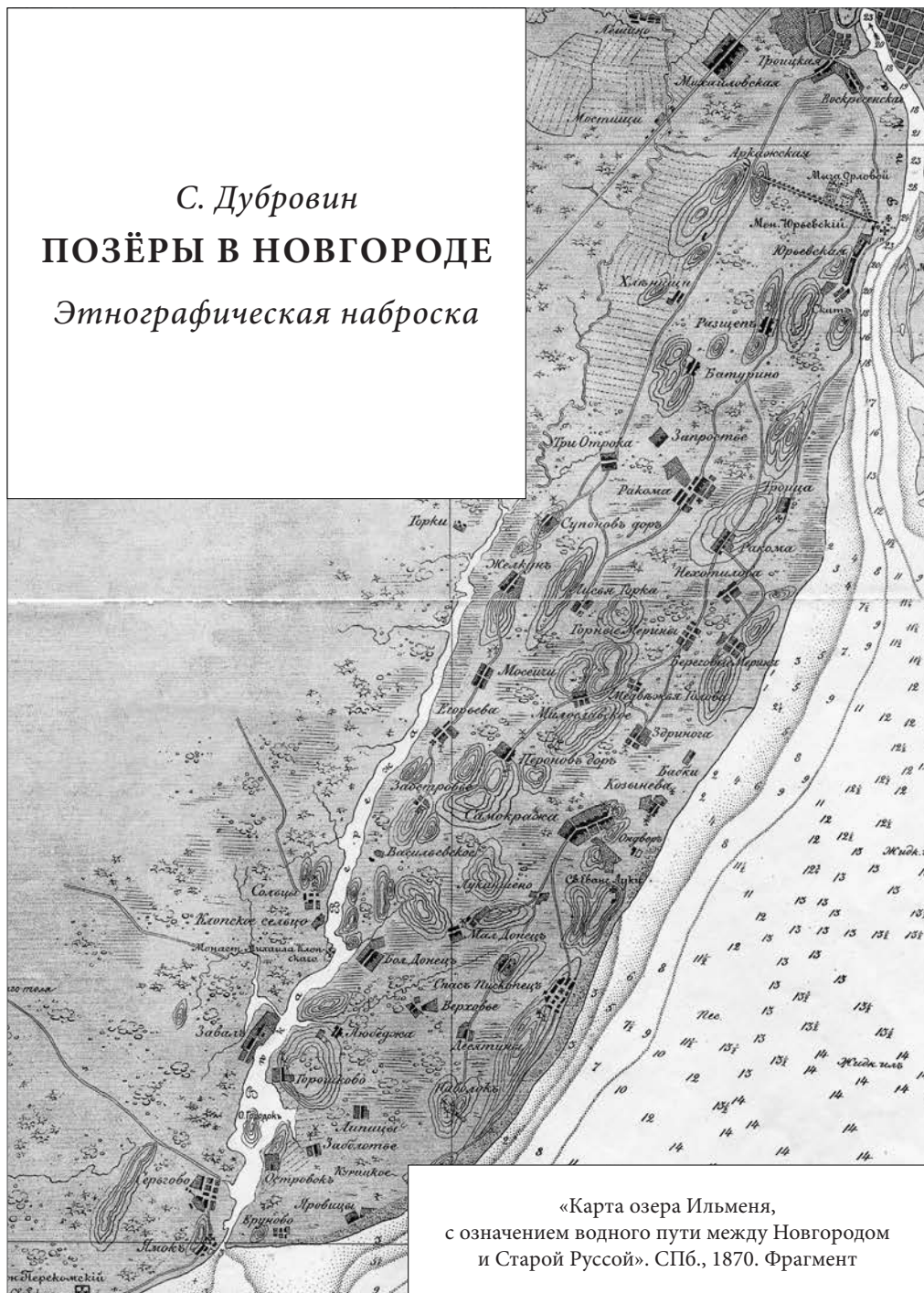
В конце XIX — начале XX века на территории Поозерья насчитывалось 10 храмов, более 40 часовен и Клопский, и Перекомский монастыри. Каменным храмам XVIII—XIX веков предшествовали древние деревянные церкви.

В древние времена через Поозерье проходил «Русский путь» на Русу (Старую Руссу) и далее на Псков, упомянутый ещё в грамоте Всеволода Мстиславовича 1134 года. Письменные источники XVII века называют его «Псковской большой дорогой», которая шла западнее современного шоссе мимо Благовещенского на Мячине монастыря, деревень Моисеевичи, Желкун и далее до деревни Хотяж, где была переправа через реку Веряжу, а от неё — мимо Клопского монастыря за деревни Завал и Сергово-Ямок до большого села Голино.

В настоящее время в Поозерье осталось менее 40 деревень. Большинство из них сохранило названия, известные по Переписным книгам: Розщеп (Расщеп), Морино, Мосеевичи (Моисеевичи), Наволок, Воздеренога (Здринога), Завал, Сергеевичи (Сергово) и другие. Деревни Поозерья расположены большей частью или на берегах озера Ильмень и Веряжи или по дороге. Часть деревень размещалась посреди полей на малых речках и ручьях.

Из статьи, опубликованной в кн.: Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 394–395.

С. Дубровин
ПОЗЁРЫ В НОВГОРОДЕ
 Этнографическая наброска

«Карта озера Ильменя,
 с означением водного пути между Новгородом
 и Старой Руссой». СПб., 1870. Фрагмент

Прибрежные жители озера Ильменя — народ хотя небогатый, но странноприимный, «хлебосолы». Хлебосольство есть единственная отличительная черта характера прибрежных жителей озера Ильменя, называемых «позёрами». Нигде нельзя найти такого радушного приема, как между позёр. Пришел странный человек в Позёрье, попросился у позёра на ночлег, позёр не откажет никогда в ночлеге, мало того, что накормит, напоит. Позёр с странного человека, и за хлеб-соль не только не возьмет платы, но и своей копейкой

горемычному бедняге, не имеющему ни кола, ни двора, ни отца, ни матери, ни роду, ни племени; не сыт, не голоден, мается он, скитаясь по белу свету до тех пор, пока судьба не сведет его с таким же горемыкой, как и сам он, и тот не наставит его на путь в Позёрье. Вот встретились два странника в Вышнем Волочке, завязался между ними длинный разговор: «Откуда ты?» — «А ты кто (произносится позёрами хто) такой?» — «Куды идешь?». И бывалый человек в Позёрье рассказывает страннику такие чудеса про позёр, про их хлеб-соль, что тот,

притая в груди дыхание и глотая слюнки, слушает и не наслушается рассказов красная про счастливую Аркадию-Позёрье и, питаясь мирским подаянием, прося «христа-ради», за двести-триста верст плетется в указанную ему Савельем Панкратычем обетованную землю. Пройдя через Крестцы, выбрался он на шоссейную николаевскую дорогу и в Бронницах, услыша оглушительный

Позёр Сенюгин Г.П. с лошадей. Фото 1900—1910-х гг.
НГМ КП 37745/121

рад поделиться с ним; даст ему и обувь, и одёжку. И это еще не все: переночевал у позёра странный человек, утром собирается идти в дорогу, а позёр бабе своей, Маланье, велит отрезать хорошую кромзулю хлеба и положить в котомку Христову страннику на дорогу. За то Позёрье любят странники, как свою родимую матушку сторонку. Куда деваться

звон двухтысячного юрьевского колокола, снимает колпак и набожно крестится. В Бронницах пообедал, перекусил, что Бог послал, отдохнул и к ночи, в дырявом монастырского служки подрыснике, босиком, с огромными мозолями на ногах, подпираясь дубинкой и ковыляя с боку на бок, русский пилигрим вошел в Великий Новгород. В Новгороде покло-

Клопский монастырь. Фото второй половины XIX в.

нился мошам новгородских чудотворцев, походил по монастырям. Невесело страннику в Новгороде, тянет его в Позёрье, расспрашивает он про Позёрье у встречаемых мужиков, увидел позёр и узнал дорогу в Позёрье. Было у странника денег два медных пятака, которые дала ему какая-то купчиха, выходя от обедни от Знаменья; купил он на эти деньги в обжорном рынке пирог с рыбой, отломил, кусил пирога и выплюнул, — пирог был с протухлой рыбой. Делать нечего, и поел бы странничек, да денег больше у него не было в кармане и голодный он вышел из Новгорода. Прошел Петровское кладбище, зашел в Юрьев монастырь, отстоял обедню, на гостинице поел щей и каши досыта, как давно не едал, вышел из Юрьева и направил стопы далее. Идет, нагоняет его пьяный мужик, орёт во все горло: «Мунах! Мунах! Пади! Стопчу!». Странник, сойдя с дороги, снимает колпак и кланяется мужику. Мужик, остановив лошадь, спрашивает: «Откелева, оче?» — «Из Ки-

ева, добрый человек!» — «Докелева так ты Бог несе, поклониться, знать, идешь к Михайлы Клопскому аль к Ефремыю в Перекомо?» — «Хочу и в Клопском, и у Ефремыя побывать, а как, дядя, далече до Клопсково?» — «До Клопсково? Да буде с хвостиком десяток, соводни жарко, парит, знать к дожничку; я, чай, вижу, ты устал, оче, далече шел, — хромаешь, садись, оче, я тя подвезу, я из Позёрщины, Клопско от нас недалече — рука подать». Странник лезет на скрипучую телегу и рядом с мужиком садится на куль ржаной муки. Мужик исподлобья глядит на странника и спрашивает: «Оче, как ты звать?» — «Ионий» — «А, оче Иёна, спрощу я у тя, ты пьё ли водку, али не; коли ты пьё, так я тя угощу?» — «Грешным делом во славу Божью испивам малу толику, таиться неча, грешно таиться; от людей укроешься, а от Бога николи». — «Ну, и гожо, ковды сказал, што пьё водку. Пить немного не грех, и отцы святые, мунахи, о праздничках господних по красули испивают; соводни я грешным

Ефремо-Перекомский монастырь.
Богоявленский собор. Вид с юго-запада.
Фото начала XX в.

делом утрось выпил в городе две ко-
сушечки. Стой, карько! Зде кабак, оче,
пойдем, выпьем по стаканчику». Мужик
и странник идут в кабак, выпивают по
два стакана водки и, закусивши луком,
садутся на телегу и едут. Водка развя-
зывает язык страннику, и на расспросы
мужика, где он был и что он видел, рас-
сказывает про Москву — золотые маков-
ки, что церквей в Москве сорок-сороков;
про Киев — чуден град; про святой град
Ерусалим; про Афон-гору высокую, на
которой горе живут одни чернецы; нет
там ни бабы, ни коровы, ни кобылы, ни
курицы, ни голубки, один мужеский
пол только и обитает на той святой горе
Афон, а женскому запрещено туда вхо-
дить; гром и молния женский пол там

поражает. Мужик слушает и всему верит,
а странник начинает лгать мужику неми-
лосердно и городит ему турысы на коле-
сах, и не видя в разговорах, как проехали
дорогу, приезжают, наконец, в деревню.
Лошадь остановилась перед знакомой ей
избой и воротами, отворенными на двор.
Странник переночевал у мужика, спал
богатырским сном на перине, на какой
никогда не сыпал от самого рождения;
проснувшись утром поздно, удивился,
что он уже находится в счастливой Ар-
кадии, где и провел первую ночь. Тётка
Лукерья, жена дяди Прокофья, хозяйка
дома, давно уже затопила печку, состря-
пала масляную-премасляную яичницу,
от которой запах, разливаясь по избе,
приятно щекотал обоняние голодно-
го странника, а дядя Прокофий успел
сбежать в кабак и принести водочки.
Прапрадедовский графин, с живитель-
ной чудотворной влагой, стоял на столе
и весеннее солнышко, сквозь хрусталь-
ное стекло его, переливаясь радужно,
заглядывало в графин, как смотрится
сельская красавица-девушка в заповед-
ное свое зеркальце, в котором отража-
ются все ее прелести. Но вот и она, вот
и сельская эта красавица, Ксения Про-
кофьевна, дочь хозяина, сидит у окна за
пьяльцами и по белому полотну лилейной
своей ручкой вышивает красных петуш-
ков. Странник глядит на все это и не ве-
рит глазам своим: где он? и что с ним
делается? Долго-ль находился странник
в упоительной неге, не знаю, наконец,
встал. Ксения Прокофьевна налила хо-
лодной воды в рукомойник, странник
умылся, утерся белым полотенцем, долго
молился пред божницей и пожелал всем
счастливого утра.

— Што, кормилец, — говорит тетка Лукерья, — как твое святое имячко?

— Иона!

— Оче Иёна, какво те у нас поспалось? Не ели ль ты клопы? Проклятых их у нас такая пропасть развелась.

— Ничово, матушка, ничово, спал я крепко; вчераь устал, с дорожки ничово не слышал.

— Проша! Чай, как евто произносится евто твое имячко-то, опять забыла я, деревенская дура?

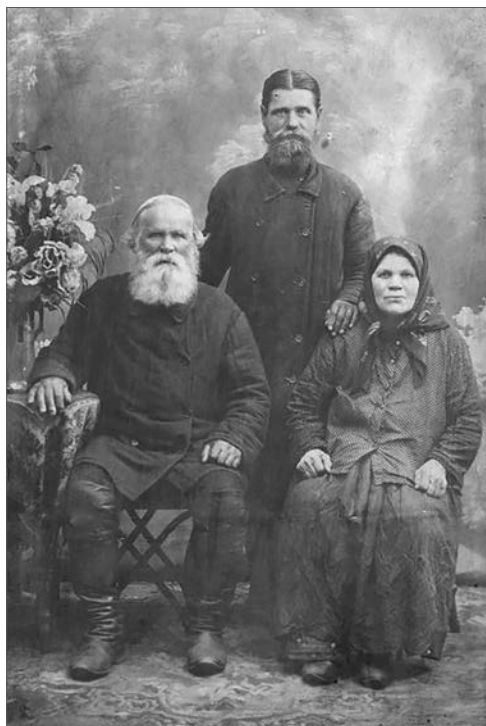
— Иона.

— Иёнушка-то, чай, я думаю, хоче с дорожки в баенку; не протопить ли, как ты евто скажешь, скажитко мне?

— А што же, и ланно ты это, Лукерья, сказала, спасибо што напонила мне. Ай-да баба, што за баба, клад у меня баба, молодец баба, пойдико, да подько ко мне, мое солнышко, дай возьму ты за ушки, да поцалуй-ко ты меня, во так, во так, славно! И я с очим Иёной схожу в баенку помоюсь, да пораспарю свои косточки, евто с похмелья гожо буде, баенка русскому здорова, а немцу смерть, и свяшшенное писание глаголет: «Намойтесь и чисты будете». Я не грамотей, по книжному не маракую, а што слышал, то слышал, как евто на нашем погосте в божьем храме читает в книге наш горластой дьячок Михайло; а ты, жонушка Лукерья, да свет Пантелеевна, неситко теплинку скоряе, да затопляй-ко баенку, да сышцы очу Иёнию мою красную рубаху, да пёстры порты. Сядь под, оче Иёна, за стол, выпьем водочки да закусим, што Бог послал.

Садятся за стол.

— Оксюшка, — говорит тетка Лукерья своей дочке, сидящей за пьальца-

Поозёры Даниловы, крестьяне села Спас-Пископец. Фото 1890—1900-х гг.
НГМ КП 37883/57

ми, — брось ты вышивать-то, ешшо успеешь вышить, вить у Бога дней не решето, да и не завтра те замуж выходить; ступай, наноси дров да воды в байню, да возьми из порска горячово уголья, зато пи байню; а я пота выпашу пол в избы, ишь в избу-то нельзы зойти к нам хрецоному человеку; и чорт, и тот ногу сломит, колько сору, прости Господи!

Девушка, казалось, рада была такому приказанию матери, чтобы избавиться назойливых глаз странника, которые устремлены были на нее и как раскаленные уголья жгли ей и девическое сердце, и розовое личико.

Поозёры муж и жена Чумаковы —
крестьяне с. Спас-Пископец.
Фото 1900—1910-х гг. НГМ КП 39327

— Што же, оче Иёна, выпьем по красули мунашеской, да слухай ты, ешь у меня без церемонья, да побуть у меня, оче Иёна, недельку-другу, третью, да поучи мою Оксюшку азбуки. Оксюшка-то у меня училась, да мало, сёмой год пошел с зимнево Миколы, как Оксюшку мою обучал грамоты дьячок на нашем погосте, Михайло Лукич. С Покрова до Миколы Оксюшка пожила, поучилась у Михайла Лукича и Христос с ей, стала-было девка моя брест по складам, дело-то тово и на лад было-пошло, да враг попутал Михайлу Лукича: Михайло Лукич с зимнево Миколы как запил, да запил, а в хмелю-то Михайло Лукич упаси Бог как непокоен, уж очунно драчлив, ко

всякому лезе к рылу, ночью прибил дьячиху Гаврилиху, а девка-то моя, как ею Бог только спас, дорогой не замерзла, прибежала домой в одной рубашонке. Подумал а товды: Бог с ей и с святой грамотой, мы с Пантелеевной и не учены были, а слава те Христу небесному, в честном законном браке прожили шестнадцать лет, живем в удовольствия, да богачестве и добрые люди нам завитствуют, да и Оксюшка у нас, как перст одно детищо; но пойди, думаю, долголь до беды; разбойник пьяной Михайло Лукич чем-небуть резне девчонку и искалечит на век, а потом, опосля поди ищи суда где хош, хоша иди просить на разбойника к самому набольшему над крылошанами, к анхирею, хоша иди в ихну конзасорию, — гладки взятки! Надо было мне одно время племяшу Гришу обабить, малец был на возрасте, кланяется, просит меня, нельзы отказать — свой, то-есь Гришка мне, выходит племяш; высватал ему я девку, повез их на погос, привез, иду к свяшшенику, добреюшший был свяшшеник у нас, царство ему небесное, ужо давно покоен, звали ево отечь Павел; говорю: «отечь Павел, я к те пришол!», говорит: «каким делом, Прокофей?» — говорю: «отечь Павел, Гришку племяшу да Наську с Бору — повенчай». Отечь Павел насунул на нос очки, долго рылся в какой-то ехто большушшей книги и говорит мне: «што, Прокофей, венчать нельзя, не след, Наська-то Гришки твому роння, выходит двоюронны, ищи Гришки другую девку, повенчаю». Тут я в ноги бух очу Павлу, отечь Павел говорит: «не кланяйся, Прокофей, нельзя», я очу Павлу сининькую сую, — «нельзя» говорит, и краснинькую, — говорит:

нельзя то бы все нельзя, а пожалуй, Прокофей, оно и можно, жаль мне-ка ты, ты человек-то доброй на хлеб-соль, так поезжай в Новгород, отыщи тамо конзасорию, и в конзасорию подай челобитну, можо и велят повенчать, товды я и повенчаю». Делать неча, развел жениха и невесту по домам и марш в Новгород. Приежжаю я евто в Новгород, зашел в кабак, выпил косушку, сел на лавочку и мыслю: кто мне настрочит челобитну в конзасорию, а тут, глядь я, а на мое счастье, бежит в кабак какой-то стрикулятник, сортучонко на стрикулятнике засаленой, прехудой-худой и под мышкам все повырвано, как быть-то с собакам дрался, вбежал эвто он в кабак, глянул на меня и говорит: «што, дядя, каким делом в городе, аль на базар привез свиной?» — «Како, говорю, свиной привез, я за делом приехал, хлопотать хочу, подать челобитну в конзасорию» — «На ково» говорит «аль на попа, аль на дьячка, аль на пономаря, аль на проскурню?»

Тут я рассказал ему всю подноготну, он хлоп меня по плечу и говорит: «не тужи, дядя, я сам из конзасории, все те состряпаю, как блин спеку, дело буде в шляпе, только ты угости водочкой»; говорю: «угощу». Выпили мы с ним два полштофчика артафею, простова не пье, говорит: «вред, худо простое пить». Што-шь гляжу, андел Божий! Он вынял из кармашка граматинку и красинькой палочкой давай по граматинки водить в зады и в переды, водил, водил и говорит: «я во настрочил, а ты, дядя, эвту челобитну отнеси в конзасорию», и рассказал мне, где эвта конзасория. Тут я простился с милым человеком, дал ему за челобитну три пятыалтынничка, вхожу евто в Хрепось, своротил на леву руку, иду, а сам себе мекаю, где-ка эвто здесь конзасория, што евто за така конзасория, дом ли большушшой конзасория, белокаменны ль палаты конзасория, аль уш дворец самово батюшки емператора эвта конзасория, в толк не могу взять, што то

Кремль. Новгородская духовная консистория. Фото 1900—1910 гг.

Из книги: «Императорская Археологическая Комиссия (1859—1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия». СПб., 2009

Маковский В.Е.
Канцелярия сороковых годов.
Фрагмент картины

за конзасория. Грамотинку несу в руках, иду, гляжу, стоит дом большушшой-пребольшушшой, я к дому, у дому ходит солдат на часах, я к солдату и говорю: «Служба, где здесь е конзасория?», а сам сошел я на крылечко. Солдат как крикнет на меня: «худы лезешь, борода, мужик сиволап! Вона тамо конзасория, а здесья вашему брату-сиволапу с Кузьмы-Демьяна лбы зачищают, здесья губерско!» Я смекнул тут, попал, мол, я неланно и прочь пошел; перешол через дорогу, снял шапку, перехрестился перед матушкой премудрой Софией, глядь я, а прям на меня бежит мальчуган такой-то евто шустрой прешустрой, я к ему, спросил мальчугана «где туточку конзасория.»

Он фыркнул и говорит мне: «кака конзасория?» — «Да конзасория, говорю, где живе анхирей». — «Сам ты», — говорит, — конзасория, а вона тамо, мужик, конзасория.» Гляжу, домищо большушшой, я к ёму, на крылечко, отпер дверь, глядь — никово нету; другая дверь, отпер, и ту глядь — ан у стола сидит облизаной стрикюлятник и што-то строчит, поглядел на меня, я молчу и он ничово, взял у меня из рук грамотинку, глянул на ею, плюнул, разорвал грамотинку на клочки, бросил на пол и говорит: «сторош!» и опосля как рывкнет: «Трошка!» да так-то рывкнул — ужаси, страсти, ажно у меня в ухах зазвенело, стою ни жив, ни мертв и думаю, што-то буде? Дверь отперлась, вошел в горенку солдат, седой старик, на груди-то у солдата висят да болтаются серебряные хресты, да медали, да разныя ленточки. «Што ваше благородье?» сказал солдат; стрикюлятник говорит: «Трофим, пошто ты эвтих сиволапов мужиков сюдыка пускаешь в конзасорию? Он вор, ночью ходит, хоче обокрась конзасорию, сведи его в чась, пускай там дадут ему збуду, да в кондалы закуют, опосля не стане ходить, крась в конзасорию». Тут я стрикюлятнику бух в ноги: «змилуйся, говорю, ваше благородие. Отець кормилечь мой, доложу вашей милости, я не вор, не мошеник какой, пришел к вашей милости подать челобитну в конзасорию.» Говорит: «вижу, пришел ты обокрась конзасорию, знаю вашова брата я; Трофим, сведи ево в чась». Солдат хвать меня за шивороток и потащил, вытащил вон из конзасории на улицу, я ему бух в ноги: «служивой» говорю, «буть мне отеч ронной, не води ты меня в чась; што я сде-

лал, я не вор, не мошенник.» — «Што ты сделал, говоришь ты, — солдат мне сказал, — а вот как я сведу тебя в чась, да тамо тебе спину накрашу што небу будь жарко, товды скажешь, што сделал». Я говорю: «ослобони, служивый, я те с дому привезу гуська, да поросенка сосунка, да медку привезу, только ослобони служивой!» — «Вре, говорит, обманешь, дай пять цалковых, ослобоню». — «У меня, говорю, таперя при себе только и е три за душой цалковых.» — «Давай сюды, а два опосля привези, да гуська привези, да поросеночка-сосунка привези, да медку привези.» — «Привезу, говорю, а сам себе мекаю: «ослобони только меня, а там жди, дам я те тово друго, разбойник.» Тут достал я из-за пазухи с хрёста мошны, вынял три цалковичка, подал солдату и солдат ослобонил меня! Я ударился бежать из хрепости, перебежал Волховской мос, прибегаю весь мокрехонек на свою хвату, напоил карька и ночью пустился домой в деревню. Евта оказья случилась у меня в субботу, а в восхрёсенъе приехал ко мне племяш Гришка и спрашивает: «што, дядя, сказала конзасория?» Как сказал евто слово мне Гришка «конзасория», меня как ножом в бок кольнуло; я выбранил Гришку, Гришка в слезы, ну выть, да выть, просит, валяется у меня в ногах. Жалко мне стало парня, свой-то е мне-ка Гришка, не чужой какой, и ронни-то

у Гришки один я да моя баба и только, а больше никим ково нет на белом свете, а обабиться надоть было Гришки, без бабы в хрёстьянстве жить нельзы, не след земля е, одних коров дойных на дворе пять, нада Гришки была баба. Поехал я свататься к Мишки Косолапу и высватал у ево дочку Шурку и женил на ей Гришку. Десяток лет е тому времячку, а не забыл я евтой конзасории. Так-так-то вот, оче Иёна, ты мне-ка по души пришол, поживи у меня, грешника Проко-

Крестный ход на лодках в Клопском монастыре.
Из очерка А.Г. Слёзского «Клопский монастырь».
Исторический вестник. 1904. №97

фья, да Оксюшку мою понауци грамоты. Во скоро у нас буде праздник в Клопском «прихоженью». Мне-то с бабой моей итить неколи, а Оксюшку-то я с тобой отпущу, сведи Оксюшку к Михайлы Клопскому, да Ефремью-Преподобному в Перекомо, а от телева пройдете в Менюши к Отрокам новоявленным, угодничкам Ивану да Якову. Оксюшка два года назад в болести завиталась

фья, да Оксюшку мою понауци грамоты. Во скоро у нас буде праздник в Клопском «прихоженью». Мне-то с бабой моей итить неколи, а Оксюшку-то я с тобой отпущу, сведи Оксюшку к Михайлы Клопскому, да Ефремью-Преподобному в Перекомо, а от телева пройдете в Менюши к Отрокам новоявленным, угодничкам Ивану да Якову. Оксюшка два года назад в болести завиталась

в Менюши. Как скажешь, оче Иёна, поживешь у нас до прихожденья, аль не хош?» — «Велишь пожить у тя, дядя Прокофей, ддяча у тя мне не пожить, кака мне у тя берегова как у батька ронново, отродясь я не видал.» — «Ну, и лланнош, оче Иёна, спасибо те, выпьем по рюмочки.» Пьют. Дверь в избу отворилась, вошла в избу Ксенья Прокофьевна и, утираясь передником, сказала: «Татка, а татка! Ты-ль наперво што-ль пойдеш в байню? Байня ужо выстоялась, заглянь, татка, не осталось ли там теплинки

ланно, Оксюточка, ланно, спасибо те; зальем теплинку, коли е она тамочку; оче Иёна, надевай — на мой кафтан, пойдём в баенку, а ты, Оксюточка, сходи на озеро, принеси воды, да постав самовар, матка приде с огорода, скажи матки, штоб сходила в анбар, принесла меду сотины три, што ономясь в четверк я вырезал из ульев. Е-ли у тя тамо в байни венник? Дай нам платье да мыло подай». Дядя Прокофей и Иона идут в баню, парятся, моются, приходят домой, самовар Ксенья Прокофьевна поставила, самовар

Баня по-чёрному. Внутренний вид.

Илл. из книги: Шангина И.И. Русский традиционный быт: энциклопедический словарь. СПб., 2003

в печки, штоб вам не угореть. Глянь, татка, в печку да залей, байня у меня очунно жарко соводни натоплена. Утрось матынька сказала мне: «Гляди, Оксюшка, топи жарче байню, в байню просился Сенька пастух, да Матрехин солдат, да поповы плотники от Егорья, да коли, матынька сказала, пару да воды в байне останется просилась Христом-Богом рожонка Стеха Безпалова». Так иди татка в байню.» — «Ланно, мое дитятко, ланно,

согрелся, ушел, опять подогрела, самовар скипел, и вот он на столе стоит чистый расчистый, как красное солнышко, как личико сельской красавицы Ксеньи Прокофьевны, которую в первый раз «Ксенией» назвал священник, когда крестил, во второй раз «кумушкой Оксеньюшкой» назвал ее сельский писарь, когда она с ним крестила младенца у двоюродного своего братца Гриши; в третий

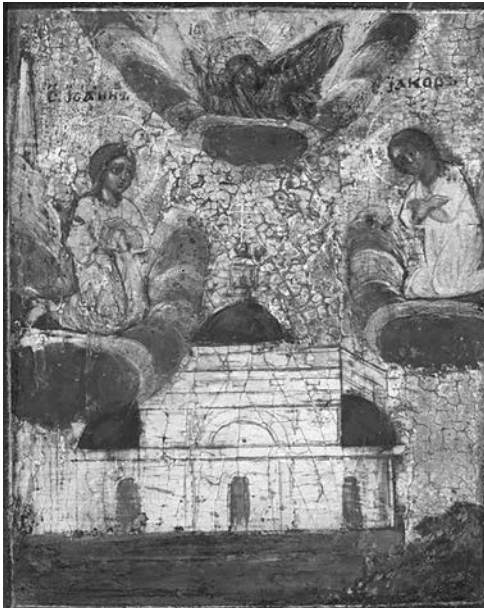
раз Ксеньей Прокофьевной возвеличил ее новгородский барченоч, который покупал у дяди Прокофья лещей, на масляной, а в деревне все зовут ее «Оксеньей, Оксей, Оксюшкой Прошкиной». Дядя Прокофей сажает Иону в передний угол, сам садится подле его; тетка Лукерьья из огромного контуженного чайника наливают чай в чашки. «А што, Луша, — спрашивает дядя Прокофей, — кто таперя пойде в байню? Ух как жарко! Вспотел,

хоша рубашку скинь да и только, отоприте ради-Христа дверь, да дайте полотенце — утереться». — «Кому итить таперя в байню, не знаю я, — говорит тетка Лукерья. — «Оксюшка, сбегай-ко, да клинь под окном Стеху, скажи ей, пускай она иде в байню да моется, а мы с тобой, Оксюшка, опосля пойдем напимшись чаю; чай, пару да воды много в байни, хватит на всех хрещоных. Сенька пастух не велик барин и в сумерки помоеется, Сенька нерано с скотиной пригонится из поля.» — «Што-жо, дядя Прокофей, ты давеча хотел сказать про новоявленных отроков Ивана да Якова, расскажитко мне теперя, кто были эвти отроки Иван да Яков?» — «Коли хош, оче Иёна, послушать, расскажу, слухай: «Покойный наш священник отечь Иван, дай ему Господь царсво небесно да рай пресветлой, говорил про менюшских отроков во евтаким манером: «В Менюши, говорил отечь Иван, жило двое благочестивых людей, муж да жена. Бог даровал им два детища, Ивана да Якова. Ковды Иван-то да Яков-то были ешшо отроки небольшойки, можно стать по семому, аль восьмому годку, ихней отечь-то колол на дворе барана. Иван да Яков эвто все видели, заколол отечь ихний барана, и с женой потом опосля на работу на поле. Отроки остались в избы одны одиныхоньки; Иван набольшой говорит меньшому Якову: «дай я тя заколю, как татка утрось колол барана», взял да ножиком и зарезал Якова. Опосля эвтово стал будить Якова, будил, будил — не стает Яков-то! Иван испугался да и залез в печку за дрова. Пришла ночь, стемнилось, приходят из поля отечь и мать: ах! ах! ах! чудо диво, да и только! Яков лежит на полу,

Поозёры. Лодочный мастер И.С. Абакумов
с семьёй, крестьяне д. Сергово.
Фото около 1917 г. НГМ КП 37883/47

как баран, в крови, а Ивана обыскали в избы, на сарае, на дворе, по всей деревни, не нашли; нет нигде Ивана; повыли, поголосили, поплакали — и легли спать. Проспали ночь, поутру жена затопила печку, дрова в печки проуглились, глядь она в печку, — ано андель Божий, видит она тамочку в печки свое детищо: Иван сидит в печки в заду и ножик держит в ручки, а сам как есть невредим, цел-целехонек. Опосля свезли они своих детищей на погос и похоронили их тамо. Проходит опосля времечку десятков во семь аль больше лет прошло, тамо есь от Менюши недалечко озеро, вот Бог дас

Свв. Иоанн и Иаков Менюшские.
Икона. XIX в. НГМ КП 43392 ДРЖ-1355

пойдете с Оксюткой на Менюш, так увидите евто озерко. Охотник по весне на озерке стрелял уток и увидал охотник, што на озерке плавают два гробика. Охотник увидал евто и давай бресть к гробикам евтим, поглядеть хоче, на гробки, он к гробкам евто иде, а гробки от него прочь да прочь, не даются, плывут по воды, вестимо недостоин был божией благодати! Видит охотник, делать неча, пошел на погос и объявил причту церковному о дивном чудеси. Тут священник оповестил православной народ, подняли из церкви образы да харувимы, пошли на озерко, стали творить молебствия и гробики самы дались им в руки, принесли гробики на погос и поставили их в божьем храме. Поддесятка лет тому сподобил нас Бог с своей женкой сходить на Менюши, отслужили мы тамо молебен Отрокам Господним».

Продолжение следует

В публикации сохранена орфография и пунктуация автора.

Словарь терминов и выражений

- а от телева* — оттуда (*ред.*)
- анхирей* — архиерей (*ред.*)
- байня, баенка* — баня (*Новгородский областной словарь — НОС*)
- берегова* (берёгова) — угощение (*НОС*)
- в болести* — в болезни (*Даль*)
- выташу пол* (выпахать) — удалить сор веником, метлой, вымести (*НОС*)
- граматинка* (грамотинка) — официальная бумага/документ (*ред.*)
- губерско* — в данном случае новгородское губернское правление (*ред.*)
- дать збуду* (дать взбуду) — высечь (*Даль*)
- завиталась* (или витать) — пребывать где-либо, найти приют (*Даль*)

- карько* (карий) — о лошадях (масть) (*Даль*)
конзасория — в данном случае новгородская духовная консистория (*ред.*)
косушечка (косушка) — полбутылки водки (*Ушаков*)
красуля (красовуля, красоуля) — монастырская чаша, стопа, большая кружка (*Даль*)
кромзуля (кромуля) — горбушка хлеба (*Даль*)
крылошане — поющие на клиросе или церковнослужители (*Даль*)
мараковать (мороковать) — понимать (*НОС*)
матынька — мать (*ред.*)
мунах — монах (*ред.*)
обабить — женить (*Даль*)
ономнясь (ономясь) — недавно (*НОС*)
оче — отче, отец (*ред.*)
порсок — место у русской печи, куда загребают горячие угли (*НОС*)
проскурня (просвирня) — женщина в церковном приходе, пекущая просфоры (просвиры) (*Даль*)
проуглились — прогорели (*ред.*)
пятьалтынничек — монета или сумма в 15 копеек (*Ушаков*)
рожонка (рожёнка, рождёнка) — женщина после родов (*НОС*)
с хрёста мошны — кошель, мешочек денежный (*Даль*)
стемнилось (от стемниться) — о наступлении вечерней темноты (*НОС*)
стрикулятник (стрикулист, стрекулист) — мелкий чиновник (*Ушаков*)
теплинка (ум.-ласк. от теплина) — огонь или охалка дров, *теплить* — жечь, топить, нагревать (*НОС*)
турусы — пустая болтовня, вздорное враньё; нести турусы на колёсах — молоть чепуху (*Даль*)
хрепось — в данном случае новгородский кремль (детинец) (*ред.*)

Публикацию подготовили Э.Н. Белоножка и Т.А. Данько

Торжественные мероприятия в честь 280-летия со дня рождения первого министра юстиции Российской империи Гавриила Романовича Державина в 2023 году проходят по всей России, в том числе и на Новгородской земле, с которой была тесно связана судьба этого выдающегося человека.

Дорогое для Державина имение Званка в Новгородской губернии — это место силы великого поэта и государственного деятеля. Здесь он с 1803 года проводил летнее время после выхода в отставку. Здесь же после смерти поэта и в память о нём был обустроен по завещанию его жены Дарьи Алексеевны Званский Знаменский монастырь и епархиальное женское училище, получившее название Державинское.

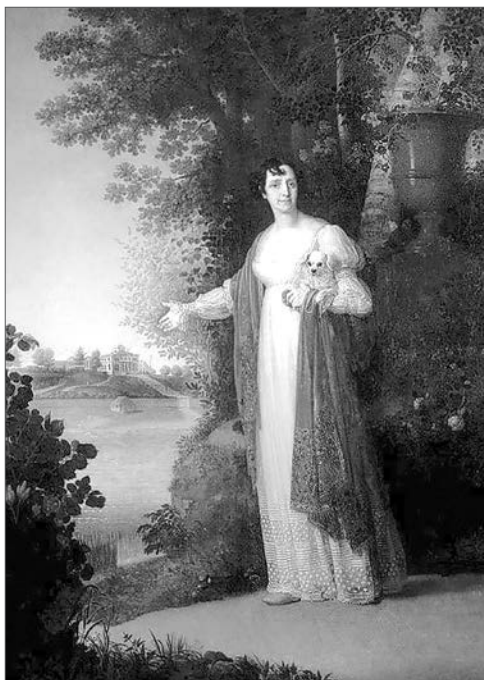
О монастыре и училище идёт речь в статье из журнала «Новгородские епархиальные ведомости», опубликованной в 1894 году. Автор её — священник Александр Николаевич Ваучский (1871—1938), краевед, участник XV Археологического съезда в Новгороде (1911), автор многочисленных публикаций по истории Новгородской земли и Церкви.

Александр Ваучский

**ОЧЕРК ЗНАМЕНСКОГО, ЗВАНСКОГО
ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
И ДЕРЖАВИНСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО
ЖЕНСКОГО ПРИ НЁМ УЧИЛИЩА¹**

Знаменский, Званский женский монастырь в сравнении с другими обителями имеет ту особенную черту, что он возник не так, как другие монастыри. Большая часть наших монастырей основана на месте подвигов св. угодников Божиих или на месте совершения какого-нибудь чудесного события, а Званский монастырь возник на месте бывшего поместья знаменитого поэта конца прошлого и начала настоящего столетия, действит[ельного] тайного советника Гавриила Романовича Державина. На этом холме, где в настоящее время стоит монастырь, лет шесть-десять тому назад было расположено богатое имение Державина, по имени «Званка» или «Знаменское». Званка Новгородского уезда, Грузинского повета (по прежней номенклатуре), находится на левом берегу Волхова в 5-ти верстах от Волховской станции Ник[олаевской] ж[елезной] д[ороги], в 120 верстах от Петербурга и 65 верстах от Новгорода. Это имение было куплено второй женой Державина — Дарьей Алексеевной, урожденной Дьяковой, вскоре после замужества (1795 г.) у матери ее Дьяковой. С этого

Боровиковский В.А.
Портрет Д.А. Державиной. 1813 г.
Государственная Третьяковская галерея

времени Державин стал проводить здесь каждое лето: он любил в Званке отдыхать от своих трудов и «беседовать с своею лирой». Из произведений его видно, что

¹ Источниками при составлении служили: копии с указов св. Синода и переписки по делу о Знаменском монастыре и отчасти сочинения Г.Р. Державина.

Церковь Воскресения. 1821 г. Фото 1-й трети XX в.
Государственный научно-исследовательский музей
архитектуры имени А.В. Щусева

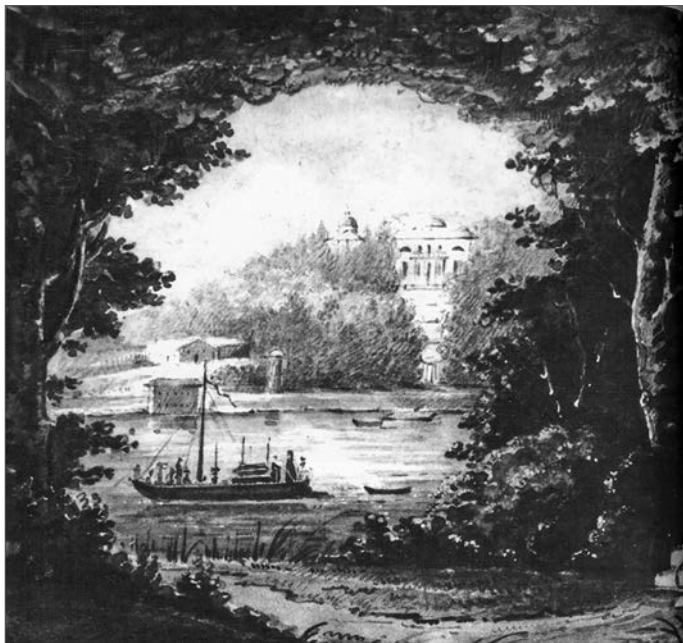
почти половина его стихотворений написана им в Званке. Его поэтическому одушевлению и вдохновению, конечно, не мало способствовала богатая природа Званки. Берега Волхова, вообще, низки и ровны, но на месте Званки земля поднимается довольно круто длинным овальным холмом. Посредине его возвышалась усадьба; фасад ее, обращенный к реке, был украшен балконом на столбах и каменной лестницей, пред которой был фонтан; снизу по уступам холма устроен был покатный гранитный вход. Около дома находился роскошный сад, огромный пруд с перекинутым чрез него каменным мостом. В саду был холм или курган (он сохранился и до настоящего

времени), на котором любил сидеть Державин и с которого открывается восхитительный вид на реку и окружающий Званку лес². На Званке были две небольшие фабрики: суконная и ковровая. Вообще, в Званке в то время кипела жизнь веселая и шумная со всеми удовольствиями, какие доставляли себе богатые помещики того времени: с охотой, музыкой, домашними театрами; по праздникам палили из пушек. Державину принадлежали три деревни, составляю-

щие в настоящее время приход Званско-Воскресенский: Залозье, Дымно и Антушево. По отношению к своим крепостным крестьянам Державин был добр и милостив. Из рассказов старожиллов известно, что он много помогал им: кому построит избу, кому даст корову или лошадь и т. п. Державин, не имея своих детей, очень любил вообще детей. Он вставал обыкновенно в шесть часов утра, выходил на террасу и здесь его ежедневно ожидала уже толпа детей из соседних деревень в человек тридцать и даже более. Он спрашивал их молитвы, рассказывал им что-нибудь из Священной Истории и в конце всего наделял ребят гостинцами. В народе и до сих пор сохранилась

² Об этом холме Державин в своих сочинениях: «Званская жизнь» и «Новгородский волхв Злогор» говорит, что, по преданию, которое есть и у Карамзина, под ним погребен вождь или «волхв», от имени которого и сама река получила свое название — Волхов. (сочин. Держ. том III. стр. 137).

об нем и его жене добрая намять. Державин при жизни своей заготовил материал для постройки храма в своем имении во имя «Обновления храма Воскресения Христова», который и был построен уже по смерти его (ум. 9-го июля 1816 г.) супругою его Дарией Алексеевной в 1819 г., вследствие этого он и не мог быть похоронен в Званке (Державины похоронены в Хутынском монастыре). Храм этот, сохранившийся в первоначальном виде до настоящего времени, отличается изящною архитектурою и художественною живописью³. Но со смертью

Похороны Д.А. Державиной.
Из кн. От Фонтанки до Званки. Чудово, 2009

Державиных все это имение разрушилось, даже ранее, чем предполагал сам поэт, предсказывая это разрушение дорогой для него Званки в своем стихотворении, посвящённом высокопреосвященному Евгению Болховитинову, (который в 1804 году был назначен Викарием Новгородским); последний, живя в Хутынском монастыре поблизости с Званкой, сошелся с Державиным и нередко посещал Званку. Владыка очень любил слушать пальбу из пушек и наслаждаться эхом, производимым выстрелами. Званское эхо в своих сочинениях он называл «бессмертным» и сравнивал с ним славу Державина. В настоящее время это эхо

уже не так громко, как было прежде; лес, окружавший Званку, вырублен, жизнь в ней сделалась скромною и бесшумною; но все же имя Званки не забыто; оно вместе с бессмертной славой поэта известно всякому образованному человеку. Кроме того, место это освятилось еще сооружением святой обители и рассадника просвещения для юных девиц духовного звания.

Желая обессмертить добрым и полезным делом память своего покойного мужа, любившего отдыхать от своих служебных занятий, за беседу с своею лирой, именно в Званке, где он и скончался, супруга Державина — Дария Алексеевна

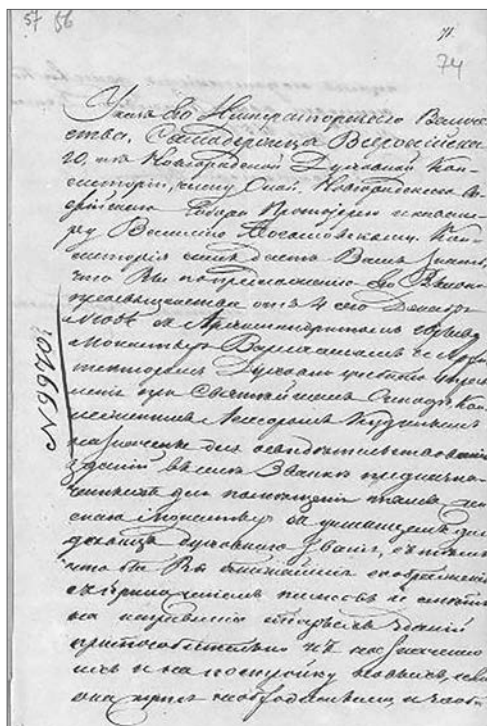
³ Особенно хороша икона, изображающая Воскресение Христово.

в своем духовном завещании, составленном в 1839 году, выразила желание устроить в этом своем имении женскую обитель и училище для девиц духовного звания. На устройство обители и училища она завещала свою господскую усадьбу со всеми строениями и принадлежащими к ней запашками, угожьями, сенокосами и 150 000 руб. ассигнациями. Но воле завещательницы, скончавшейся в 1872 г., не скоро суждено было осуществиться: прошло около тридцати лет до времени официального открытия монастыря и училища. В это время шла все переписка между душеприказчиками (д. т. с. Бороздин и два брата Львовы) и родственниками Державиной, а также с высокопреосвященнейшим митрополитом Григорием, относительно выполнения воли умершей завещательницы. Было несколько проектов относительно исполнения воли г-жи Державиной: предполагалось имение продать и вырученную от продажи сумму распределить по Новгородским монастырям; был и еще проект: мужской Деревяницкий монастырь обратить в женский, а братию перевести в Отенский монастырь; капитал Отенского монастыря вместе с капиталом Державинским употребить на перестройку зданий Деревяницкого монастыря для училища и на содержание училища. Но с этими проектами не могли согласиться оставшиеся в живых родственники г-жи Державиной, которые заботились о точном и буквальном выполнении воли покойной. Дело же, глав-

ным образом, заключалось в том, что завещанных Державиной средств для устройства обители и училища при ней оказалось далеко не достаточно. Этой суммы едва было достаточно для устройства зданий для монашествующих и учащихся; на содержание же монахинь, училища и необходимого для училища штата учителей никаких средств и источников не имелось. Между тем, имение приходило в упадок и разрушалось, так что уже в 1863 году на месте бывшего богатого барского дома и других служб остались лишь только груды развалин. Остались также церковь, часовня деревянная, очень уж ветхая во имя Знамения Божией Матери⁴ и дом, в котором жили священно-церковно-служители. Причины такого быстрого разрушения имения зависели, главным образом, от небрежного и иногда недобросовестного наблюдения членов опекунского совета, вначале гражданского, а потом и духовного⁵. Таким образом, при открытии монастыря приходилось строить все заново. Что же касается земли, то она оказалась не совсем доброкачественной и большая часть ее состояла под мелким лесом или представляла из себя болото. Рассчитывать на доход с богомольцев монастырь тоже не мог, вследствие своего положения в глухом месте, удаленном от города и других более или менее населённых пунктов, а также и из-за не всегда удобных путей сообщения. В силу-то таких ограниченных средств и недостатка фондов, упрочивающих учреждение обители

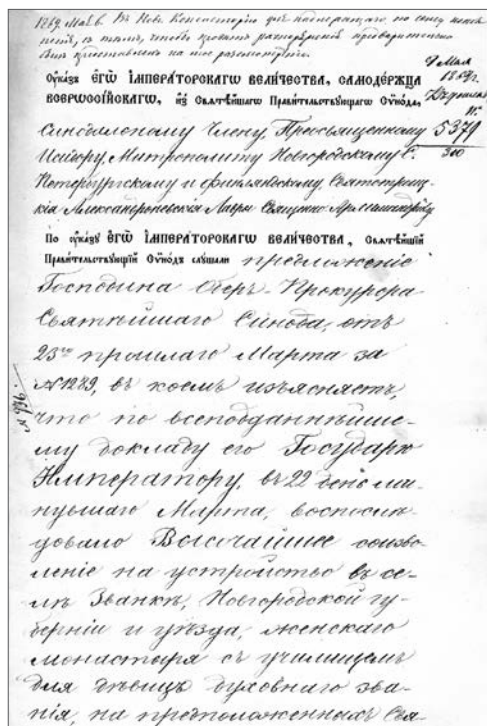
⁴ Знаменская икона Божией Матери особенно чтилась в роде Державных, но икона эта по смерти Державиных была увезена из Званки и неизвестно, где находится.

⁵ Причины разруш[ений] ук[азаны] в совр[еменная] лет[опись] (газета «Современная летопись» — ред.). 1863 г. № 33. «Званка и могила Державина».

Указ Новгородской духовной консистории протоиерею Софийского собора Василию Богословскому об освидетельствовании зданий в с. Званка, предназначенных для устройства женского монастыря с училищем для девиц духовного звания. 09.12.1857 г. НГМ КП 25982/1852 Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 41

и училища, а также и по некоторым другим неблагоприятным условиям долгое время и не открывались ни монастырь, ни училище. Только уж спустя 27 лет со смерти Державиной, состоялось официальное открытие второклассной женской обители и училища для девиц духовного звания, наименованного в память покойного поэта — Державинским. В 1867 году по указу покойного высокопреосвященнейшего митрополита Исидора вызваны

Указ Святейшего Синода от 12.04.1869 г. ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3273. Л. 43. Из кн.: Новгородская земля: уникальные и особо ценные документы в фондах Государственного архива Новгородской области. Великий Новгород, 2021

были из Тверского Христо-Рождественского монастыря две монахини: Поликсения и София; первая чтобы быть настоятельницей и начальницей монастыря и училища, имеющих открыться, а вторая — казначеей монастыря. Для монашествующих и для предполагаемого училища построен был небольшой каменный корпус, составляющий средина настоящего училищного корпуса, и к нему из остатков служб Державинских были присоединены по бокам две пристройки. Помещение было тесное

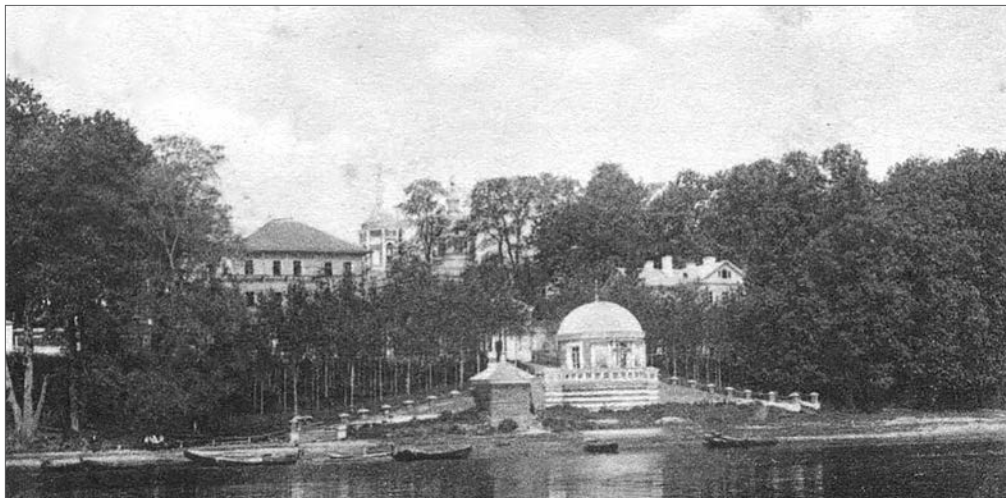
Проект к смете на перестройку левого фасада Державинского корпуса, занимаемого духовным училищем при Званском Знаменском женском монастыре. 1886 г. Фрагмент.

ГАНУ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 457. Л. 1. Из кн.: Новгородская земля: уникальные и особо ценные документы в фондах Государственного архива Новгородской области. Великий Новгород, 2021

и неудобное. Никаких служб и помещений для скота не было, так что некуда было даже поставить единственной коровы. При таких-то грустных обстоятельствах и должна была начаться жизнь обители. 12 Апреля 1869 года последовал указ Св. Синода: «об открытии в селе Званке женского монастыря, под именем Знаменского, с 10 монахинями и с составом причта из священника, диакона и причетника, и об открытии при сем монастыре училища для 30 бедных девиц духовного звания с наименованием его Державинским, с тем, чтобы монастырь содержался доходами с имения, а училище — процентами с завещанного вдовою действ. тайного советника Гавриила Державина капитала»⁶. 31 Августа 1869 года

в присутствии преосвященнейшего Феофаста, бывшего епископа Старорусского и викария Новгородского, состоялось официальное и торжественное открытие монастыря и училища. Монашествовавших сестер, явившихся из разных мест, было около 30 человек, из коих 2 были монахини, а остальные послушницы и просто живущие на испытании. На первый курс в училище принято было 12 воспитанниц. Сестры обители и воспитанницы помещались в одном здании. В училище занимались преподаванием наук, как и в настоящее время, члены причта. Курс был шести-летний: 3 класса с двумя отделениями в каждом. Программа предметов, которые проходились здесь, была та-же самая, что и в епархи-

⁶ Копия с указа св. Синода от 12 апреля 1869 г. за № 936.

«Званка». Женский монастырь (Бывш. имение Г.Р. Державина) на Волхове.
Открытка. 1903 г.

альных женских училищах, но только это училище до своего преобразования носило характер частного учебного заведения: кончившие курс не получали никаких прав. Оно на первых порах своего существования было заведением, в котором могли обучаться исключительно только девочки духовного звания, согласно с мыслию завещания; но с течением времени училище утратило свой сословный характер и в него был открыт вход и для девочек других сословий, равно как и для своекоштных воспитанниц духовного звания, вследствие чего и число воспитанниц значительно увеличилось свыше казенных 30 вакансий. В 1883 г. Державинское училище было преобразовано в епархиальное училище, при чем первые три класса оставлены в Званке, а старшие три перенесены в Деревяницы. В настоящем 1894 году 31 Августа исполнилось двадцать пять (25) лет

со времени существования училища. За все это время училище, несмотря на многие неблагоприятные обстоятельства, стояло на высоте своего назначения и из стен своих выпустило немало добрых и честных матерей и скромных тружениц на трудном поприще народного образования. Так-же точно и монастырь в 25-летний период приведен был в благоустроенное состояние, благодаря заботам и усердию, как покойной умной и энергичной игуменьи Поликсении (ум. 1877 г.), так и настоящей игуменьи Софии, которая действует в духе своей предшественницы. Очень много также принес пользы Званке покойный высокопреосвященнейший митрополит Исидор, который любил Званку, нередко посещал ее и очень много жертвовал на различного рода постройки и другие нужды. Так что монастырь за этот период сделался почти неузнаваем: построены были

службы, разведены сады и цветники, в 1880 г. построен полукаменный трехэтажный корпус для сестёр монастыря; вновь перестроены старые пристройки, бывшие по бокам главного корпуса, в котором помещается училище; сделан водопровод и много других построек и сооружений. В 1886 году, с благословения высокопреосвященнейшего митрополита Исидора, сооружен другой новый великолепный и большой храм с тремя приделами: главный во имя Знамения Божией Матери; второй во имя св. великомученика Пантелеймона и третий во имя преподобного Исидора Пелусиота. В иконостасе этого храма находятся две замечательные иконы, перенесенные из первого (Державинского) храма: одна в честь Пресвятой Богородицы Скоропослушницы в серебряной позолоченной ризе, а другая икона св. великомученика и целителя Пантелеймона в такой же

ризе. Первую икону пожертвовал в 1869 году иеромонах Афонского Пантелеймонова монастыря Малахия в благословение вновь открывшийся обители; икона же св. страстотерпца и целителя Пантелеймона пожертвована в 1879 году С.-Петербургским 1 гильдии купцом Ефремом Сивохиным. Эта икона замечательна тем, что в ризе ее находится ковчежец с частицей мощей св. великомученика Пантелеймона, присланной из Афонского Пантелеймонова монастыря, по просьбе игуменьи Софии⁷. Обе эти иконы почитаются чудотворными, и привлекают, часто из отдаленных мест, немало богомольцев и больных разными недугами. И нередко бывает, что притекающие с верою, по молитве Св. Богородицы и св. угодника Божия — великомученика Пантелеймона, получают облегчение и исцеление от своих болезней.

⁷ Подлинность св мощей утверждена свидетельством Русского на Афонской горе св. великомуч. и целителя Пантелеймона монастыря.

*В публикации сохранена орфография и пунктуация автора.
Публикацию подготовили Э.Н. Белоножка и Т.А. Данько*

Людмила Секретарь

ИСТОРИЯ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА В ДЕРЕВНЕ БУРЕГИ СТАРОРУССКОГО РАЙОНА

Населённый пункт Буреге расположен на южном побережье озера Ильмень. Церковь Воскресения Христа и высокая колокольня хорошо видны издалека со стороны шоссе, ведущего в Старую Руссу. Церковь Николая Чудотворца скрыта зарослями кустарников. Разрушающийся на глазах храмовый комплекс — живой укор нам, людям XXI века, не ценящим и не умеющим сохранить оставленное нашими предками культурное наследие.

Южное возвышенное побережье озера Ильмень называется «ильменский глинт». Каменистое плато с выходами на поверхность желтоватого слоистого

камня — бурегской плиты — прорезает извилистая река Псижа. В том месте, где она, готовясь отдать свои воды Ильмень-озеру, делает крутую петлю, с древнейших времён существует поселение, известное по летописным сообщениям и писцовым книгам, начиная

Фото Е.Н. Ларина. 2020 г.

Ильменский глинт. Фото Е.Н. Ларина. 2020 г.

с XV века¹. В настоящее время в этой уникальной природной среде устроены карьеры и идёт промышленная разработка бургеской плиты. Она используется на строительстве дорог. В XIX веке этот камень применяли для возведения хозяйственных построек. Использован он при сооружении Воскресенской церкви — из него выложена цокольная часть храма и столбов, на которые опираются своды.

Впервые в летописи Бурегу упоминаются в связи со строительством здесь каменной церкви в честь св. Николая Чудотворца: «Того же лета [1432 года — Л. Секретарь] Борковце со веришиша церковь камену святыи Георгеи, а другая святыи Никола за озером в Бурягах»².

Следующее по времени сообщение о церкви св. Николая Чудотворца в Бурягах находим в Писцовой книге Шелонской пятины за 1524 год. Церковь названа «Великий Никола»³. В Писцо-

вой книге 1551 года содержится и новая информация: «На погосте церковь Великий Никола чудотворец да тёплая церковь Христова мученица Екатерина, стоят на цареви и великого князя земле»⁴.

Таким образом, между 1524 и 1551 годом рядом с каменной появляется ещё одна церковь. Она была, скорее всего, деревянной. В Писцовой книге переписчика Фёдора Маврина 1629 года содержится следующее

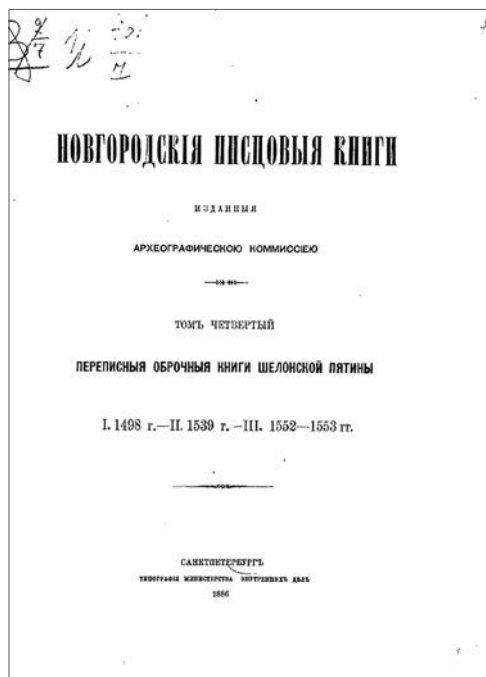
сообщение: «На погосте церковь Никола Чудотворца каменна да на погосте ж придел Федор Стратилат...» и далее «да на погосте была тёплая церковь святая Христова мученица Катерина и та церковь гнила и обвалилась...»⁵. Церковное имущество, как сообщается в писцовой книге, «поимали немецкие люди». Это случилось при захвате новгородских земель войсками Стефана Батория в 1580-е годы, а затем шведами в начале XVIII века. Часть икон из Екатерининской церкви переместили в Никольскую. В Писцовой книге содержится подробное описание внутреннего убранства Никольского храма. Полностью сохранился прекрасный четырёхъярусный иконостас с украшенными росписью царскими вратами и сенью. В местном ряду иконостаса упоминаются образы новгородских чудотворцев: архиепископа Иоанна, епископа Никиты, прп. Антония Римлянина, прп. Александра

Свирского, а также святой великомученицы Параскевы, Василия Блаженного и Богородицы Одигитрии «в деянии», т.е. с циклом жития. Над местным рядом находился Деисусный чин с образом Спасителя в центре и святыми в рост, выше — десять икон с изображением церковных праздников. Четвёртый ярус составляли иконы с изображением пророков. Царские врата и все иконы, кроме верхнего пророческого ряда, были «писаны на золоте», т.е. с использованием сусального или творёного золота. Образы пророков были «писаны на красках», что, возможно, свидетельствует о более позднем его происхождении.

В этом документе перечислены также книги, церковная утварь, колокола. Подробно зафиксированы владельцы, а также количество принадлежавших им земель и крестьянских дворов⁶.

Интересный документ, касающийся дельнейшей судьбы древнего Никольского храма, уцелевшего после иноземного нашествия в конце XVI — начале XVII века, хранится в Государственном архиве Новгородской области. Это донесение священноцерковнослужителей церковью Бурегского погоста, датированное 1772 годом. В донесении сообщается, что «в этом погосте написана была церковь каменная во имя Николая Чудотворца, которая в прошлом 1720 году обвалилась и с того же числа и доныне стоит впусе»⁷.

В «Церковных ведомостях» XVIII — начала XX веков и «Историко-статистическом описании церковей Старорусского, Устюженского и Череповецкого уездов» 1850-х годов датой строительства новой церкви называется 1736 год⁸.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией.
Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины : I. 1498 г., II. 1539 г., III. 1552–1553 гг. СПб., 1886.
Российская государственная библиотека

Визуальное обследование позволяет высказать следующие предварительные замечания относительно сохранившегося храма 1736 года. Он построен на месте церкви 1432 года, которая была сложена, как и другие новгородские постройки XIV—XV веков, из ракушечника и кирпича. Ракушечник добывали в соседней Коростынской волости. Первоначальная кладка из ракушечника частично сохранилась в нижних частях стен и столбов внутри здания. Использован ракушечник вторично при перекладке стен. Наружная облицовка полностью выполнена из

кирпича. Сохранилась ли при перестройке плановое решение церкви XV века, остаётся неизвестным. Сохранившаяся постройка 1736 года — прямоугольная в плане с четырьмя столбами, на которые опирались своды, и полукруглой апсидой. Подобный план характерен для памятников новгородской архитектуры XIV—XV веков.

Можно предполагать, что и древняя церковь представляла собой, как и другие новгородские храмы XIV—XV века,

Буреги. Храмовый комплекс.
Вид с юго-запада. Фото 1970-х гг.

четырёхстолпную кубическую постройку с одной полукруглой алтарной апсидой, завершённую одной главой. При повторении планового решения архитектурный облик церкви 1736 года не имеет ничего общего с памятниками новгородской самостоятельности. Вероятно, храм перестраивался в XIX — начале XX века. Результатом поздних перестроек, предположительно, являются большие прямоугольные окна и четы-

рёхскатная кровля с маленькой глухой главкой, к настоящему времени полностью утраченная, но ещё сохранявшаяся в 1970-е годы⁹.

В 1912 году Новгородская духовная консистория обратилась в Императорскую Археологическую комиссию с просьбой «*произвести некоторые изменения в иконостасе церкви*» и прислала три фотографии иконостасов главного храма и двух его приделов: в честь Иоанна Златоуста и св. Варвары. В иконостасе главного храма в этот период уже были не расписные, а резные царские врата, исполненные в стиле барокко¹⁰.

В упомянутом документе 1722 года содержится ещё одно важное сообщение о том, что при патриархе Адриане в 1692 году в Бурегском погосте была построена вторая церковь Воскресения Христова, в которой и осуществлялись службы, т.к. Никольская церковь в 1720 году обрушилась¹¹.

Каким был выстроенный в 1692 году храм — каменным или деревянным — в документе не сообщается. На основании донесения 1722 года и учитывая архаичность архитектурного облика сохранившегося здания, авторы исторической справки искусствоведы Новгородской специальной научно-реставрационной производственной мастерской Л. Сысова и С. Сивак предположительно датировали его 1642 годом¹².

Данной датировке противоречит другой документ из архива Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН)¹³. Это «Ведомость о имеющихся в Коростынской волости церквях и при них о священниках и причетниках и что у которой церкви по писцовым книгам помесной земли», составленная в 1758 году. В Бурегском погосте упоминаются две каменные церкви: Святителя чудотворца Николая — «старинная в коей ныне происходят служения», и Воскресения Христова с двумя приделами — великомученицы Екатерины и великомученицы Параскевы Пятницы, которая «в нову строится и в совершенство ещё не приведена». То, что Никольская церковь названа «старинной», является дополнительным аргументом в пользу того, что при реконструкции была сохранена плановая основа древней постройки.

Фраза о том, что Воскресенская церковь «в нову строится», не оставляет сомнений в отнесении даты её возведения к середине XVIII века. В Церковных ведомостях XIX — начала XX веков датой строительства назван 1764 год¹⁴. Это вероятная дата освящения храма после завершения строительства и оформления внутреннего убранства.

Известно, что храм сооружался на средства прихожан. В 1827 году церковь была переведена из епархиального ведомства в военное в связи с устройством военных поселений и находилась в нём до упразднения поселений в 1857 году¹⁵.

Чем объяснить архаичный для середины XVIII века облик храма, решённый в традициях древнерусской архитектуры XVII века? Это особенно заметно в срав-

Бурег. Воскресенский собор XVIII в.
Фрагмент северного фасада.
Фото В.П. Морсова. 1982 г.

нении с построенной ранее, в 1720-х годах, в традициях западноевропейской архитектуры Успенской церкви в Коростыни неподалёку от Бурег. Вкусами ли заказчика или полной свободой мастеров, возводивших церковь и оставшихся в плену традиций XVII века? И кто были эти мастера?

В первой половине XVIII века строительство в России осуществлялось как по проектным чертежам, которые разрабатывались главным образом зодчими Москвы и Петербурга, так и в соответствии с подрядным договором, заключённым с артелью мастеров-строителей. В договоре обычно оговаривались размеры, тип постройки и другие архитектурные

особенности. Мог выбираться образец, которому должны были следовать строители.

В Новгороде первый губернский архитектор появился только в 1770-е годы. В первой половине — середине XVIII века планировкой улиц и проектированием отдельных зданий занимались зодчие Москвы (Алексей Расловлев, Пётр Обу-

зовому ведомству и возможностью приглашать ведущих мастеров. Но при сравнении проектного чертежа Киавери и сохранившейся церкви оказывается, что при осуществлении строительства был принят другой проект, скорее всего, также представленный этим же архитектором. Наблюдение за возведением церкви осуществлял петербургский зодчий Д. Елчанинов.

Воскресенский же собор в Бурегах, напротив, являет собой образец работы провинциальных мастеров, мало знакомых со столичной архитектурой и возводивших привычные для них постройки, тесно связанные с традициями предшествующего столетия. Так как в Новгороде в XVII веке не сложилось собственной архитектурной школы и остро не доставало каменщиков, строительство в этот период и позднее осуществлялось главным образом пришлыми мастерами из Поволжья, где в XVII—

Буреги. Воскресенский собор XVIII в.
Фрагмент интерьера. Фото В.П. Морсова. 1982 г.

XVIII веках наблюдался расцвет каменного зодчества.

Известно, что в середине XVIII века здание библиотеки в Антониевом монастыре и колокольню в Хутынском монастыре возводила артель мастеров во главе с крестьянином Григорием Беляевым — жителем деревни Чеснова Ярославской провинции¹⁸. Строитель-

хов — ученик Д.В. Ухтомского, Де Бри-ни) и Петербурга (Григорий Охлопков, Николай Васильев, Павел Шпекле, Иван Филиппов)¹⁶.

В проектировании Успенской церкви в соседнем селе Коростыни участвовал известный архитектор из Италии Гаэтано Киавери¹⁷. Этот факт объясняется принадлежностью села и храма двор-

ство осуществлялось этими артелями по проектным чертежам, и поэтому в них не отразились близкие им традиции каменного зодчества Поволжья. В 1760-е годы артель каменщиков из Поволжья занималась строительством церкви Фёдора и Александра Невского с настоятельским и трапезным корпусами также по проекту московского или петербургского архитектора¹⁹.

Поиски аналогий Воскресенской церкви привели к памятникам Поволжья и, в частности, Ярославской провинции. К сожалению, провинциальная архитектура этого обширного региона ещё мало изучена. Мощный подъём строительной деятельности, развернувшийся в Поволжье в XVII веке, привёл к формированию местных архитектурных традиций и появлению большого числа артелей мастеров каменщиков, главным образом из крестьянского населения. Эти традиции оказа-

лись настолько устойчивыми, что сохранились в течение XVIII века²⁰. В этот период появилось много своеобразных и интересных построек, в которых архитектурные новации причудливо переплетались с традициями XVII века.

Представляется, что к такого типа постройкам, возведённым артелью пришедших мастеров из Поволжья, которая перенесла свои местные традиции на новгородскую почву, можно отнести

Воскресенский храм в Бурегах. Он хорошо сохранил первоначальные архитектурные формы.

Четырёхстолпный, прямоугольный в плане храм без подклета с тремя полукруглыми алтарными выступами решён по типу масштабных соборов XVII века, полюбившихся мастерам Поволжья. В Новгороде к этому типу отно-

Буреги. Воскресенский собор XVIII в.
Фото В.П. Морсова. 1982 г.

сится Знаменский собор, построенный в 1680-е годы в традициях архитектуры Поволжья. Композицию Воскресенской церкви завершает глава на восьмериковом барабане. Он слишком мал, в сравнении с основным объёмом, чтобы создать композицию типа «восьмерик на четвериковом основании» и в то же время несоизмерен для подобного одноглавого завершения церкви. Возможно, по сторонам от него первоначально были устроены глухие барабаны с главками,

Воскресенский собор. Фото Е.Н. Ларина. 2020 г.

которые создавал пятиглавое венчание, характерное для храмов XVII века.

Карнизная часть основного объёма, выложенная из кирпича, появилась в результате одной из перестроек, о чём свидетельствуют перерезанные поздней кладкой наличники небольших окон верхнего света.

В середине XIX века на месте кирпичного карниза существовал деревянный (досчатый), также не первоначальный²¹.

Для ярославских культовых построек характерно устройство сложного двойного карниза с рядом ложных кокошников над горизонтальной тягой. Возможно, такой карниз существовал и в Воскресенской церкви.

Для внутреннего перекрытия использована система полулотковых сводов, опирающихся на перекинутые между столбами и стенами арки. Замечательно декоративное убранство фасадов. Особую нарядность им придают наличники. Большие световые проёмы с трёхцентро-

вой формой завершения, распложенные в два яруса, заключены в прямоугольные ниши. Их обрамляют полуколонки, украшенные двойными балясинами. На полуколонки опираются высоко поднятые двойные кокошники без килевидного подвышения с декоративной башенкой в центре. Простенки внутри кокошников декорированы фризом из кирпичных балясин. Аналогичную форму ко-

кошников имеют наличники церкви Иоакима и Анны в селе Лучинское бывшей Ярославской провинции, выстроенной в 1736 году²². На широких лопатках, акцентирующих углы здания, по вертикали и на фасадах в простенках между окнами размещены декоративные многоуступчатые нишки. Вместе с наличниками они придают архитектурному облику храма своеобразие и привлекательность.

С запада в церковь ведёт частично сохранившийся перспективный портал. Южный портал переделан в окно.

При явной архаичности архитектурного облика церкви в нём присутствуют черты, свойственные новому времени, что подтверждает датировку его возведения в середине XVIII века.

Это стремление к симметрии в размещении архитектурных форм и фасадной декорации, устройство больших оконных проёмов с мелкой расстекловкой, хорошо освещающих интерьер, гранёная форма светового барабана, обработка

углов барабана полуколонками, плоский рельеф декоративных наличников.

К северо-западу от Воскресенской церкви расположена колокольня, возведённая в 1736 году²³. На её четвериковом основании поставлен высокий двухъярусный восьмерик с большими проёмами для звоны во втором ярусе, завершённый гранёным куполом.

Первый ярус восьмерика с рустованными углами и проёмами лучковой формы отличается от второго яруса звона, возможно, надстроенного в XIX веке. Обработка рустом («рустиками») появляется в начале XVIII века и характерна для построек 20–40-х годов XVIII века. Ближайшей аналогией Бурегской колокольни является колокольня Деревяницкого монастыря, выстроенная в 1720-е годы.

Таким образом, сохранившийся до настоящего времени ансамбль Бурегского погоста относится к XVIII веку. Он не отличается стилистическим единством и являет собой пример творчества различных строительных артелей, возводивших постройки без единого заранее продуманного творческого замысла.

Реставрационные работы на памятниках начались в начале 1970-х годов под руководством Г.М. Штендера. Тогда были заложены шурфы в обоих храмах с целью исследования фундаментов, сделано накатное перекрытие на Никольской церкви. В 1974 году Штендером было составлено реставрационное задание²⁴. Но работы были приостановлены. Второй этап исследований с составлением проектно-смет-

ной документации по Воскресенскому собору относится к 1986 году. Работы вновь не были завершены. В 1992 году под руководством Т.П. Никольской были выполнены дополнительные обмерные работы и составлен проект реставрации Воскресенского собора. В обмерных работах принимали участие архитекторы С. Евграфова, И. Богуцкая, В. Ястребова, И. Воскобойник. Практическая же реставрация ограничилась завозом дорогостоящих строительных материалов и установкой лесов на барабане. Храмовый комплекс продолжает разрушаться.

Остатки росписи. Фото Е.Н. Ларина. 2020 г.

- ¹ Новгородские писцовые книги. (Далее — НПК). Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886. Т. 4. С. 22–37; Книги Шелонской пятины. СПб., 1905. Т. V. С. 1, 325–326, 399.
- ² Полное собрание русской летописей. Петроград, 1929. Т. IV. Ч. I. С. 607.
- ³ НПК. Книги Шелонской пятины. СПб., 1905. Т. V. С. 399.
- ⁴ Там же. С. 326–327. В писцовых книгах Буреги названы «погостом». В допетровской Руси погостом называли административно-территориальную единицу (сельский податной округ), куда входило несколько населённых пунктов, и центр этого округа. После упразднения древнего административного деления с XVIII века погостом стали называть сельское кладбище с церковью или просто кладбище.
- ⁵ Отдел письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ). Ф. 58. Оп. 1. Д. 1. Л. 128, 129 об.
- ⁶ Там же. Л. 128–130.
- ⁷ Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 81. Л. 46.
- ⁸ Там же. Д. 1314. Л. 11; Д. 2658. Л. 214–217; Д. 3311. Л. 100–100 об.; ОПИ НГОМЗ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 318. Л. 17.
- ⁹ Архив Новгородского научно-реставрационного управления (ННРУ). № 21584/19804.
- ¹⁰ Архив Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН). Ф. 1. Д. 125. Л. 1. Названия приделных храмов упоминаются в церковных ведомостях: ГАО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 331. Л. 100–100 об.; ОПИ НГОМЗ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 391. Л. 139 об.–140.
- ¹¹ ГАО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 81. Л. 46.
- ¹² Архив ННРУ. Р-2897. Л. Сысоева, С. Сивак. Историческая справка.
- ¹³ Архив ИИМК РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 318. Л. 24–24 об.
- ¹⁴ ГАО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2658. Л. 214 об.; Д. 3311. Л. 100; ОПИ НГОМЗ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 318. Л. 17; Д. 391. Л. 136.
- ¹⁵ ОПИ НГОМЗ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 391. Л. 136–140.
- ¹⁶ Секретарь Л.А. К истории строительства и архитектуры Новгорода XVIII в. (1700—1750-е гг.) // Новгородский исторический сборник. Вып. 2 (12). Л., 1894. С. 230–250.
- ¹⁷ История русского искусства / под ред. И. Грабаря. Т. 3. М., 1955. С. 153–154.
- ¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 36. Д. 184. Л. 1–18; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 297. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
- ¹⁹ Секретарь Л.А. Строительная деятельность в Новгородском Юрьевом монастыре XVIII в.) // Ежегодник НГОМЗ. 2001. Великий Новгород, 2003. С. 84.
- ²⁰ Герчук Ю.Я., Домшляк М.И. Художественные памятники верхней Волги. М., 1978. С. 50, 53 (Церкви в Кашине); Борисов Н.С. Окрестности Ярославля. М., 1984. С. 20–21, 48–50, 66–67 (Церкви Воскресенская в селе Левашово 1778 г., Казанская в селе Сеславино 1780 г., Рождества Богородицы в селе Туношна 1781 г., Спаса Преображения в селе Рябница 1791 г.).
- ²¹ ОПИ НГОМЗ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 391. Л. 136–138.
- ²² Борисов Н.С. Окрестности Ярославля... С. 105.
- ²³ ГАО. Оп. 1. Д. 3311. Л. 100 об.
- ²⁴ Тогда же была сделана подробная фотофиксация памятника.

Виктор Смирнов

ПООЗЁРЫ

Поозерьем именуется сравнительно небольшой (двадцать километров в длину и четыре в ширину) участок северо-западного побережья Ильменя, который начинается у Перынского скита и кончается возле устья реки Веряжи.

Работали поозёры, по местному выражению, «досыти». Хозяйство вели старики, скот и кухню обряжала свекровь, её сменяла старшая невестка. Из-за занятости мужчин рыболовством почти вся сельскохозяйственная работа лежала на женских плечах. Девушки занимались

Поскольку именно эти места облюбовали пришедшие сюда первые славянские племена, не будет большим преувеличением сказать, что именно из Поозерья «пошла русская земля».

Поозерье условно можно разделить на две части. Если Ильменское побережье — это край рыбацкий, то на побережье реки Веряжи рыбная ловля была подсобным промыслом, а главным местным занятием считались земледелие, животноводство и ремёсла.

в Новгород подёнщицами, зарабатывая себе приданое. Несмотря на тяжёлый повседневный труд, а возможно, благодаря ему, жили поозёры обычно долго. Столетние здесь не редкость, и работают старики буквально до последнего дня.

Поозёрские деревни тянутся вдоль Ильменя сплошной цепью, когда-то их насчитывалось более сотни, сейчас осталось около сорока. Это Юрьево, Ращеп, Старое Ракомо, Горные Морины, Неронов бор, Козынево, Спас-Пископец, Ильмень,

мужи явились в Ракомо, все они были убиты. Но уже на следующий день Ярослав получил весть о смерти своего отца киевского князя Владимира и гибели братьев. В поле у села Ракомо князь собрал вече, на котором просил у новгородцев прощения и помощи. И новгородцы не только простили князя, но и помогли ему

Моисеевичи, Георгий, Васильевское, Курицко, Еруново, Сергово.

У каждого поозёрского села есть своя интереснейшая история. Например, Старое Ракомо — это едва ли не самая старинная русская деревня. Возникла она в конце первого тысячелетия новой эры и поначалу служила для новгородских князей чем-то вроде летней резиденции. В 1015 году в Ракомо разыгрались события, повлиявшие на весь ход русской истории. В дружине князя Ярослава, тогда ещё не носившего титул Мудрого, состояли варяги-наёмники, которые вели себя агрессивно по отношению к местному населению. Дело кончилось массовым побоищем. Уцелевшие наёмники бежали в Ракомо под защиту князя. Ярослав притворился, что не держит зла на новгородцев, и пригласил их к себе, а когда знатные

завоевать киевский престол в жестоких битвах.

Поозёрское село Троицкое вошло в историю в связи с «Троицким стоянием». Осенью 1477 года Иван III, как пишет летопись, «*пришел под город через Ильмень-озеро по льду и стал у Троицы на Паозерьи*». Московский государь прожил тут больше двух месяцев, дожидаясь, пока костлявая рука голода не задушит вольный Новгород во главе с Марфой-посадницей. В Троице

13 января 1478 года был подписан договор, который стал концом Новгородской вечевой республики.

Деревня Ильмень до недавнего времени носила странное название Самокража или Самоклажа. Согласно легенде, такое название родилось после страшных эпидемий, когда хоронить покойников было уже некому, и, поняв, что их настигла болезнь, люди сколачивали себе гробы, рыли могилы и сами в них укладывались. По мнению учёных-лингвистов, название деревни произошло от имени её владельца Самокрада.

Антропологи выделяют два типа новгородцев. Первый (потомки угро-финнов) — темноволосые, скуластые, невысокого роста. Второй (потомки славян) — светловолосые, голубоглазые, с белой кожей. Этот второй генотип и сегодня часто встречается в деревнях Поозерья.

Характерные особенности новгородского говора, сближающие его с древнерусским языком, также сохранились

в Поозерье лучше, чем в других районах Новгородской земли.

Главная родовая черта поозёрцев — это их укоренённость. Население Великого Новгорода в течение многовековой истории постоянно менялось. Происходила массовая миграция, порой добровольная, но чаще вынужденная. Огромное количество новгородцев поглотил и продолжает поглощать

Санкт-Петербург. В годы Великой Отечественной войны в Новгороде осталось

Уксусов В.М. — крестьянин д. Козынево Новгородского уезда, ватаман (старший) рыболовецкой артели. XX в., вторая половина. НГМ КП 37883/42

Поозёр Утышев Н.П. с товарищами.
1910-е гг. НГМ КП 39010/27

не больше десятка жителей, остальные либо эвакуировались, либо погибли, либо были вывезены оккупантами в Прибалтику. Вместо них приезжали люди из других мест, лишённые генетического родства с древними новгородцами. Спросите у них про семейную генеалогию — в лучшем случае вспомнят деда и бабуку. Иное дело — поозёры. Поколение за поколением упорно цеплялись за эту землю, за дедовские обычаи, берегли свою самобытность.

Ещё одна родовая черта поозёров — консервативность, нелюбовь к переменам. Одно слово — поозёр! — полунасмешливо говаривали городские жители. Действительно, поозёр упрям и своенравен. Но за этим упрямством скрывается сильный самобытный характер, пренебрежение ко всему наносному, случайному, глубокое почитание традиций своего рода и потрясающая жизнестойкость, выработанная многовековой борьбой за существование.

Элизабет Лёфstrand

ПРАВОСЛАВНЫЕ ИКОНЫ В ШВЕЦИИ

Лет десять назад я ездила по южной Швеции в поиске мест, где жили мои предки. В маленькой деревне Стенбрухульт проходило детство моей бабушки, родившейся в 1869 году. В то время Швеция была сугубо лютеранская страна и к другим христианским вероисповеданиям относились отрицательно.

День был солнечным, и мы ехали по дороге к деревенской церкви. Я живо представляла себе, как моя бабушка с родителями, братьями и сёстрами ездила к воскресной службе в запряжённом лошадью экипаже. Я была уверена, что увижу церковь точно такой же, какой она была тогда. Когда я вошла в светлый просторный храм с деревянным голубым потолком, я очень удивилась. На правой стороне был придел, и над маленьким алтарём я заметила Деисус в русском православном стиле. На аналое лежала большая книга, на развороте которой была икона Успения Пресвятой Богородицы. На стене висел текст тропаря к Успению на шведском языке. Я тем более была удивлена, поскольку шведская Лютеранская церковь вообще

не поминает Успения. Такой придел был бы совершенно немислим в детстве моей бабушки.

На самом деле, в конце XIX века к православию в Швеции относились с большой подозрительностью, и корни этого отношения уходили в далёкое прошлое. Можно сказать, что всё началось ещё в XIII веке, когда Карелия была объектом территориальных притязаний Швеции и Новгородской республики. В этом конфликте использовали и религию: шведы-католики против русских-православных. Папа Римский поддерживал шведов и призывал к крестовому походу против новгородцев. В результате в «Летописи короля Эрика» шведы назывались «христианами», а русские — «язычниками».

Неуважительное отношение шведов к иконам, хорошо известное русским, порой приводило к дипломатическим осложнениям. В документе из фонда Muscovitica (№ 654) Государственного архива Швеции можно прочитать о том, как в 1557 году одного пьяного слугу шведского посольства едва не казнили

Юхан Габриель Спарвенфельт

в Новгороде после того, как он нечаянно опалил свечкой икону в комнате шведов. Посольство было задержано в Новгороде, пока дело не было разобрано. Русские заявили, что повреждение иконы является более серьёзным преступлением, чем убийство. В конце концов этот слуга был помилован царём.

Записки об отношениях Московии и Швеции оставили нам путешественники XVI—XVII веков. Шведы, которые побывали в Московском государстве, обращали внимание на обычаи Православной Церкви и, особенно, на иконы, которые больше всего бросались в глаза. После реформации в середине XVI века власти Швеции упорно добивались того, чтобы искоренить все католические обычаи, в том числе и почитание священных образов. В Уставе архиепископа Лаврентия Андрея 1576 года написано:

«Нельзя ставить свечек перед образами, нельзя кадить, нельзя поклоняться перед ними и т.д., потому все такое явное язычество и идолопоклонство». Тем не менее в шведских церквях разрешались изображения Иисуса Христа и других действующих лиц Священного писания, в отличие от, например, кальвинистских храмов в Европе, но только в качестве иллюстраций библейских событий.

Известно, что в годы оккупации Новгорода в 1611—1617 годах шведы вывозили из города архивные документы, церковные колокола на переплавку и даже кирпичи, но нет свидетельств об иконах. Их не только считали «идолами» — эстетика икон также была чужда шведскому вкусу.

После Столбовского мира 1617 года возникла серьёзная проблема. Теперь в пределах страны оказались православные подданные, живущие в Ингерманландии, которая отошла к Швеции. Как же быть с ними? Если считать их язычниками, то пришлось бы крестить их в лютеранскую веру, скорее всего, насильственно. Это могло бы привести к серьёзным проблемам. Именно тогда магистр Упсальского университета, Юхан Ботвиди, защитил диссертацию, в которой проанализировал русскую православную веру и пришёл к выводу, что русские являются христианами. Не исключено, что вывод диссертации был заказом властей.

Шведские путешественники, записки и воспоминания которых о Московии датированы XVII столетием, обращали внимание на православные церковные обычаи и традиции, особенно на почитание икон. В большинстве своём эти

суждения были негативны. В воспоминаниях путешественников чаще иконы называют «маленькими богами», и тем самым намекают, что русские не настоящие монотеисты. При этом никто не интересуется, какой святой изображён на иконе и как он написан. Только такой высокообразованный и любознательный путешественник, как Юхан Габриель Спарвенфельт, писал в своём дневнике, датированном 1684—1687 годами, о «чудесной живописи и изысканных красках» иконы Спаса в Иверском монастыре.

Шведы высмеивали и другое явление: русские уверяли, что иконы нельзя продавать и покупать, их можно только обменивать, однако на деньги — то есть разница только в словах. Член шведского посольства в Москве 1673—1674 годов, молодой офицер Эрик Пальмквист пишет в своём отчёте королю Карлу XI, что в Москве есть «рынок богов, где за деньги можно обменять себе целую кучу русских идолов».

После русско-шведской войны начала XIX века Финляндия отошла к России. Это был величайший шок для шведов — страна потеряла 1/3 своей территории. Однако высшие социальные классы в Финляндии смотрели на эту новую ситуацию по-другому. Теперь открылась возможность сделать карьеру в Санкт-Петербурге, который в то время был европейской метрополией, а это совсем другое, чем маленькое захолустье Стокгольм. Молодой финляндский студент Эрик Густав Эрстрём добрался до Москвы, чтобы учиться в университете. Когда Наполеон в 1812 году подходил к Москве, Эрстрём вместе с университетом был эвакуирован в Нижний Новгород. Он был любознательным и отно-

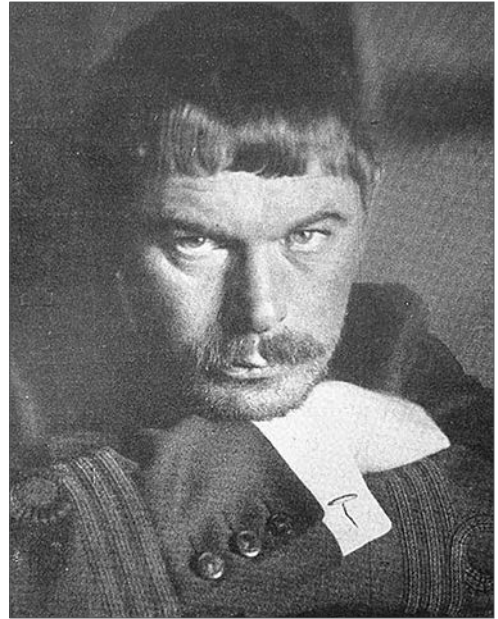
Николай Чудотворец с житием.
Икона конца XV — начала XVI в.
Национальный музей Швеции

сился с симпатией к русской культуре. В Нижнем Новгороде он участвовал в литургии и в своём дневнике даёт подробное и, в общем-то, правильное толкование богослужения и церковных принадлежностей, в том числе и икон. Скорее всего, это первое положительное описание русского богослужения на шведском языке.

Однако в Швеции всё остаётся по-старому. На рубеже XIX—XX веков добавляется новая черта в описании икон — «жуть». Это, очевидно, связано с жанром тёмного романтизма, который в то время был популярен. Известный журналист и славист Альфред Йенсен пишет, что надо «и жалеть и восхищаться православными, которые

Карл Лаурин

Альберт Энгстрём

по праздникам совершают паломничество в Кремль, чтобы оказать честь всем образам, которые черно и страшно выглядывают из золотых оклад». И он не один — церковные обычаи пугают и таких известных писателей, как Сельму Лагерлёф и Вернера вон Хейденстама.

В 1900 году издаётся «История искусства» профессора Карла Лаурина — искусствоведческий труд, который вскоре становится классическим, и в 1957 году вышло двенадцатое и последнее издание книги. Также популярным было особое школьное издание «История искусства». По поводу иконографического искусства Лаурин пишет, что в Византии установили строжайшие правила для иконописи. Он подчёркивает наивность традици-

онного письма, когда фигуры наиболее «важных» святых изображаются больше по размеру, а их «свита» — меньше. Младенцам даже придавали старческий вид, чтобы они казались более благочестивыми и достойными почтения. Лаурин пишет: «В Москве и по сей день носители этой традиции придерживаются византийских правил, и изображают ангелов и Богородицу бездуховной имитацией»¹.

Этот взгляд на иконы очень медленно меняется в течение XX века под влиянием русских учёных и деятелей культуры, которые в начале века вновь открывают мастерство средневековых икон. С некоторым опозданием иностранцы так же начинают воспринимать русскую иконопись. Это было особенно заметно после

¹ Выделение К. Лаурина

Туре Арне

Улоф Ашберг. Рис. А. Энгстрёма

революции, когда в советских музеях появляются собрания икон. Иностранцев сопровождали гиды, которые открывали им содержание и красоту икон. Художник и писатель Альберт Энгстрём провёл в 1923 году полтора месяца в Москве и после посещения Исторического музея писал, что иконы — это самые красивые произведения искусства, которые он вообще видел за всю свою жизнь. *«Каждый образ имеет свою уникальную красоту, и вариации бесчисленны. Такая гармония красок нигде не была достигнута ни раньше, ни позже. <...> Среди этих икон я испытывал чувство истинного возвышенного праздника»*. Каждое слово Энгстрёма противоречит суждению профессора Лаурина.

Археолог Туре Арне издал в 1917 году книгу с одиннадцатью статьями о швед-

ско-русских отношениях и о предметах материального культурного наследия этих контактов. Между прочим, он пишет об иконах в разных шведских хранилищах. Например, в Упсальском университете хранятся пять небольших икон — это трофей из иезуитского монастыря, который грабили шведы при завоевании Риги в 1621 году. В Историческом музее в Стокгольме хранятся девять икон, которые, скорее всего, взяты в битве под Нарвой в 1700 году. В кафедральном соборе в Стокгольме есть кивот, где в середине находится икона святого Николая Чудотворца в позолоченной серебряной ризе. Кивот был взят во время походов Карла XII. Хранятся также отдельные старинные иконы и в других местах в Швеции. Однако их не очень много, учитывая, сколько раз

Встреча Иоакима и Анны. Икона. XVII в.
Национальный музей Швеции

Святой Георгий и дракон.
Икона второй половины XVI в.
Национальный музей Швеции

русские и шведы сталкивались на поле брани.

В 1920-е годы в Москве несколько лет жил и работал «красный банкир» Улоф Ашберг. Он был одним из основателей Русского коммерческого банка, и в 1922 году назначен его председателем, имел хорошие связи и сотрудничал с большевистским правительством.

Первые иконы Ашберг приобрёл на птичьем рынке в Москве. Он так писал об этом: *«Я раньше не был знаком с этим видом искусства, но с первого момента он привлек мое внимание. Казалось, что эти старинные произведения искусства обладают невидимой силой, и что они излучают атмосферу величия и красо-*

ты». Благодаря своим связям с большевиками он смог купить старые иконы очень высокого качества и легальным образом вывезти их из страны. Почти все его иконы со временем попали в Национальный музей в Стокгольме. В 1933 году он подарил музею около 250 икон и в 1952 году ещё около 30. В результате собрание Национального музея является одним из самых лучших вне России. Самые ценные иконы постоянно выставлены в специальном кабинете.

Ашберг поручил профессору Хельге Челиину составить опись тех икон, которые собирался подарить Национальному музею. Челлин был единственным швед-

ским искусствоведом своего поколения, который интересовался иконами. Его интерес к ним возник уже в 1910-е годы. После Первой мировой войны он шесть лет был профессором в университетах Тарту и Риги, где читал лекции по русской и византийской иконографии. В 1956 году он опубликовал свою книгу «Русские иконы в Швеции и Норвегии». Книга богата иллюстрациями и является для шведской публики первым фундаментальным введением в науку о развитии иконографического искусства.

Через несколько лет знание шведов об иконах и иконописной традиции ещё больше расширилось. В 1960-е годы началась эмиграция из южных европейских стран, в том числе из Греции и Югославии. Эмигранты строили свои храмы и привозили иконы. И шведы в то же время начинали проводить отпуска в православных странах, и таким образом знакомились с историей, традициями и искусством этих стран, в том числе с иконами, и иногда покупали и привозили их домой. Поэты и художники свидетельствуют о своей встрече с миром икон. Самый известный из них Гуннар Экелёф. Знакомство с византийским наследием дало его поэзии новое направление.

Очень значимым стал всемирный экуменический съезд в Упсале в 1968 году. После него открылись двери шведских церквей некоторым католическим и православным обычаям. Например, прихожане теперь могли сами ставить свечки в новые специальные подсвечники, и, наконец, шведы открыли для себя мир икон.

Сегодня почти в каждом шведском лютеранском храме находится одна или

Грузинская икона Божией Матери. XVII в.
Национальный музей Швеции

несколько икон, часто написанных в традиционном русском стиле. Они чаще всего изображают Спаса или Богородицу. Даже есть иконописные школы, где можно учиться писать иконы. Встречаются и скандинавские католические святые, например, святая Биргитта из города Вадстена (жившая в XIV веке) и норвежский король святой Улоф (XI век), изображённые по правилам иконописи.

В 1965 году искусствовед Ульф Абель в первый раз читал курс лекций об иконах. Слушателей было очень много, и курс повторялся несколько раз. Будучи уже интендантом (хранителем) Национального музея, Абель начал работать над описью икон музея. На сегодняшний день в музее насчитывается 320 икон, в том числе из России и Греции, Финляндии и Эстонии, с Балкан. Ему помогли

Ульф Абель

русские учёные, например, и такой ведущий специалист, как Ангелина Смирнова. Каталог Абеля и его помощницы Веры Моор вышел в свет в 2003 году.

На симпозиуме по поводу публикации этого издания было основано Общество любителей икон, цель которого — изучение икон с искусствоведческой и богословской точек зрения. Интересы Общества, разумеется, не ограничиваются только русскими иконами. Освещаются и византийская, греческая, украинская, румынская и южнославянская и другие иконографические традиции.

Сегодня около ста человек являются членами Общества. Три или четыре раза в семестр они приглашаются на доклады, которые читают исследователи разных дисциплин или художники, на произведения которых повлияли иконы. Общество также организует экскурсии и поездки, его члены были в России, Греции, Финляндии, Украине, Эстонии, Латвии.

Можно сказать, что православные иконы покорили шведов, но заняло это 800 лет.

Abel U., Moore V. *Icons*. Stockholm, 2002.

Arne T.J. *Det stora Svitjod. Essayer om gångna tiders svensk-ryska kulturförbindelser*. Stockholm, 1917.

Aschberg, O. *Gästboken*. Stockholm, 1955.

Birgegård U.J.G. *Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684—87 // Slavica Suecana. Series A. Publications. Vol. 1*, Stockholm, 2002.

Ehrström E.G. *Moskva brinner: en nyupptäckt svensk dagbok från 1812*. Stockholm, 1984.

Engström A. *Moskoviter*. Stockholm, 1924.

Jensen A. *Slavia kulturbilder. Från Volga till Donau*. Stockholm, 1896.

Kjellin H. *Ryska ikoner i norsk och svensk ägo*. Stockholm, 1956.

Laurentius Petris kyrkoordning av år 1571, utgiven av Samfundet Pro fide et christianismo. Stockholm, 1932.

Laurin C. *Konsthistoria*. Stockholm, 1900.

Коваленко Г. *Русские и шведы от Рюрика до Ленина*. М., 2010.

Мокробородова Л. *Quaestio nostro saeculo inusitata. Русское православие в тезисах Йоханнеса Ботвиди «Христиане ли московиты?» (1620)*. Турку, 2013.

Пальмквист Э. *Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году*. М., 2012.
Хроника Эрика. Выборг, 1994.

Ингрид Фразер

РУССКИЕ ПРИШЛИ

*От слёз размягчается защитная броня и тает застывшее сердце.
Слеза оплакивает и излечивает одновременно.*

Кларисса Пинкола Эстет

Э то было в Берлине в мае 1945 года. Мы проводили дни и ночи в подвале. Уже не слышно было воя сирен, предупреждающего о начале и конце бомбёжек.

Часть города, в которой мы жили, не очень пострадала от них, но разрывы бомб вдалеке были слышны постоянно. Страху и ужасу не было конца. Густые клубы дыма покрывали небо над городом. Потом наступила тишина, и мы вернулись в нашу квартиру.

Страх бомбардировок уступил место страху перед будущим. Русские отмечали победу стрельбой из ракетниц. На соседней улице стоял танк, на котором семь русских солдат праздновали конец войны. Слово «русские» было для нас олицетворением ужаса. Рассказывали об их страшных зверствах. Мы страстно желали, чтобы первыми сюда пришли не

русские, а американцы. Одну пожилую соседку, которой я носила картофельные очистки для кроликов, постоянно убеждала в том, что здесь первыми непременно появятся американцы, пытаясь, таким образом, по моей детской наивности, рассеять её нескрываемый страх.

К нашей квартире примыкало маленькое помещение, увенчанное башенкой, и часто, когда отчаяние охватывало меня, я отправлялась туда, чтобы помолиться.

В эти дни страх, который обуял нас всех, испытали и три молодых немецких солдата, на лицах которых едва был заметен первый пушок бороды. Увидев русские танки за углом, эти молодые люди в униформе, всё ещё одержимые идеей защиты родины, выпустили по нему свои последние фаустпатроны.

Долго ещё стоял сгоревший русский танк на углу той улицы. Глядя на русских и немецких солдат, я размышляла о судьбах людей.

Несколько дней спустя мы увидели русских солдат в саду наших соседей. Они пытались завести машину, которую нашли в гараже. Мы прилипли к оконным стёклам. Так вот как выглядели «чужовища», которых мы боялись!

Сидя на частном бункере наших соседей, один русский солдат играл на аккордеоне. Увидев нас в окне третьего этажа, он что-то крикнул через забор и побежал по саду.

Моя мать в предчувствии худшего отправила меня с моей старшей сестрой и ещё двумя молодыми женщинами в дальний угол квартиры, чтобы там спрятать. Не успела она ещё отодвинуть корзины, которые закрывали проход к двери в маленькую комнату, как в квартиру постучали. Мысль о страшной вспыльчивости русских, о чём нас предупреждали, заставила её как можно быстрее открыть входную дверь. Высокий, спортивного вида мужчина вошёл в квартиру и заставил маму показать все комнаты. В кабинете моего отца он застыл перед книжным шкафом. Этой

возможностью воспользовалась мама, забежав в спальню и отодвинув корзину перед дверью, которая вела в маленькую комнату. И вот русский солдат уже в спальне. Мы, младшие дети, сгрудились вокруг мамы в последней комнате, когда русский спросил на ломаном немецком: «Ты мать?». Мама ответила: «Да». Он вытащил свой пистолет, направил на моего брата и сказал: «У меня тоже были жена и сын, пришли немцы, убили». Со страхом и ужасом я посмотрела на мужчину. Слезы текли по его лицу.

Он повернулся и ушёл. Впервые я увидела плачущего мужчину. Эти слёзы растопили броню моего страха — он исчез. Меня наполнили тепло и симпатия к этим людям и одновременно сомнения, связанные с этой войной. Что произошло на самом деле?

Я больше не верила взрослым, тому, что они рассказывали о войне, о «наших врагах». Отныне я не верила никаким предрассудкам.

И сегодня меня преследуют эти вопросы, они оказали большое влияние на мою жизнь, возвращая память к щемящей боли о том, какое горе могут одни люди причинить другим.

Перевод С.И. Цветковой

Светлана Цветкова
«СНЯТЬ ЧУВСТВО ВИНЫ...»

Уже не помню, как я познакомилась с Ингрид и её друзьями. В практике работы гидом такие встречи случались каждый день. Но туристы приезжают и уезжают, и только с немногими завязываются дружеские отношения.

Сейчас Ингрид уже 86 лет. Она бывшая учительница. Учителя в Германии получают хорошую зарплату и приличную пенсию. Она могла бы объездить весь мир, но в последние годы она неоднократно ездила в Африку и собирала деньги для помощи бедным африканским общинам. Помнится, в один из её приездов в Новгород она попросила разместить её с подругой на частной квартире, чтобы лучше узнать, как живут русские.

На мой вопрос, можно ли напечатать её рассказ в русском журнале, она ответила, что была бы счастлива, ведь это помогло бы снять чувство вины, которое она испытала восьмилетней девочкой тогда в Берлине в 1945 году, перед тем русским солдатом. Это событие, по её словам, сыграло большую роль в её становлении, разрушило прежнее представление о друзьях и врагах, помогло видеть в других людях прежде всего человека.

Детские воспоминания автора сложились в повествование о жизни в разорённых за долгие годы немецкой оккупации Сольцах, об отце — Дмитрие Алексеевиче Баранове — партизане Великой Отечественной войны, одном из организаторов Партизанского обоза, первом председателе райисполкома на освобождённой в 1944 году Солецкой земле, о восстановлении мирной жизни и о людях, отдавших все силы для её возрождения. Здесь собраны яркие детские впечатления о домашних праздниках и новогодней ёлке, бережном отношении к книгам и чтению, первом походе в музей, знакомстве с произведениями живописи и посещении зоопарка, колыбельных песнях родителей.

Ряд описанных событий о восстановлении разрушенного войной района сопровождается документами из фондов Государственного архива Новгородской области и личного архива автора.

Заголовком к воспоминаниям послужило изречение из Экклезиаста (11.1) — одной из книг Ветхого Завета — о «доброделании» и «благоворении», «утре и вечере нашей жизни».

Ирина Савинова

«ОТПУСКАЙ ХЛЕБ ТВОЙ ПО ВОДАМ...»

Мартовский солнечный день, время уже за полдень. На небольшой лавочке возле дома сидит молодая женщина в скромном пальтишке и вязаном берете. Рядом с ней стоит маленькая девочка и смотрит в сторону солнца. Оттуда движется тёмная фигура человека. Женщина трогает девочку за плечо:

— Твой папа идёт. Иди, встречай!

— Сам придёт! — последовал ответ.

Этих речей я не помню, их сохранила мать, но я хорошо помню тёмную фигуру на фоне предвечернего солнца.

В этом доме на Канавной улице (Некрасова) мы прожили недолго — роди-

тели вскоре купили жилище на улице Ленина, с которым и были связаны десятилетия моей жизни. Из маленького городка несколько месяцев назад ушла война, и вместе с ровесниками я росла среди развалин, в которые война превратила наши Сольцы. Она задержалась и в нашем доме: над моей кроватью какое-то время висел немецкий стальной автомат с откидывающимся прикладом. С ним мой отец вышел из Партизанского края и прибыл в Сольцы.

До наших дней сохранилось удостоверение в треть писчего листа, отпечатанное на машинке. Выдано оно 3 марта 1944 года. Сей документ свидетельство-

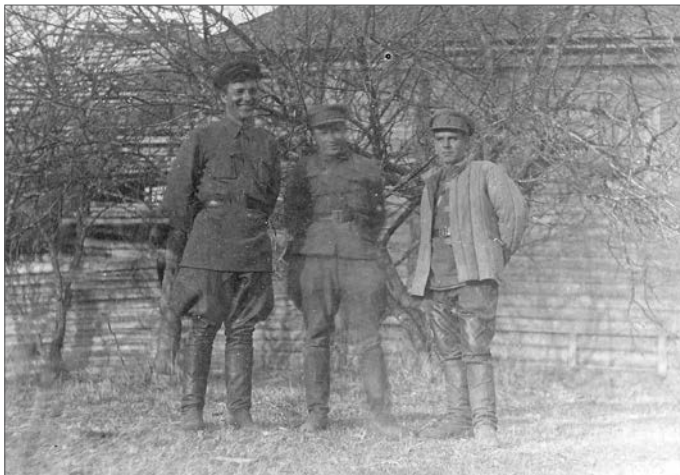
вал, что Баранов Дмитрий Алексеевич по распоряжению секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) т. Никитина направлялся в Солецкий район для работы в райисполкоме. В конце стоит приписка: «*Имеет на вооружении автомат и ТТ*». Через несколько месяцев вышло распоряжение о сдаче оружия, и отец отнёс в милицию своих боевых спутников.

Что такое партизанская война, Партизанский край, где воевал отец, я стала сознавать гораздо позднее. А сейчас существовали только названия и трофейные вещи, поступившие в моё пользование. До сих пор помню яркий сиреневый корпус немецкого компаса. Была фляга в суконном чехле с железными кнопками. Иногда давали мне поиграть кожаную офицерскую планшетку. Под целлулоидом лежала карта с незнакомыми буквами, но я не понимала, что она отображала... Со временем всё это сгнуло.

День Победы — первый, настоящий, я по малости лет проспала. Через много лет моя мать Наталья Александровна, глядя на сбережённые старые туфли, вдруг сказала: «*А я ведь поцарапала их в День Победы*». И она рассказала.

В ночь с 8 на 9 мая 1945 года, часа в 3 утра, в окно громко застучали. Отец перепугался — он очень боялся пожаров. А за окном кричали: «*Вставайте!*

Вставайте! Война кончилась!». Посыльный протянул отцу сообщение, переданное по телефону, в котором говорилось о подписании капитуляции Германии. Родители быстро оделись и побежали по другим адресам, стуча по пути в окна: «*Вставайте! Война кончилась!*». На городской площади, окружённой руинами, собрался народ, начался стихийный митинг. (В то время, как я узнала позднее, в нашем городке не было ещё и двух тысяч жителей). Сперва говорились радостные речи, а потом танцевали до самого рассвета.

Партизанский край. Осень 1942 г. Баранов Д.А. справа

Отец получил назначение на должность председателя Солецкого райисполкома. Район был освобождён от оккупантов 28 февраля 1944 года. Предстояло восстанавливать разрушенное хозяйство, сеять хлеб, строить дома... Город и район отцу были незнакомы, да и его люди не знали. Жизнь предстояло начинать заново.

Для трёхлетнего ребёнка мир был прекрасен таким, каким был: разрушенные дома, оборванные ребятишки, хмурые усталые взрослые люди. Это потом, спустя годы, я пойму всю нагрузку, которая легла на плечи отца. В ту же пору я его почти и не видела: ложилась спать — он ещё не вернулся с работы, утром вставала — он уже ушёл по делам.

Ездил он на замечательном вороном коне, на котором и прибыл из Парти-

лил его и оберегал. Когда Копчик стоял возле дома, ожидая седока, ребятишки собирались вокруг него и разглядывали это чудо природы.

Отца в эти первые послевоенные годы я почти не запомнила. Он вроде бы и жил с нами, но я его почти не видела. Чем он занимался? Руководил районом, ездил в колхозы, проверял строительство домов. Уже после его смерти, когда начала работать в Государственном

архиве Новгородской области, я постигла всю суть «работы адовой», которая выпала на его долю. Сохранился интересный документ — резолюция районного собрания партийно-советского и колхозного актива, которое состоялось 12 декабря 1944 года¹. Подведены первые итоги работы за 9 месяцев после освобождения. Прежде всего ощущается радость достигнутого. Успешно справились с весенним севом. План перевыполнили на 31%, сев ози-

Участники советско-партийного актива. Осень 1944 г.
Второй слева — председатель Солецкого РИКа Д.А. Баранов

занского края. Звали коня Копчик, и достался он отцу в качестве боевого трофея. Отец часто ездил по округе верхом, но иногда запрягали шарабан, который легко и весело бежал по просёлочным дорогам. «Шофёром» этой повозки был недавний фронтовик Михаил Зуев. Он искренне любил своего подопечного, хо-

мых — на 27,7%. Положительным итогом звучат слова резолюции: *«Район значительно раньше правительственных сроков справился с уборкой зерновых и государственными поставками сена, зерна, льносемян и овощей».*

На имя руководителей Солецкого района пришла телеграмма из Москвы

¹ Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Р-159. Оп. 5. Д. 6. Л. 1-7.

с благодарностью за выполнение плана госпоставок. Подписью стояло «И. СТАЛИН». Спустя годы я нашла в бумагах отца кусок ватмана с переписанным текстом телеграммы, который был вывешен в зале райисполкома. В углах листа сохранились дырочки от кнопок. Отцу и его соратникам были вручены ордена Отечественной войны. Как участник партизанского движения он был награждён орденом Красной Звезды за организацию хлебного обоза, медалями «За оборону Ленинграда» и «Партизану Отечественной войны», «За победу над Германией» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Сотни цифр, наполнявшие документы тех лет, для моего детского разума были недоступны. Конечно, я видела, что разрушенные каменные здания на центральной улице меняли свой вид: появлялись крыши, окна заблистали стёклами, обрушенную стену заново сложили каменщики.

Из той поры мне помнится наша корова Люба. Я хорошо поняла, что корова немецкая, трофейная. Была она чёрно-белой расцветки. На левом её белом боку лежали языками два чёрных пятна, один короче другого. По этим пятнам я издали узнавала нашу кормилицу. Как сейчас вижу перекрёсток улиц Ленина и Почтовой, где должны были появиться коровы, возвращаясь домой

с пастбища. Я стою возле дома и гляжу на этот перекрёсток. Вот появилась первая корова, за ней — вторая. А вот и Люба идёт! И я бегу к ней вприпрыжку, зажимая в кулаке горбушку хлеба.

Спустя много лет я узнала, каких усилий стоило отцу получить для района трофейное стадо, которое подошло к границам района в июне 1945 года. По весне надо было направить в Пруссию бригаду погонщиков. И вот, после двух

Сольцы. Разрушенный город. Осень 1944 г.

месяцев долгого пути по дорогам Пруссии и Прибалтики, стадо приблизилось к границам Солецкого района. Вошло оно у деревни Заполье Дорогостицкого сельсовета, а покидало уже по трём направлениям: на Шимск, Уторгош и Батецкий. Началась подготовка к приёму стада в несколько тысяч голов. Предстояло ещё раз проверить разминирование трассы перегона и обочину на три метра, поставить загоны, для поддержки обносившихся погонщиков направить

сапожников и портных. Солецкому району надлежало получить 2150 коров, 500 овец, 400 лошадей. Обо всём надо помнить, расставить помощников по необходимым участкам, проверить результаты работы, узнать состояние стада. Конечно, он не раз навещал и движущееся стадо, и погонщиков, и сапёров. И, несомненно, на своём Копчике.

Выписываю эти цифры и факты, чтобы ощутимее понять, как жилось и работалось отцу в послевоенные месяцы.

Бегемотиха Красавица в Ленинградском зоопарке

Вполне осознанное воспоминание об отце относится к декабрю 1946 года. Мы ехали в Ленинград. Родители и я втиснулись в кабину к шофёру. И ведь как-то втиснулись, а меня по очереди держали на коленях. Моё участие в этой поездке объяснялось желанием родителей показать медикам родимое пятно на моей нижней губе. Показ никаких результатов не дал, и речь не о нём.

У отца между дел выдалось свободное время, и он повёл меня в зоопарк.

А что бы он ещё мог показать пятилетнему ребёнку в недавно освобождённом городе? Да ещё коротким декабрьским днём? Музеи ещё не пришли в себя после эвакуации.

Что мы увидели в заснеженном зоопарке — не скажу: не помню. Зато всю жизнь память хранит посещение большого каменного помещения. Окна в нём находились высоко под потолком. Возле одной стены размещался большой бассейн с грязной водой. Его огораживала

решётка из толстых железных прутьев до потолка. В тёмной луже виднелись два огромных блюда, которые иногда моргали. Возле решётки стояло множество людей — взрослых и детей. Все что-то говорили, кричали, бросали за решётку кусочки сухарей. Я протиснулась к самой ограде и даже прижалась к ней лицом. Вдруг круглые блюда распахнулись, и из воды показался огромный чемо-

дан из серой блестящей кожи. Чемодан этот неожиданно раскрылся, показалась огромная розовая пасть с большими зубами. Я взвизгнула и бросилась к отцу, прижалась к его ногам. Люди незлобиво засмеялись. Отец поднял меня на руки и стал утешать.

С появлением Интернета я узнала, что виденное мною животное — бегемотиха Красавица, жившая в зоопарке с 1911 года. Во время войны её преданно спасала служительница Евдокия Иванов-

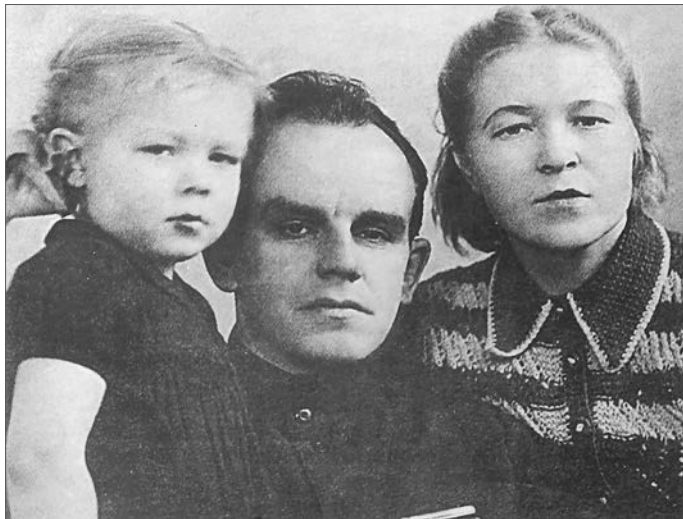
на Дашина. Подумать только, с каким историческим существом познакомил меня отец.

Но существо осталось в Ленинграде, а отца в Сольцах ожидали нескончаемые проблемы: подготовка к весеннему севу, практическое отсутствие тракторов, переселение людей из землянок в построенное или восстановленное жильё, нехватка строительных материалов. Ещё в 1945 году в землянках проживало 389 семей². А уже предстоит принять и разместить первые партии демобилизованных воинов. Нет конца нуждам и задачам. И в это же время — отправка бригад строителей на восстановление Новгорода и рабочих на лесозаготовки.

Всего этого я, конечно, не знала, а если и слышала, то мало что понимала. Зато хорошо понимала и запомнила празднование Нового года. Накануне, обычно 30 декабря, отец отправлялся в лес — за ёлкой. Ездил он с исполкомовским конюхом, на больших дровнях, запряжённых лошадкой. Отправлялись рано утром. Спросенок я только слышала шаги в кухне, коридоре. Стукнула калитка — можно спать дальше.

Будит меня уже другой шум: хлоппанье дверей по всему дому, какое-то

шуршание, негромкие голоса. В комнату протискивается колючее существо, растопырившее свои ветки. Следом появляется отец в ватнике, таких же штанах, в треухе с опущенными ушами, на ногах валенки. Он втаскивает свою добычу в дальнюю, наиболее прохладную комнату. Здесь ёлка согреется, ледышки на ветках растают, дом наполнится морозной свежестью с еловым запахом.

Баранов Д.А. с женой Натальей Александровной и дочерью Ириной. Ленинград, декабрь 1946 г.

Из многих новогодних праздников мне запомнилась поездка с отцом на ёлку в детский дом возле Сольцов. Отец ехал как районное начальство: поздравить всех с Новым годом и вручить детям подарки. Что это были за подарки, понятно: пряники, печенье, конфеты в фантиках и без оных. Наверное, наступал 1946 год... Помню, что украшенная

² ГАНО. Р-159. Оп. 5. Д. 6. Л. 165.

ёлка стояла в самой большой комнате детского дома. Её освещали керосиновые лампы, развешенные по стенам. Пока дети водили хорорыводы, читали стихи, я медленно обходила ёлку, и вдруг сердце моё замерло: я увидела замечательную игрушку. Это был младенец, завёрнутый в ватное одеяльце. Оно сверкало блёстками, а из конвертика выглядывало личико дитя. Одна из воспитательниц заметила моё восхищение. «Тебе понравилась эта игрушка?» — наклонилась

от Деда Мороза». Почерк был очень знакомый — так писать мог только отец. Но подарки по-прежнему появлялись под ёлкой ещё многие годы. Один из них храню всю жизнь. Нашла я его под ёлкой 1955 года, будучи уже подростком, ученицей шестого класса. И знаете, что это было? Трёхтомник сочинений А.С. Пушкина. Издание не только подарочное, но и миниатюрное, потому как размер томика составляет 9,5 × 13,7, что на 1 см меньше знаменитого суворинского из-

дания 1857 года, которое стоит рядом на книжной полке.

Тёмно-синие томики живут со мной до сей поры как обязательный элемент биографии. Не сомневаюсь, что для новогоднего подарка приобрёл его отец. У меня с ним было особое книжное содружество.

Книги в доме помню с малых лет. В дальней, «ёлочной» комнате стояла книжная полка до потолка. Книги собрались

Ёлочные игрушки

она ко мне. Я, молча, кивнула головой. Женщина сняла с ветки заветный кулёчек и протянула мне. Долгие годы эта игрушка украшала нашу ёлку, оживляя воспоминание детства. Так же долго заглядывал под ёлку и Дед Мороз. Оставлял он различные подарки: цветные карандаши, альбомы, заводных курочек и мотоциклистов. Где-то уже во втором классе секрет сказочного гостя раскрылся: на обложке книжки В.В. Бианки «Зой и Зоя» стояла коротка надпись «Ирочке

на ней всех мастей и содержаний, появлялись от случая к случаю. Думаю, что отец приобретал их, где мог: в книжном, сельмагах, у жителей деревень, которые он посещал по делам службы. Многие сохранились по сей день. Толстенная «Война и мир» — 4 тома в одном кирпиче формата «Роман-газета». В таком же издании повести М. Горького. Появлялись новые издания: «Собор Парижской Богоматери» с прекрасными иллюстрациями в виде гравюр и двухтомник

Ги де Мопассана. Этих французов нам долго не позволялось трогать.

Отец был постоянным читателем районной библиотеки и пользовался особым расположением её сотрудников. Они доверяли ему на два-три дня новые поступления книг и журналов. За указанный срок он успевал «проглотить» все новинки, вникнуть в их суть и высказать библиотекарям своё мнение, которым те пользовались, предлагая посетителям ту или иную книгу.

— Батя! (Почему-то мы с братом стали к нему так обращаться в подростковые годы.) Новые журналы принёс? Книги дали? — такими вопросами встречала я отца после работы.

Пока он обряжал скотину, ужинал, я успевала пролистать журналы и даже что-то в них прочесть. Конечно, мы дорожили доверием библиотекарей и старались не повредить полученные издания. По мере нашего взросления отец ежегодно выписывал для нас журналы «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Пионер». Помню, с какой радостью он сообщил о подписке на совершенно новый журнал «Юность». Для матери приходили «Работница» и «Крестьянка». Для себя отец долгие годы выписывал толстые журналы «Звезда» и «Октябрь», другие он приносил из библиотеки.

О своих родных отец почти никогда не рассказывал. В то время не принято

Псков. Губернский съезд избачей. 1929 г. Баранов Д.А. слева

было интересоваться прошлым, судьбами близких. Из редких фраз удалось узнать, что он родился в Петербурге, семья имела дом на Большой Зелениной на Петроградской стороне. После революции отец с братом Николаем оказался в приюте, сестру забрал отец матери. А куда родители делись? Об этом я узнала спустя годы.

Относительно недавно в Солецком райархиве, в фонде райпромкомбината обнаружилась небольшая выписка из биографии отца, которую он приложил к личному делу. О своём отце, Баранове Алексее Дмитриевиче, он записал, что тот был счётным работником, в 1914 году призван в армию. Далее старший Баранов значился уже в Красной Гвардии, где служил начальником штаба 33-й дивизии. В январе 1919 года он скончался в Дно и был захоронен в ограде церкви деревни

Баранов Алексей Дмитриевич.
Санкт-Петербург, 1910-е гг.

Баранова Анна (?)
Санкт-Петербург, 1910-е гг.

Илемно Порховского (ныне Солецкого) района.

Более печальными были сведения о матери: в 1918 году она сдала сыновей Дмитрия и Николая в Порховский детский дом им. Володарского, дочь Нину забрал дед, а сама родительница умчалась с санитарным эшеленом на Гражданскую войну, где и сгинула. Неудивительно, что отец избегал разговоров о детских годах.

Обстоятельства жизни не позволили юноше получить должного образования. После окончания порховской городской школы его направили в Ленинградский

Комвуз, а затем — в Ленинградское отделение института массового заочного обучения (ЛОИМЗО) при ЦК ВКП(б). В эти годы и сформировалась биография советско-партийного работника. Рабочая стезя началась на Псковской земле: в различных политотделах МТС, клубах совхозов, в избах-читальнях.

Получив такую информацию, я без промедления направила запросы в надлежащие архивы, но ответы пришли предсказуемые — необходимые документы на хранение не поступали.

Летом 1953 года отец снова попытался показать моё родимое пятно ленин-

градским медикам, но они посоветовали «не будить лиха, пока тихо» и жить в согласии с натурой. Тем и утешились, и отметили это решение походом в Русский музей. Нетрудно представить восторг провинциальной девочки, впервые попавшей в беломраморный царский дворец. Отец, понимая, что в первый раз многое не охватишь, повёл меня сразу в зал известных и популярных художников: Венецианов, Репин, Кипренский, Перов, Васнецов...

Уже после нескольких шагов я вдруг почувствовала атмосферу родного дома, знакомого окружения. Вскоре поняла, что лица и сюжеты, окружающие меня, знакомы с детских лет — по репродукциям, хранящимся в домашнем «Скоросшивателе». Это был особый развлекательный предмет в нашем доме. Отец выписывал «Огонёк», который в послевоенные месяцы публиковал репродукции картин Русского музея. Отец изымал их из журнала и собирал в особую папку с непонятным названием. Зимними вечерами, при свете ещё керосиновых ламп, я с подростком братом подолгу рассматривала это собрание, беспокоя родителей различными вопросами о героях картин.

И вот иду я по прекрасному залу и вижу таких знакомых крестьянских детей Венецианова, блестящего гусара Д. Давыдова в белых лосинах на полотне Кипренского, а вот такие родные «Бурла-

Дмитрий и Нина Барановы. Около 1918 г.

ки на Волге» Репина... Надолго мы задержались возле «Последнего дня Помпеи» К. Брюллова, о котором отец рассказывал увлечённо и подробно.

Впоследствии я не раз бывала в Русском музее и всегда старалась зайти в эти залы, чтобы вспомнить своё первое посещение.

Несколько лет спустя, в 1956 году, страна была возбуждена решением Н.С. Хрущёва вернуть ГДР сокровища Дрезденской галереи. Конечно, люди понимали, что делается это ради упрочения отношений между двумя странами, но и понимали, что страна лишалась художественного наследства, спасённого её солдатами и реставраторами.

Однажды отец принёс мне незнакомый до сего дня большой красивый журнал «Искусство». Где он достал? Где купил такое богатое столичное издание? Тогда не спросила, сейчас уже не узнаю. Журнал был замечателен тем, что посвящался Дрезденской галерее и содержал

репродукции большинства картин. Напечатаны они были на мелованной бумаге и вклеены на страницы журнала на надлежащее им место по тексту. Перед мной открылся огромный, незнакомый до сей поры мир средневековой европейской живописи. Тогда и вошли в мою жизнь имена Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Микеланджело, Эль Греко и их бессмертные полотна.

Вот пишу и думаю, что никогда не связывала отца с Дрезденской галереей и своим просвещением. А ведь не будь его подарка, сколько ещё миновало бы лет до той поры, когда репродукции живописи стали публиковаться в специальных альбомах.

Этот номер журнала «Искусство» имел и глубоководное течение: я познакомилась со множеством библейских сюжетов, которые были положены в основу большинства картин. Сопроводительная статья, пусть и сдержанно, знакомила с Рождеством, с Вифлеемской звездой и дарами волхвов, бегством в Египет... Они стали первыми шагами к храму. И начало этой дороге заложил отец.

Разговоров на Божественные темы в нашем доме не водилось. *«Никто ничего не знает, — отец твёрдо останавливал любые попытки диспута. — Если никто не видел, это не значит, что Его нет...»*. Долгие годы я не могла понять, откуда отец знает многие церковные праздники. Спросишь его — сошлётся на Закон Божий, который когда-то учил в гимназии. Соседки нередко останавливали отца: *«Алексеич, когда у нас нынче Пасха?»*. Или Троица, или Покров?

Наверное, я училась уже в 7 или 8 классе, когда во время домашней убор-

ки, старательно вытирая пыль с рамки портрета, перевернула его на тыльную сторону. И здесь обнаружила какой-то журнал, старательно заправленный за гвоздики, которые держали фотографию. Это был церковный календарь на 1956 или 1957 год.

Хорошо помню, что журнал открывался портретом Патриарха Московского и всея Руси Алексия. Такую подпись я прочитала под фотографией очень красивого человека в непонятном головном уборе белого цвета, из-под которого глядели умные глаза. Содержание календаря я постигать не стала из-за малости времени: в любой момент мог кто-нибудь войти и застать меня за исследованием чужих тайников. Портрет без промедления занял своё место на гвозде. Теперь я знала истоки отцовской памяти церковных праздников, но никогда не задавала никаких вопросов. Полагаю, что календарь он покупал (получал?) от кого-либо из священников. Значит, они оба доверяли друг другу.

Отцу я обязана и игрой в шахматы. Мне было лет десять, когда он принёс комплект пластмассовых фигурок и картонку в клеточку. Учение пошло без напряжения и как-то незаметно стало увлечением. А вот с подростком братцем, также усвоившим эту игру, у нас бушевали страсти. Причиной были заповедные правила игры: взялся за фигуру — ходи, поставил фигуру — не переигрывай. А ведь в такой ситуации и видишь свой промах. Как же не попытаться исправить положение? Страсти так бушевали, что появлялась мама и запирала шахматы под ключ. Эта игра стала нашей семейной традицией, и её поддерживают все

поколения. Конечно, кто-то знает лишь фигуры, их ходы, а другие уже могут обыграть и старших.

Мы с дочерью и племянницей стараемся сохранить ещё одну семейную традицию, но идущие за нами уклоняются от нашего влияния под воздействием современности. Я говорю о семейном пении.

Наверное, у каждого из нас первая в жизни песня одна и та же — колыбельная. У меня и брата их было две — материнская «Баю-баюшки-баю» и отцовская — «Спи, младенец мой, прекрасный». Если под первую мне приходилось засыпать, то вторую я любила слушать, когда отец убаюкивал младшего:

*«Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою...»*

Потом я уже узнала, что это была «Казачья колыбельная» Михаила Юрьевича Лермонтова, два томика стихов которого стояли на книжной полке.

Насколько себя помню, в доме всегда был толстый песенник. С него и началось моё песенное образование. Открывает его легендарная «Вставай, страна огромная!», что вполне понятно, поскольку сборник вышел в 1944 году; ещё не закончилась война, ещё гремели где-

Баранов Д.А. с женой Натальей Александровной и детьми Ириной и Александром. Сольцы, 1952 г.

то пушки, хотя далеко уже от наших границ. Но радость неотвратимой победы уже позволяла думать и о песнях.

Первый раздел сборника составляют песни о сражениях, солдатах, казаках. Раньше других запомнилась лихая песня «Солдатушки, бравы ребятушки!». Её мелодию напел отец, и она надолго прижилась в нашем обиходе. Напел отец и мелодию легендарного «Бородино» — «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...».

Слова многих песен оказались под рукой, но мотив их надо было добывать. В песеннике давалась нотная запись для голоса, но для её прочтения стоило знать нотную грамоту, в которой у нас в те годы никто не разбирался. Палочкой-выручалочкой стало радио. Оно часто передавало концерты русских певцов и хоров.

Немало мелодий знали и наши родители. Когда я затруднялась с той или иной песней, они приходили на выручку.

От отца у меня на всю жизнь осталась «Среди долины ровныя», мать передала от своего отца, деда Саши, «Во кузнице», «В тёмном лесе».

В доме нашем существовал строгий порядок: когда собирались гости, дети угощались отдельно, на кухне. Но вот я повзрослела, что позволило и мне сесть вместе с гостями. Насколько я помню, сначала мы пели, что Бог на душу положит: и про Стеньку Разина, и про Катюшу. Но со временем репертуар склонился в сторону классических русских народных. Начинал отец... Как жаль, как жаль,

На гладкой высоте», — начинал степенно отец.

«Растёт, цветёт высокий дуб

В могучей красоте», — вступала мать чистым сопрано.

В скором времени я приобрела право на свободную интерпретацию: могла взять вторым голосом, могла подголоском, но главное, чтобы образовался аккорд. Весело звучала «Во кузнице», несколько таинственно «В тёмном лесе». Шлягером нашей компании стал «Вечерний звон». Своим баритоном отец поддерживал женские голоса, он же издавал обязательное «бом...

бом...», без которого и песня не песня.

Много лет минуло с той поры. Давно нет в живых родителей, но звучат в глубине души их родные голоса: «Среди долины ровныя...».

Хорошо помню 1 сентября 1948 года — я иду в школу. День стоял пасмурный и, наверное, прохладный, потому что на мне было тёмно-синее пальтишко, сшитое из отцовского френча, и красная фетровая шля-

Песенники советского времени

па. В школу меня вёл отец, держа за руку. В другой — правой, он нёс небольшой букет астр. Я же несла первый в своей жизни портфель. Он был сшит из кирзы коричневого цвета, по краям обшит красной ленточкой из клеёнки. Портфель застёгивался на две пряжечки, как у сандалий. На лицевой его стороне выступал большой карман для бутерброда, кото-

что в ту пору у нас не было магнитофона, чтобы записать родные голоса, а взять у кого-то напрокат не додумались. Кажется, все мы вечны, и песни наши вечны.

Пишу эти слова, а голос отца воспроизвести в памяти уже не в силах. Помню, что это был хороший мужской голос, ближе к баритону.

«Среди долины ровныя,

рый следовало ученику брать с собой.

Шли мы по Советскому проспекту, по его центру, который по сей день зовётся бульваром. Впереди и позади нас бежали мальчишки и девчонки, многие без родителей — значит, уже не первоклассники. Но многие и первоклассники были без отцов, погибших на войне. Вместо домов вдоль проспекта лежали развалины. Бли-

Сольцы. Разрушенное здание средней школы. 1944 г.

же к центру несколько зданий уже приобрели жилой вид. Настоящей школы в городе ещё не было. Для неё отремонтировали несколько сооружений, в том числе и большое складское помещение, пробиты окна ближе к крыше и положили полы на высоте второго этажа. Получилось двухэтажное здание, где мне и предстояло учиться.

Спустя долгие годы, в архивных делах я встречу документы о подыскании и восстановлении этого здания, о вводе его в строй. Стояла на них и подпись отца, но в тот сентябрьский денёк я, конечно, не знала, какое отношение имел отец к моей школе.

С далёких времён детства хранит моя память непонятное слово «Дрегель». Взрослые произносили его с тревогой и какой-то обречённостью. И лишь при изучении архивных документов стали понятны людские переживания. Дрегли — леспромхоз на северо-восточной

окраине области. Лес в период восстановления разрушенных городов и сёл был одним из основных материалов на стройках, и требовался он в огромных количествах.

Маломощные леспромхозы во всех лесозаготовительных районах области — Пестовском, Крестецком, Хвойнинском, Любытинском, не могли обеспечить потребности строительства. Все райисполкомы (районы, пережившие оккупацию, подлежали общей программе) регулярно получали разнарядку: направить на заготовку леса столько-то людей, столько-то лошадей с возчиками. Распоряжения звучали как военный приказ: *«Телеграмма. Сольцы. Предрайсовета Баранову. Число возчиков лошаадьми мобилизованных новгородлеса мобилизуйте. Отправьте сдайте Парфино заильменской сплавконторе пятьдесят лошадей возчиками. Предоблисполкома Еремеев. 15/XII — 44 г.»*³. К 15 февраля 1946 года

³ ГАНО. Р-3711. Оп. 1. Д. 42. Л. 51.

предписывалось отправить в Дрегельский леспромхоз уже 74 человека.

Когда отец умер, проститься с ним пришли многие сольчане. Одна пожилая женщина встала перед гробом на колени и, кланяясь до полу, со слезами стала благодарить Дмитрия Алексеевича, что он пожалел её старую мать и малых детушек и не отправил её, санитарку больницы, на заготовки в Дрегли.

Вот когда откликнулся Дрегли в моей жизни. Но в первые послевоенные годы он откликался на карьере Дмитрия Алексеевича получением выговоров с занесением и без — за невыполнение распоряжений о мобилизации на лесозаготовки. А кого было мобилизовать? Почти все мужчины ещё на фронте, угнанное фашистами население не вернулось домой, оставались женщины с детьми и стариками...

Но прошло немного лет, вернулись честолюбивые фронтовики и не замедлили сдвинуть из административных рядов работника с наличием выговоров. Начались перемещения в гортоп, промкомбинат, бухгалтерию совхоза. Изрядно вредили отцу его доброта и доверчивость, которой не стеснялись пользоваться ушлые люди, подсовывая на подпись сомнительные документы. За растраты отцу приходилось расплачиваться... Любимым средством преодоления обид и потерь у русского человека испокон века остаётся гранёный стакан... Не обошёл он и нашу семью.

Болезненный удар нанесли отцу местные чиновники, когда тот уже был на пенсии. В 1969 году отмечалась 25-я годовщина освобождения района от фашистских захватчиков. Зал Дома куль-

туры был заполнен. Пришёл и отец. Ни в докладе, ни в выступлениях никто не упомянул имени первого послевоенного председателя райисполкома Д.А. Баранова. Был у меня порыв подняться на сцену и вспомнить этого человека. Но от сцены сидела далеко, пока доберусь, поднимусь на сцену — порыв и погас... Через год отца не стало. И всю жизнь ношу в душе свою вину, что не смогла защитить его доброе прошлое.

На склоне дней отца пришла по почте из Луги неожиданная радость: бывший партизан-подросток Алексей Дмитриевич Лапин, в то время работавший заместителем начальника Лужского отдела внутренних дел, разыскал своего наставника и прислал не привет — большое содержательное письмо. Он писал: *«С автором этих строк последний раз Вы встречались осенью 1942 года, т.е. 27 с лишним лет тому назад.*

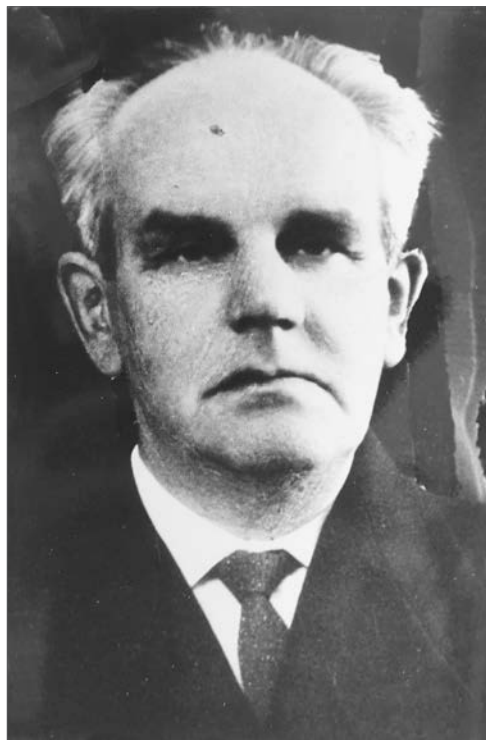
Долгие годы я вспоминал Вас добрым словом, и вот, наконец, решил установить Ваше местожительство.

Впервые мне довелось с Вами встретиться в 1941 году, когда Вы уже были партизаном, а я ещё только мечтал им стать. Хорошо помню, как по просьбе матери Вы отобрали от меня обрез, изготовленный из винтовки. Потом через Вас и других партизан я стал получать задания разведывательного характера. Первое такое задание я получил от Вас: в октябре месяце в числе других жителей д. Акулихи под видом закупки соли мне довелось съездить в г. Дно и установить место расположения крупного артиллерийского склада.

Справедливости ради следует отметить, что страху пережил с избытком,

но зато и склад был обнаружен, а затем уничтожен нашей авиацией...».

Отца вскоре не стало, и я уже сама поехала повидаться с Алексеем Дмитриевичем. Принял он меня очень радушно, и наше знакомство продолжилось до его ухода. А совсем недавно уже мой внук Александр разыскал в Луге внучку Лапина Надежду. Она передала ему копию письма, которую отец успел написать младшему товарищу 4 мая 1970 года: «Дорогой Алексей Дмитриевич! Очень меня, старика, порадовало твоё письмо. Верно, что гора с горой не сходятся, а человек с человеком когда-либо и встретятся. Я из войны вышел 28 февраля 1944 года, до этого был в 12-й бригаде, где командиром был А. Поруценко, а я комиссаром в полку им. Медведева. Меня направили работать в Солецкий район на советскую работу /пред. Райисполкома/, где я работал три года, а потом на разных работах... В жизни много пришлось пережить и заслуженной, и незаслуженной обиды и радости, но это прошлое. В 1966 году ездил с семьёй в Дедовичи на встречу партизан в связи с 25-летием Партизанского Края. Там решили: кто будет жив, собраться в 1971 году, в 30-летие Края. Был на открытии памятника в Железницах... Надеюсь, что ты читал книгу Ивана Виноградова "Дорога через фронт", где он пишет о делах 2 п/бр, а главное — об организации обоза. Вот только обидно делается, что с годами организацией нашего обоза начинают просто спекулировать те, кто тогда "не был, не принимал участия", не нюхал пороха, а тоже кричит "Ура!". Читаешь новгородцев так они, мол, инициаторы этого обоза, читаешь псковичей, так выходит они, а точно, так иници-

Дмитрий Алексеевич Баранов.
1969 г.

аторы: Васильев, Орлов, Асмолов, Поруценко, Петрова, да мы непосредственные исполнители и организаторы... Да, стали нас, стариков, как-то не замечать, проходят мимо. Привет семье, а тебя искренне обнимаю».

Моя журналистская практика не раз приводила меня в Солецкий район. Беседа с пожилыми жителями того или иного села непременно выходила на трудные годы восстановления. Стоило назвать фамилию Баранова, и лица людей освещались доброй улыбкой: «Ну как же, Алексеич...».

Как-то мне надлежало подгото- вить беседу с председателем колхоза

им. М.И. Калинина — Герою Социалистического Труда Пелагеей Никитичной Прокофьевой. Отправляться надо было в Дуброво, для компании взяла с собой дочь — жизнь посмотреть. Явились мы не ко времени — хозяйка только что вернулась из Новгорода, предстояло обрядить скотину, подоить корову, а здесь какие-то гости. Совсем не до них.

— Вы уж простите, — пыталась я смягчить ситуацию. — Я у окна здесь присяду, задам несколько вопросов, а вы, по возможности, ответите, расскажете основное...

Женщина, привыкшая к подобным вопрошателям, обречённо вздохнула и загремела чугунами и кастрюлями, ожидая вопросы. Вспоминая начало своего председательского служения, она стала рассказывать о стариках и женщинах, с которыми ей пришлось начинать весеннюю пахоту 1944 года.

— Мне это известно, — вздохнула я. — Отец рассказывал.

— А кто твой отец? — встрепенулась собеседница.

— Баранов...

— Дмитрий Алексеевич?! — всплеснула женщина руками. — Да что же ты сразу-то не сказала? Дмитрий Алексеевич! Дмитрий Алексеевич!

Чугуны и вёдра были сразу отставлены, а быстрый ухват стал доставать из печи чугульки со щами, тушёной картошкой, нашлись даже пироги. Всё это разместилось на гостеприимном столе. Сидели мы не один час. Пелагея Никитична вспоминала далёкие годы своей молодости, когда её, 22-летнюю трактористку, выбрали председателем колхоза.

— А кого ещё? Мужчины на войне, одни старики, женщины и дети. Население боится возвращения немцев и не решается выйти из леса, из своих землянок. Мы с Дмитрием Алексеевичем...

Очень согрела моё сердце эта бесхитростная беседа.

Бескорыстно и щедро отдавал мне отец любовь и заботу о здоровье и развитии, и они, как библейские хлебы, сейчас возвращаются моей благодарной памятью.

Валентин Папешин

**«ОН БЫЛ ИДЕАЛЬНЫМ ИСПОЛНИТЕЛЕМ,
СПОСОБНЫМ ВОПЛОТИТЬ В ЖИЗНЬ
ГРАНДИОЗНЫЕ ПРЕДНАЧЕРТАНИЯ»***

Эпизоды биографии графа А.А. Аракчеева

Аракчевы вели свой дворянский род от новгородца Ивана Степановича Аракчеева, которому в 1684 году были пожалованы вотчины в тогдашней Новгородской губернии в Бежецком уезде. Как считал в XIX веке исследователь новгородской истории Николай Карлович Отто, предками Аракчевых были выходцы из татар, и он находил даже в лице Алексея Андреевича восточные черты¹. Все предки А.А. Аракчеева служили военному делу и были известны как храбрые офицеры.

Отец его — Андрей Андреевич Аракчеев, служил в гвардии в Преображенском полку. После манифеста 1762 года, освободившего дворян от обязанности службы, вышел в отставку в чине пору-

чика и уехал в своё маленькое поместье с двадцатью крепостными — село Гарусово в Вышневолоцком уезде. Здесь 23 сентября 1769 года родился сын Алексей, будущий граф Алексей Андреевич Аракчеев. Затем появились на свет ещё два сына: Пётр и Андрей. Отец Алексея, по рассказам соседей, был добрым человеком и обращался со своими крепостными без жестокостей.

Мать Алексея — Елизавета Андреевна Аракчеева, урождённая Ветлицкая, отличалась необычайной аккуратностью в делах и любовью к чистоте и заслужила прозвище «голландка». От матери маленький Алексей на всю жизнь унаследовал трудолюбие и любовь к чистоте, опрятности, порядку.

* Фёдоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997.

Лампи И.Б.
 Портрет Аракчеева А.А. Конец XVIII в.
 НГМ КП 17823 РЖ-14

Неизвестный художник.
 Портрет Аракчеевой Е.А. XIX в.
 НГМ КП 17821

В 11 лет Алексей встретился в гостях с сыновьями соседского помещика Корсакова — кадетами Артиллерийского и инженерного шляхетного корпуса². Мальчику так понравилась форма и разговоры юных кадетов о пушках, стрельбах и походах, что он уговорил отца отдать его на обучение в этот корпус. Зимой 1782—1783 года начались сборы, запасались продовольствием, копили деньги, продали даже две коровы³.

Приехав в Петербург в начале января 1783 года, отец и сын сняли комнату на постоялом дворе, подали прошение о приёме, и только 28 января оно было принято. К несчастью для них старый начальник корпуса генерал Мордвинов незадолго перед тем умер, а новый — генерал П.И. Мелиссино — ещё не был

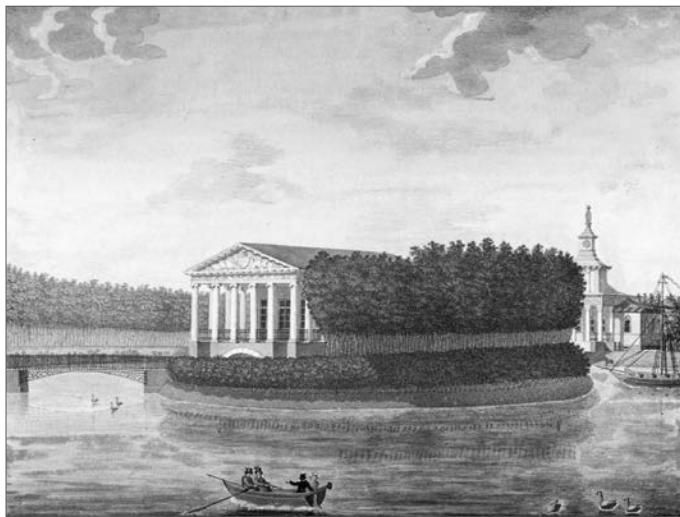
утверждён. Более полугода жили они в Петербурге, ожидая решения о зачислении Алексея в корпус. Когда деньги кончились и питаться приходилось один раз в сутки, начали продавать зимнюю одежду. Кончились и эти деньги, и отец с Алексеем были вынуждены идти просить милостыню к митрополиту Гавриилу, который выдал им серебряный рубль. *«Когда мы вышли на улицу, — вспоминал потом граф А.А. Аракчеев, — отец мой поднес этот рубль к глазам, сжал его и горько заплакал. Я тоже плакал, глядя на него. С этим рублем втроем с нашим служителем мы прожили десять дней»*. Был потрачен и он. При очередной встрече с генералом Мелиссино маленький Алексей со слезами стал просить о приёме его в корпус. На этот раз рыда-

ния мальчика, слёзы на глазах отца остановили директора. Он спросил, как их фамилия и когда подана просьба, затем вернулся в свои покои и вынес записку о зачислении Алексея Аракчеева в корпус.

«Этот урок бедности и беспомощного состояния сильно подействовал на меня», — говорил граф А.А. Аракчеев. Впоследствии он строго следил, чтобы поступающие на его имя прошения не откладывались в долгий ящик и предоставлялись ему на рассмотрение

и резолюцию незамедлительно. В знак признательности к П.И. Мелиссино граф А.А. Аракчеев в своём имении Грузино на одном из островов воздвиг павильон в честь директора корпуса.

В кадетском корпусе Алексей Аракчеев проявил большие способности, особенно в артиллерии и математике, отличался серьёзным отношением к учёбе и дисциплиной, и уже через семь месяцев его перевели в старшие классы, несмотря на слабое первоначальное домашнее образование. *«Аракчеев в 15 лет всякое приказание исполнял буквально, круто поворачивал подчиненных и тычков не щадил. Начальники осыпали его громкими и общими похвалами»*⁴. Товарищи же его не любили за грубость и резкость. За успехи в учёбе 9 февраля 1784 года Алексей Аракчеев был произведён в капралы, а 27 сентября этого же года — в сержан-

«Вид Храма на острове, посвященного Генералу Мелиссино.
Рисовал на камне Архитектор Семенов. 1822 г.»
Из альбома «Виды села Грузина»

ты. В августе 1786 года он был награждён золотой медалью за отличную успеваемость, а 17 сентября следующего года выпущен из корпуса в чине поручика армии. Его оставили в корпусе преподавателем арифметики, геометрии и артиллерии и поручили заведовать корпусной библиотекой. О способностях Аракчеева в учёбе говорит факт, что, кроме него, из всего выпуска получили золотые медали и были выпущены в чине поручика ещё два кадета — Фёдор Карамзин и Василий Хотяев. Эти двое также были оставлены в корпусе преподавателями.

Во время войны со шведами в 1789 году А.А. Аракчеев много времени уделял повышению своей подготовки в стрельбе из орудий, готовил из рекрут прислугу для артиллерии, обучал их строевой выправке, занимался в химической лаборатории, улучшая состав

Лампи И.Б.
 Портрет графа А.А. Аракчеева.
 конец XVIII в.
 НГМ КП 11657 РЖ-12

пороха, написал для вновь набираемых артиллеристов «Краткие артиллерийские записки в вопросах и ответах»⁵.

Следующий этап службы А.А. Аракчеева наступил в 1792 году, когда 4 сентября его отправили в Гатчину к великому князю Павлу Петровичу. Здесь А.А. Аракчеев назначается командиром артиллерийской роты с присвоением ему звания капитан артиллерии. Он быстро заслужил доверие наследника своим знанием дела, дисциплиной, трудолюбием и разрешение находиться с ним за обеденным столом без особого приглашения.

Алексей Андреевич со свойственной ему наблюдательностью и умом быстро усвоил гатчинские порядки, отличавшиеся грубостью и жестокостью,

«Краткия артиллерийския записки...»
 СПб., 1789.
<https://kp.rusneb.ru/item/reader/kratkiya-artilleriyskiya-zapiski>

но держался особняком от окружения Павла Петровича и офицерской среды, близко ни с кем не сходилась. В начале 1796 года он назначается инспектором гатчинской артиллерии и пехоты и одновременно — гатчинским губернатором, ему присваивается звание полковника. Позже А.А. Аракчеев так вспоминал об этом периоде: «В Гатчине служба была тяжелая, но приятная, потому что усердие всегда было замечено, а знание дела и исправность отличены».

Павел I назначает А.А. Аракчеева командантом Санкт-Петербурга. Должно-

сти и ордена сыплются на него дождём: 12 декабря 1796 года ему пожалована Грузинская волость с 2000 душ крепостных, 5 апреля 1797 года император возводит его в баронское звание и собственноручно вписывает в герб девиз «*Без лести предан*», осмеянный впоследствии современниками, 5 мая 1799-го получает титул графа. Но за период правления Павла I Аракчеев не только получал награды, но и дважды попадал в опалу. Первый раз за грубость с подполковником Леном, который из-за этого застрелился, второй — из-за попытки заступиться за своего брата Андрея, чьё имя было связано с мелкой кражей в арсенале.

Затем последовала отставка А.А. Аракчеева с должности инспектора артиллерии по донесению генерал-лейтенанта Амбразанцева, вскоре занявшего его место. Главным военно-судным управлением было возбуждено дело по обвинению Аракчеева в покупке 242-х артиллерийских лошадей, многие из которых были больны, и плохой конной амуницией, в превышении суммы расходов для архитектора Демерцова на ремонт казарм и строений гвардейского батальона. Дело, однако, до суда не дошло, поскольку А.А. Аракчеев на все четыре пункта обвинения представил исчерпывающие объяснения, из которых следовало, что он никакого ущерба казне не нанёс. Приведённые факты подтвердились, и Павел I «*повелеть изволил дело сие отставить*»⁶. Последняя отставка А.А. Аракчеева продолжалась с 1799 по 1803 год. Всё это время он посвятил обустройству своего нового имения Грузино.

Значительная часть исследователей негативно оценивает этот период дея-

Герб рода графа Аракчеева.
Общий гербовник дворянских родов
Всероссийской империи. Часть 4

тельности Аракчеева: основной упор делается на строгой системе наказаний, тяжести крестьянского труда, многочисленных случаях заболеваний крестьян, занятых на работах в усадьбе, усилении их эксплуатации. Не отрицая справедливость этих суждений, следует отметить, что хозяйственная деятельность графа имела и положительное значение для крестьян его вотчины. Изучение архивных материалов показывает, что граф Аракчеев, будучи сторонником жёсткого порядка и телесных наказаний крепостной системы, проявлял заботу о своих крестьянах.

Грузинская вотчина, при получении её во владение Аракчеевым, представляла собой обычную русскую расхлябанную деревню. «*Селение сие было самое безобразное, а при том чрезвычайно стесненное. Все жители помещались на одной только части горы, а почему*

Малиновский Ф.
Историческое описание села Грузино.
М., 1816 г.
НГМ КП 35280/100 КГД-990

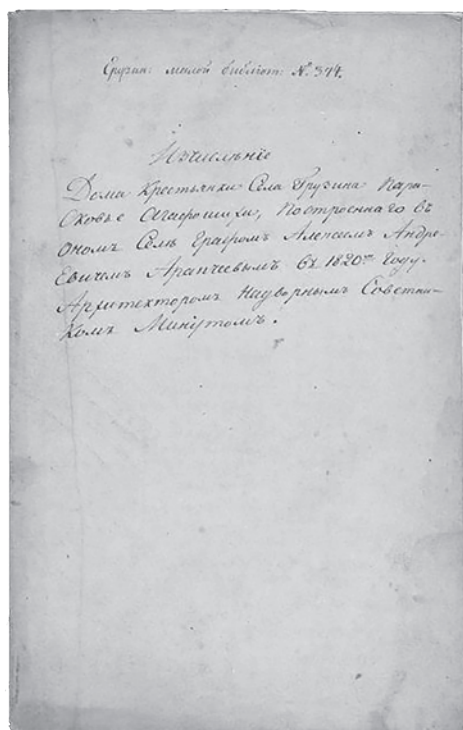
не имели ни пространных дворов для скотоводства, ни огородов для произрастания овощей, ни чистых улиц для удобного прохождения, но среди лета всегдашняя грязь и нечистота в Грузине», — писал первый историк Грузина Фёдор Малиновский⁷. В таком же состоянии были и другие деревни, окружавшие Грузино.

Свои преобразования А.А. Аракчеев начал с села Грузино, переселив жителей в другое, более удобное место. В даль-

нейшем его также называли Поличкой. Здесь для крестьян были выстроены новые дома, крытые не соломой, а железом, и выкрашенные краской, с целыми стёклами в окнах. Правда, новгородский краевед Николай Гаврилович Богословский в 1880-е годы писал, что «материал был сырой и большей частью дрянной. Фундаменты копались только на полторы четверти, оттого их всякую весну распирало и бедные мужики должны были постоянно смазывать глиной. Лес, как только выкатывался из воды, тотчас же шел на постройку, оттого все дома были сыры и холодны»⁸. По утверждению этого же автора, Аракчеев брал за строительство дома от 700 до 3000 рублей ассигнациями. Если крестьянин не мог заплатить назначенной ему суммы, то его переводили в другую деревню, где стоимость дома оценивалась меньше, а на его место переводили более трудолюбивого крестьянина. Поскольку все дома в Грузине оказались заселены, надо полагать, что крестьяне сумели расплатиться с хозяином усадьбы, зарабатывая себе деньги на различных хозяйственных работах по усадьбе, оплачиваемых графом, или посторонних подрядках, вроде устройства дороги от Чудова до Грузина, строительства шоссе Москва — Санкт-Петербург и других. В дальнейшем, начиная с 1821 года, дома в Грузине сооружались по образцу дома крестьянки Агафошихи, построенному домашним архитектором графа Аракчеева Александром Ивановичем Минутом⁹. Если крестьянину денег на постройку дома не хватало, Аракчеев давал ему денег в долг. Часто он продлевал срок выплаты ссуды крестьянам, не сумевшим вовремя расплатиться. Судя

по архивным документам, суммы стоимости домов, указанных Н. Богословским, являются сильно завышенными. Так, в списке крестьян села Грузино, с которых графу следовало получить в 1825 году деньги за строительство домов, фигурируют цифры от 141 рублей 75 копеек (стоимость дома крестьянина Василия Абросимова) до 750 рублей (стоимость дома крестьянина Ссорима Мещанского). Из 14 крестьянских семей расплатились полностью восемь, пять остались должны меньше половины суммы, и только одна задолжала более половины. Из этих шести крестьян одному, стоимость дома которого была оценена в 400 рублей, выплату оставшейся суммы А.А. Аракчеев продлил ещё на три года, четырёх были выданы деньги из мирского заёмного банка¹⁰.

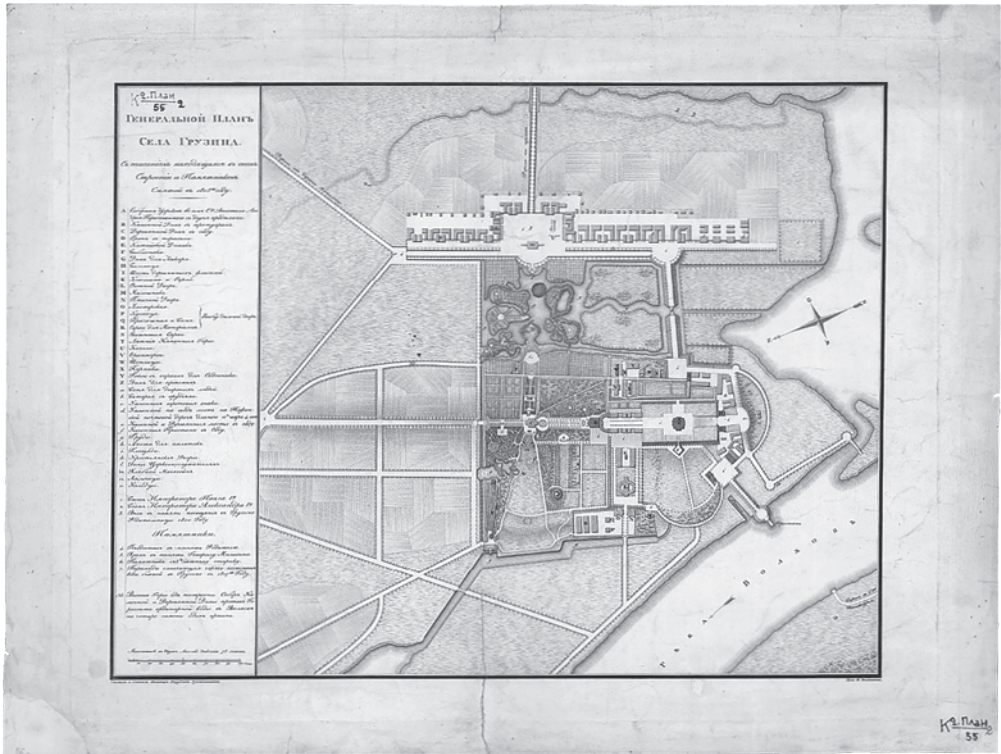
В 1821 году А.А. Аракчеев написал «Правила хозяевам о содержании домов, вновь выстроенных в селе Грузине 1821 года», где подробно излагались работы по содержанию их и прилегающей территории в чистоте и порядке. Все эти работы должны были производиться за счёт хозяев дома. За невыполнение этих правил в первый раз виновный «наряжался» на работу в сад. За второе нарушение провинившийся подвергался телесному наказанию. Если же кто из хозяев в течение нескольких лет был замечен в небрежности и нерадивости в содержании дома, то граф выплачивал ему деньги за дом и переводил в дальнюю деревню, где тот мог купить новый дом. Кроме этих провинностей, «ни по какому случаю не может хозяин терять свой дом, а принадлежит ему и наследникам его на вечные времена»¹¹. То есть

«Исчисление дома» крестьянки Прасковьи, построенного в селе Грузино. 1820 г. НГМ КП 29183/15. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 15

единственным требованием Аракчеева к крестьянину было поддержание дома и территории в чистоте и порядке — к чему он всю жизнь приучал своих крестьян, отвыкших от порядка за время, когда Грузинская волость находилась в ведении Экономического комитета.

Ещё одной заботой графа были дороги. В Грузинской волости, особенно в части, расположенной вблизи Волхова, с его широким разливом и затоплением большей части прибрежной поймы, дороги превращались в непролазную грязь. В 1804 году «лежащая через оное

«Генеральной план села Грузина: с описанием находящихся в оном строений и памятников, снятой в 1815 году / снимал и сочинял инженер поручик Рукавишников; гравировал Иван Калпаков. СПб., 1815».
<https://kp.rusneb.ru/item/reader/generalnoy-plan-sela-gruzina>

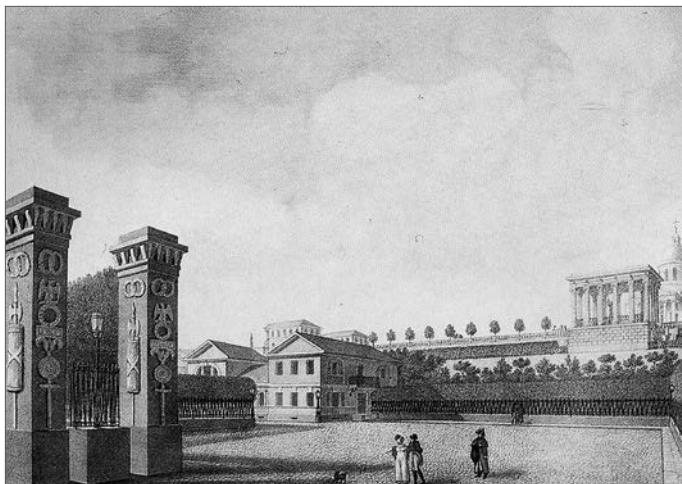
село к Тихфину дорога с обеих сторон окопана двойными каналами, вынятую землю возвышен и просажена березовым просадом»¹². С этого времени закипела работа по устройству дорог ко всем деревням владений Аракчеева, для чего привлекались как крестьяне, так и солдаты дорожного батальона. Учитывая тяжелейшие условия, Аракчеев издал такое распоряжение: «Если же случатся жестокие морозы, то в таковые дни и работ не быть, дабы не изнурять людей»¹³.

При устройстве своего имения А.А. Аракчеев сразу увеличил площади пашенной земли, вырубая для этого плохие леса, осушая болотистые земли. Он позаботился и о выделении крестьянам сенокосных угодий, которые в 1802 году составили более 1773 десятин, в то время как господский, то есть графский, сенокос составил 223 десятины¹⁴. Аракчеев добивался от крестьян улучшения качества обработки земли. К сожалению, не удалось найти данных по урожайности зерновых культур в вотчине, но имеются

сведения об урожайности на господских полях, вероятно, не слишком сильно отличающейся для других полей. Так, в 1825 году было посеяно 14 мер ржи, а вымолочено — 153 меры; овса — 128, а вымолочено — 576 мер¹⁵. В управлении вотчиной Аракчеев руководствовался следующими, им же установленными правилами: *«1. Не мыслить о своем обогащении, а более всего заботиться о благосостоянии крестьян, вверенных Богом и правительством его попечению.*

2. Доходы, с них получаемые и составляемые всегда ценою их пота и крови, обращать главнейшее на улучшение их же положения». В одном из писем Александру I он отмечал: *«Постоянство в правилах считаю я первую добродетелью»*¹⁶.

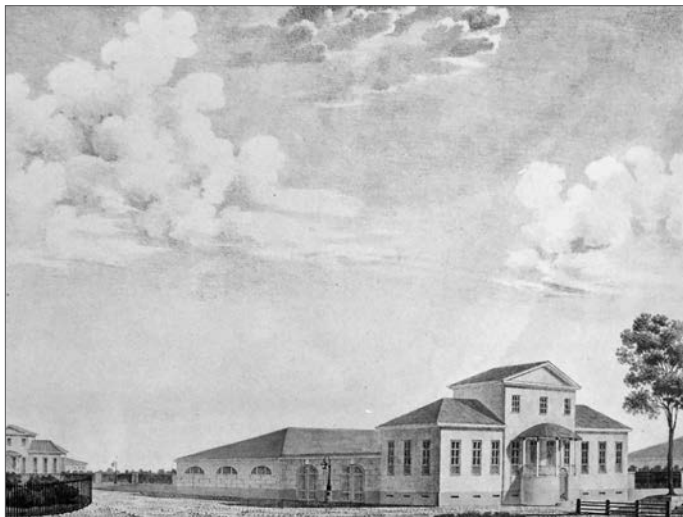
Придерживаясь этих правил, Аракчеев старался улучшить положение своих крестьян, поощряя их к покупке скота и лошадей. Бедным крестьянам он суживал деньги на покупку коров и, если те не могли вовремя расплатиться, он, обычно, продлевал срок выплаты, иногда даже прощал такой долг. Но, бывало, прощал и «в своём стиле» — *«простить, но больно высечь».* Отчасти приобретению крестьянами скота способствовало его «Положение о напитках». Крестьянину разрешалось покупать у графа на «мызе», как он называл свой дворец, по ¼ штофа вина за каждую корову к празднику,

«Вид Площади у моста при въезде от Города Тихвина.
Рисовал на камне Архитектор Семенов 1821 года».
Из альбома «Виды села Грузина»

а к свадьбе — по полуштофу. У Аракчеева было заведено ещё такое правило: если у крестьянина было земли на две души, он обязан был держать не менее четырёх дойных коров, на три души — шесть коров и далее¹⁷. Так, на 1 января 1822 года в селе Грузино на 26 семейных домов приходилось 79 рабочих лошадей и 202 коровы, в селе Оскуй — на 52 дома соответственно 178 и 330, в деревнях: Выя — на 17 домов 38 и 107, Переход — на 43 дома — 109 и 249, Мелехово — на 18 домов — 46 и 117, Сиворы — на 7 домов — 23 лошадей и 66 коров¹⁸. На 1 января 1826 года во всех селениях вотчины насчитывалось 1469 лошадей, 5055 коров и 2780 овец¹⁹.

Аракчеев помогал крестьянам и в моменты стихийных бедствий. От пожара 3 мая 1805 года выгорело дотла село Оскуй, в огне погибла и деревянная церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

«Вид крестьянских домов в селе Грузине.
Ри[совал] на кам[не] Архи[тектор] Иван Семенов в 1824 г.»
Из альбома «Виды села Грузина»

Граф выдал оскуйским крестьянам в долг денег на постройку новых домов, закупил и раздал погорельцам муку и хлеб, а также приобрёл лес для строительства. Многим из крестьян он впоследствии эти долги простил. А в 1812 году на месте сгоревшей он выстроил на свои средства новую каменную церковь. Позже вокруг неё была установлена красивая металлическая ограда. Весна 1807 года была памятна грузинским жителям небывалым паводком на Волхове. Из всех деревень остались не залитыми водой только село Оскуй и деревни Лисино, Озерово и Завижа. Размыло все пашни, сенокосы, скотомогильники — трупы павших животных плавали по воде. И в этом случае Аракчеев взял убытки крестьян на себя. Он барками покупал хлеб и раздавал его нуждающимся крестьянам в долг на три года по той же цене, за какую был

куплен. Всего было роздано 5050 кулей хлеба, а многие бедные крестьяне вовсе были освобождены от долга. Также граф купил и раздал свыше 200 коров и более 100 лошадей с отдачей денег на тех же условиях²⁰. В память об этом наводнении А.А. Аракчеев на одном из островов своих «извивистых прудов» поставил пирамиду с отметкой уровня поднятия воды.

Ещё одно стихийное бедствие случилось 18 июня 1814 года, когда сильным градом побило

рожь у крестьян села Оскуй. Аракчеев вновь купил крестьянам хлеб «с *отсрочкой платы*», а 43 куля безвозмездно раздал бедным²¹.

Владелец имения старался поднять уровень жизни бедных крестьян всеми возможными способами. Такими были осмеиваемые многими его «Правила о свадьбах». Один из пунктов «Правил» гласил, что «*для общей пользы крестьянского состояния стараться свадьбы соглашать, дабы богатые невесты выходили замуж в бедные семейства, а женихи богатых семейств брали бы дочерей из бедных семейств*». Другим пунктом предписывалось докладывать графу о «*глупых девках и девках дурного поведения, дабы оных не выдавать замуж, в особенности в бедные семейства или в одинокие, где ей приходится занимать место хозяйки*». «Правила» предписыва-

ли Грузинскому голове строго наблюдать, «дабы в бедные и одинокие семейства, особливо за сирот, выдавать девок лучшего поведения и хороших хозяек». Старшинам деревень граф наказывал смотреть, чтобы на свадьбах в бедных семействах «не было бы ничего излишнего и чтобы не платили дорого церковникам за свадьбу, дабы сим оным не подвергать оное семейство еще больше бедности»²².

Вспышка оспы 1804 года в Грузине, унёсшая жизнь ни одного ребёнка, побудила графа обратить внимание на состояние здоровья своих крестьян. Он принял к себе на службу лекаря, построил в 1804 году госпиталь и аптеку. Крестьяне его вотчины лечились в госпитале бесплатно, также бесплатно выдавались им и лекарства в аптеке. Кроме того, лекарь обязан был делать регулярные объезды деревень, лечить не опасно больных крестьян на дому, бесплатно делать прививки против оспы всем малолетним детям. В течение десяти лет, начиная с 1804 года, оспа была привита 1387 младенцам. Ежемесячно лекарь давал графу отчёт о количестве умерших и больных в госпитале, деревнях и какими болезнями болеют крестьяне. Например, в январе 1818 года в госпитале находилось 27 больных «горячками» и один «ломотой». В деревнях 11 человек болело «горячками», «старо-

«Вид крестьянского Дома в селе Грузине.

Р[исовал] И. Семенов.

Из альбома «Виды села Грузина»

стью и дряхлостью» — четыре человека, один — «ожогом», два — «ранами». В этом месяце в госпитале умерло три человека, в деревнях — четыре²³.

Историк Н.И. Яковкина утверждает, что наиболее распространённое в Грузине заболевание «нервной горячкой» являлось следствием «страшного морального гнета, тяготевшего над крестьянами Грузина»²⁴. Хотя, согласно отчёту лекаря Ягодинского за 1825 год, в госпитале на излечении находилось только два человека с «ранами после наказаний». А ведь это был самый тяжёлый год для Аракчеева, год, когда дворовые люди зарезали его любовницу и когда скончался его благодетель — император Александр I.

Исследователи, говоря о моральных устоях, приводят в пример запрет в Грузине собираться на посиделки и петь

— 275 —

твѣ, въ чемъ онъ самъ былъ виноватъ, то ты сбери свѣжыхъ, деревень на грузино по мужику и въ прихвѣрь другимъ при ономъ собраніи его хорошенько высжи, дабы-виредъ, таковыхъ шалостей недѣлать, и тѣмъ бы мою вотчину не безчестилъ, ибо одинъ шалунъ другякъ мараеть,

ПРАВИЛА ОСВАДЬБАЖЪ.

21 Марта 1805 года.

Составлены Графомъ Аракчеевымъ.

1.-е) Новые списки составляются всегда головою въ Генварѣ мѣсяцѣ и представляются Графу по формѣ усега предлагаемой за подписью Головы и помощника его.

2.-е) По преставленіи къ Графу, оныя списки записываются въ журналъ наступающаго года, отдаются съ роспискою карандашомъ тому, кому поручено провзвѣшивать оныя и молить въ заповѣдѣ Господнихъ.

3.-е) Оныи взаимно дѣлать въ теченіи великаго поста въ то время, когда онѣ говѣютъ и отмѣчать въ спискахъ о знаніи молить и заповѣдѣи завѣденымъ порядкомъ.

4.-е) На святой недѣли въ первые два дни представляются Графу обратно оныя списки, по коимъ спискамъ Гравъ приписываетъ головѣ представить всѣхъ оныхъ людей на смотрѣ.

5.-е) При написаніи списковъ голова обязанъ въ оныхъ спискахъ отмѣчать: 1.-е кто именно написанъ въ списки объ прошлагодишнихъ; 2.-е означать кто находится на очереди рекрутской. 3.-е Кто изъ оныхъ людей изъ большихъ семействъ можетъ быть отданъ въ домъ по надобности въ наслѣдникахъ.

6.-е) Послѣ Графскаго разрѣшенія всѣ свадьбы дѣлаются послѣ святой ѡдѣян до тронцана дни, къ коему времени должны быть свадьбы окончены.

7.-е) Послѣ Графской резолюціи списки должны находиться у головы съ отмѣткою на журналъ.

4*

Новгородский сборник. Вып. 4.
Новгород, 1866.

песни. Однако из «Правил о поседках», разработанных графом А.А. Аракчеевым²⁵, узнаём, что такого категорического запрета не было: на поседки разрешалось собираться только жителям одной деревни, и проходили они под наблюдением специально назначенных графом стариков, а запрещалось ходить дворовым людям, матросам яхты «Волхов» и мастеровым солдатам.

Возвращаясь к показателям рождаемости и смертности по Грузинской вотчине, отметим, что имелись значи-

тельные колебания. В отдельные годы рождаемость превышала смертность, например, в 1810 и 1820 годы более чем на 100 человек, в 1817 — на 78, в 1814 и 1816 годы — на 76. В другие — смертность превышала рождаемость. Убыль населения в 1812 году составила 7 человек, в следующем — 33, в 1818 — 13, а в 1823 — 17 человек²⁶. В 1825-м в Грузинской вотчине умерло 208 человек, в том числе 98 мужчин и 110 женщин; родилось 116 мальчиков и 128 девочек²⁷.

Случавшиеся в Грузинской волости неурожаи побудили Аракчеева открыть в Грузии запасные хлебные магазины — мирской и господский, пожертвовав на закупку хлеба для них свои деньги, и завести общественную запашку. Из этих магазинов крестьяне при необходимости могли брать рожь или овёс с последующей отдачей. Крестьяне широко пользовались этими магазинами, о чём, например, говорит количество взятого в 1825 году на еду и посев зерна: 728 четвертей 6 мер ржи, 2063 четверти овса. Большую часть зерна в этом же году крестьяне вернули: 740 четвертей ржи и 2081 овса. Часто в отчёте о состоянии запасных хлебных магазинов встречаются записи графа о прощении крестьянам старого долга. Так, крестьянину деревни Хотитово Ивану Новожилову дано 7 четвертей 4 меры овса безвозмездно, а прощено старого долга Афоне Степанову из Некшина — 2 четверти, Василию Ефстафьеву из Сиворы — 4 четверти 7 мер²⁸.

Ещё одним полезным новшеством для крестьян явилось учреждение Аракчеевым в июне 1820 года мирского банка, для которого он пожертвовал 10 000 рублей ассигнациями, составил и отпеча-

тал «Положение о заемном банке для крестьян Грузинской вотчины». По словам Н.К. Отто, крестьяне с благодарностью вспоминали, что они могли брать деньги в банке без процентов. Ссуда предоставлялась на такие хозяйственные нужды, как покупка лошади и коровы, соответственно 160 и 40 рублей, постройка — 150 рублей, еда — 50.

Крестьяне не только брали ссуду в банке, но и хранили здесь свои сбережения. Некоторая сумма денег в банке предназначалась для выдачи бедным крестьянам, в том случае, если они не могли вовремя вернуть долг. По отчёту за январь 1826 года в банк поступило 5291 рубль 19 копеек, получено долга с крестьян — 450 рублей, остаток средств составил 8846 рублей 80½ копейки. Всего наличности в январе в банке было 14 587 рублей. Статьи расходов на общую сумму 2497 рублей 9 копеек были следующими: крестьянам в заём — 300 рублей, возврат хранившихся в банке денег крестьянина деревни Щетино Фомы Андреева — 630 рублей 55 копеек, отчисление денег бывшего дворового человека Семёна Алексева — 1178 рублей 31 копейка²⁹. Оставались в банке и долги за крестьянами. Например, в 1824 году это — 612 рублей 50 копеек, в 1825 — почти в два раза больше — 11 075 рублей, а за отпущенную в долг графом муку они задолжали соот-

Кабинет графа Аракчеева А.А. в с. Грузино.
С негатива 1930-х гг. 1950-е гг. НГМ НВ 7160/1-2

ответственно 650 и 1680 рублей. Капитал на помощь бедным крестьянам насчитывал 900 рублей 39 копеек, Грузинскому госпиталю — 18 000 рублей. В целом денежный оборот банка, с учётом капиталов в виде ценных бумаг, составлял — 205 955 рублей 98 копеек³⁰. За внесённые на сохранение деньги в банк крестьянам начислялось 8% годовых. В феврале 1826 года сумма средств, внесённых в мирской банк крестьянами и дворовыми людьми графа Аракчеева, достигла 12 449 рублей 20½ копеек³¹, в марте увеличилась почти на две тысячи рублей³².

Большое и сложное хозяйство Грузинской вотчины, любовь и привычка к строжайшей экономии и педантизм её хозяина требовали многочисленных отчётов, рапортов и иных документов. На это у Аракчеева была заведена специальная канцелярия. Здесь хотелось бы сказать о различных «Положениях»,

«Инструкциях», введённых им в практику. Считается, что было разработано очень много регламентирующих документов, однако все инструкции и положения были вызваны теми или иными жизненными обстоятельствами, написаны простым языком, не содержат каких-либо особых требований, усложняющих жизнь крестьян.

С оглядкой на богатых помещиков А.А. Аракчеев собрал оркестр и хор пев-

махеров, садовников, портных, за что Аракчеев обещал им платить двойное жалованье.

Среди дворовых людей оказались и очень способные, и талантливые. Так, управляющий мирским банком Семён Алексеев обладал красивым почерком, играл на скрипке и других музыкальных инструментах. Иван Семёнов из деревни Хотитово был отдан А.А. Аракчевым в Академию художеств, которую

окончил с серебряной медалью, отличался высоким архитектурским талантом.

Кроме обширной и регламентированной системы наказаний, у Аракчеева имелись и некоторые виды поощрений для крестьян. Так, он положил 10 000 рублей в Грузинский мирской банк с тем, чтобы проценты с них (а это составляло 500 рублей) были отданы двум лучшим крестьянам — местным хозяевам, и одной *«девушке примерного поведения»*.

Музыкальный флигель в бывшем имении графа А.А. Аракчеева в с. Грузино. С негатива 1930-х гг. 1950-е гг. НГМ НВ 7189/1-2

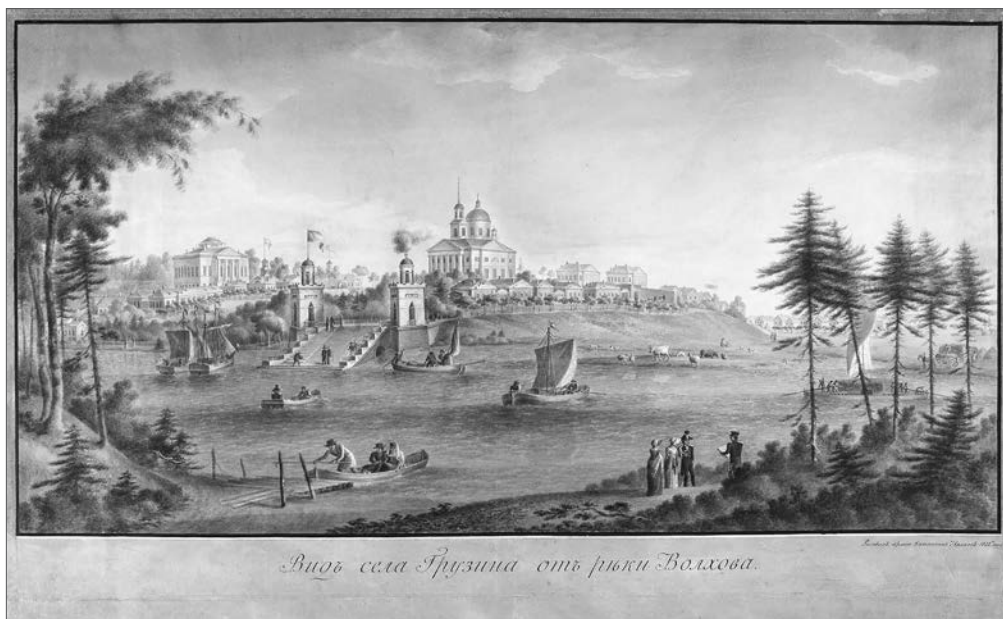
чих из своих дворовых людей. В течение четырёх лет он истратил около четырёх тысяч рублей на приобретение музыкальных инструментов для оркестра, среди которых было даже фортепиано. Музыке дворовых обучали капельмейстеры Собек, Калливода, Дерфель и Фукс. В свободное от музыкальных занятий время дворовые исполняли свои основные обязанности писарей, парик-

Благодаря тяжёлому и упорному труду не только крепостных людей, но и самого графа, Грузино в кратчайшее время было превращено в одну из лучших в России помещичьих усадеб.

Говоря о хозяйственной деятельности А.А. Аракчеева, можно согласиться с Н. Полевым, который писал, что *«между бывшими крестьянами графа А.А. Аракчеева много сохранилось о нем*

рассказов и преданий, и надо сказать правду — простой русский народ относится к его памяти гораздо мягче и человечнее, нежели большинство тех представителей интеллигенции, которые до сих пор принимались у нас в печати говорить об А.А. Аракчееве. Народ, вспоминая о суровых взысканиях А.А. Аракчеева "за всякую провинность",

отзывался о нем, что "строг был немилосердно", но отдает полную справедливость ему в том, что он "многому добру научил". И действительно, быт грузинских крестьян даже и теперь еще носит на себе следы той школы, которую пришлось пройти крестьянам графа, и во многом отличается от быта соседних волостей»³³.

¹ Отто Н. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и новая Россия. 1875. № 1. С. 95.

² Двойное название этого военного учебного заведения, очевидно, ввело в заблуждение С.В. Мироненко, т.к. он считает, что Аракчеев закончил два кадетских корпуса — Шляхетский сухопутный и Артиллерийский. См.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 40. Артиллерийский и инженерный шляхетный корпус был основан в 1762 г. См.: Ратч В.Ф. Сведения о графе А.А. Аракчееве, собранные Василием Ратчем. СПб., 1864. С. 19.

³ Ратч В.Ф. Указ. соч. С. 10.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Там же. С. 42. Ранее эта брошюра приписывалась П.И. Мелиссино.

⁶ Соколовский М. Аракчеев под следствием // Русская Старина. 1908. Т. 134. Вып. 4–6, май. С. 316–323.

⁷ Малиновский Ф. Историческое описание села Грузина, собранное из достоверных повествований и собственных наблюдений по 1816 год. М., 1816. С. 33.

⁸ Богословский Н.Г. Аракчеевщина. СПб., 1882. С. 10.

⁹ Изчисление дома крестьянки села Грузина Прасковьи Агафошихи, построенного в оном селе графом А.А. Аракчеевым в 1820 году архитектором надворным советником Минутом. НГМ КП 29183. ИП 2524.

¹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 29. Д. 11. Л. 55.

¹¹ Богословский Н.Г. Указ. соч. С. 15.

¹² Малиновский Ф. Указ. соч. С. 36.

¹³ Отто Н. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и новая Россия. 1875. № 4. С. 381.

¹⁴ Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 581. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 29. Д. 11. Л. 92.

¹⁶ Отто Н. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и новая Россия. 1875. № 4. С. 388–389.

¹⁷ Там же. С. 382.

¹⁸ Там же, С. 423–432.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 29. Д. 11. Л. 93.

²⁰ Малиновский Ф. Указ. соч. С. 37–44.

²¹ Там же. С. 52.

²² Правила о свадьбах // Новгородский сборник. Вып. 4. Новгород, 1866. С. 275–278.

²³ ОР РНБ. Ф. 29. Д. 9. Л. 62.

²⁴ Яковкина Н.И. О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX в. // Вопросы истории России XIX — начала XX века / межвуз. сборник. Л., 1983. С. 56.

²⁵ ГАНО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 1. Л. 124–127.

²⁶ Отто Н. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и новая Россия. 1875. № 4. С. 382.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 29. Д. 11. Л. 53–54.

²⁸ Там же. Л. 67–69.

²⁹ Бывший управляющий Мирским грузинским банком.

³⁰ ОР РНБ. Дом Плеханова. Ф. 84. Н. Богословского. Ед. хр. 26. Л. 1–5.

³¹ Там же. Л. 9–9 об.

³² Там же. Л. 12 об.

³³ Полевой Н. Художественная Россия. СПб., 1875. С. 35.

Продолжение следует

Александр Прокофьев
ДЕРЖАВИН.
ПОМНИМ И ХРАНИМ ЕГО ЗАВЕТЫ

«Моё представление о нём было примерно таким, каким оно было у большинства советских граждан, — граждан, живущих в СССР и не являющихся специалистами в области истории и литературы. Знаменитую фразу А.С. Пушкина о Державине знали все, кто хотя бы учился в школе.

В 80-е гг., когда судьба предоставила мне возможность изучать право, я узнал, что тот самый Державин был первым министром юстиции нашего государства, одним из основателей правовой системы России, выдающимся государственным деятелем.

В 1997 году я впервые побывал на могиле Гавриила Романовича Державина в Хутыньском монастыре рядом с Великим Новгородом. А в 1998 году при назначении на должность министра юстиции, зная моё отношение к этому великому гражданину, коллеги подарили мне портрет Державина, который до сих пор находится в моём кабинете»¹.

Сиренко С.А.
 Портрет Г.Р. Державина. 1998 г.

П.В. Крашенинников

Память о Великом предке, сенаторе, действительном государственном советнике, первом Министре юстиции, одновременно

Генерал-прокуроре Правительствующего сената, видном политическом деятеле своего времени, поэте — чтут и хранят на Новгородской земле.

¹ Цитата из Вступительного слова председателя комитета Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству, сопредседателя Ассоциации юристов России, доктора юридических наук Павла Владимировича Крашенинникова к переизданной книге В.Ф. Ходасевича (1886—1936): Ходасевич В.Ф. Державин. М., 2011. С. 3.

Боровиковский В.Л.
 Портрет поэта Г.Р. Державина. 1795 г.
 Государственная Третьяковская галерея

В XV веке при великом князе Василии Тёмном татарин мурза Багрим переехал из Большой Орды в столицу Московского царства служить великому князю. Василий Тёмный крестил мурзу Багрима, а впоследствии за честную службу пожаловал землями. От Багрима пошли несколько родов. Один из родов — Нарбековы, глава семейства которого служил в Казани и получил прозвище Держава. Так и произошёл род Державиных.

Родился Гавриил Романович в семье мелкопоместных дворян в родовом имении Сокуры под Казанью 14 июля 1743 года, где и провёл свое детство.

Прошёл путь от солдата лейб-гвардии Преображенского полка до назначения Высочайшим указом Александра I на должность первого Министра юстиции Российской империи в сентябре 1802 года.

Невозможно переоценить его вклад в становление отечественной юриспруденции. Хотя он не был юристом в современном понимании этого слова, поскольку в России законознание стало наукой при Петре I, но преподавали её приглашённые Петром Великим немецкие юристы, которые начали обучать его подданных основам ведения дел в поле права с точки зрения науки. О формировании класса профессиональных, отечественных юристов можно говорить лишь начиная с середины XVIII века, когда право стало преподаваться студентам российских учебных заведений уже русскими профессиональными юристами, которые отлично ориентировались в отечественных законах того периода.

Гавриил Романович юристом был по духу, по своей сути. Он считал, что любое решение органов власти должно быть основано на букве закона, требованиях совести и человеколюбию.

Отбросив формальности, можно с уверенностью сказать, что Гавриил Романович Державин был юристом с большой буквы. Державин первый поднял голос против произвола и беззакония. Он был ярким представителем эпохи просвещения — служил императрице Екатерине II, и императорам — Павлу I и Александру I.

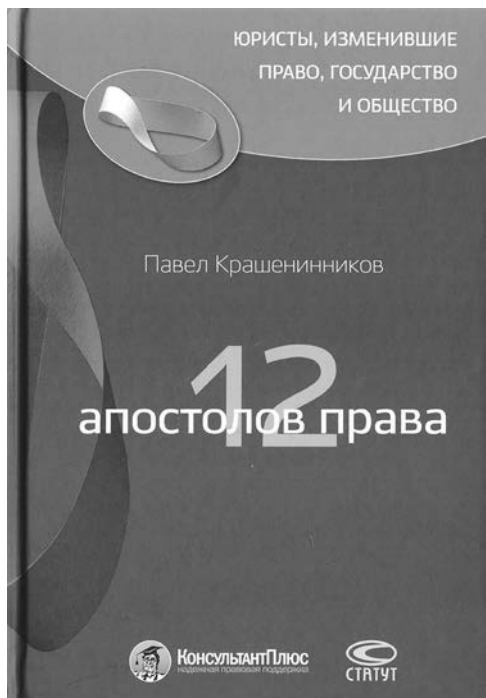
Державин считал отсутствие законности наивысшим злом русской жизни, а законопослушание — основной добродетелью не только подданного, но и монарха. Он свято верил, что создание справедливых законов, их неукоснительное исполнение многое может изменить к лучшему. И сегодня мы тоже чётко и ясно понимаем, что верховенство за-

кона в правовом государстве — необходимое, обязательное условие нормальной жизни людей, граждан, общества и страны в целом.

Павел Владимирович Крашенинников — автор книги «12 апостолов права»² — анализируя 200-летний период развития законодательства в России, пишет о героях-юристах, деятельность которых изменила область права, государства и общества. Гавриила Романовича он называет «предтеча Гавриил Державин», определяя его как первого апостола права, который повлиял на жизнь своих современников, создавал основы правового государства, которые влияют, что является, на мой взгляд, очевидным, и на жизнь современного общества и государства.

По инициативе председателя Новгородского регионального отделения Ассоциации юристов России, действующего директора Юридического института Сергея Юрьевича Фабричного в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого была открыта учебная аудитория — «12 апостолов права», где студенты-юристы, получая фундаментальные знания о праве, видят портреты великих предшественников юристов, первым из которых является Гавриил Романович Державин. В этом тоже проявление бережного отношения Новгорода к сохранению памяти о великих предках, через преемственность поколений в служении российскому праву и государству.

Державин бесспорно был не только талантливым управленцем, судьёй (судеб-

ным посредником), но признанным предтечей современной русской литературы.

Большинство из нас в первую очередь помнят его как поэта, который не только сам создал множество произведений, но и на закате лет заметил в Лицее талант юного Александра Сергеевича Пушкина. Как не вспомнить знаменитые строки Пушкина: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил...».

Новгородцы по праву гордятся именем выдающегося земляка. Ведь именно жизнь в Новгородской губернии вдохновила Державина на создание целого ряда его лучших лирических произведений, в которых запечатлены новгородские пейзажи, отражены русские нравы и поверья.

² Крашенинников П.В. 12 апостолов права. 2-е изд. М.: Статут, 2016. 223 с. (Юристы, изменившие право, государство и общество).

Новгород. Кремль. Могила Г.Р. Державина. 1980-е гг.
НГМ КП 47689/119

Его образ увековечен на знаменитом памятнике «Тысячелетие России» в Новгородском кремле, являющемся одной из главных собирательных государственных доминант России.

Последние два десятилетия своей жизни Гавриил Романович провёл в Новгородской губернии в своём имении Званка (на Званской горе), что на левом берегу Волхова. Похоронен он был в 1816 году в Хутынском монастыре.

В годы Великой Отечественной войны постройки на территории бывшего имения — Званский монастырь и Державинское епархиальное училище — были разрушены.

В 1958 году первый секретарь Новгородского областного комитета КПСС Василий Андреевич Прокофьев обратился к Первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущёву с просьбой о переносе останков Державина в Новгородский кремль. Сомнений в целесообразности этого у главы Советского государства не возникло.

17 апреля 1958 года Новгородский облисполком принял решение № 256 «О ходе выполнения постановления Совмина РСФСР от 29 июня 1957 г. № 781 "Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР"», в котором предписывалось принять неотложные меры по разбору завалов над могилой поэта Державина в Хутынском монастыре.

Затем последовало совместное решение Новгородского обкома КПСС и Новгородского облисполкома № 669 от 16 октября этого же года «О восстановлении могилы Г.Р. Державина». Согласно этому документу, восстановление могилы Г.Р. Державина в Хутынском монастыре было невозможно из-за разрушений обители и прах Гавриилы Романовича предписывалось вывезти из монастыря.

Прах Державина был перенесён из новгородской святыни в Новгородский кремль в 1959 году. Надпись на месте захоронения — между западной стеной Софийского собора и Владычной (Грановитой) палатой, гласила: *«Державин Гавриил Романович, действительный тайный советник и разных орденов кавалер. Родился: 1743, июля 3. Скончался: 1816, июля 9».*

Имя Гавриила Романовича Державина почитается новгородцами. Его именем в 1970 году названа одна из улиц нашего славного города (по решению исполнительного комитета Новгородского

городского Совета народных депутатов трудящихся 12-го созыва от 27 апреля 1970 года).

В год 250-летия со дня рождения Гавриила Романовича Державина, 15 июля 1993 года, в Званке был установлен памятный знак — чёрный каменный крест в окружении белых арок с надписью на мемориальной доске: «Здесь Бога жил певец Фелицы».

Авторы памятного знака — художник Фёдор Шишов из города Старая Русса и резчик по камню Олег Гринев из города Чудово.

В этом же году прах Гавриила Романовича был возвращён в восстановленный главный храм Хутынского монастыря — Спасо-Преображенский собор, где находится в северном приделе и по сей день. Возвращение в 1993 году праха Державина на первоначальное место его упокоения стало символическим началом возрождения и самого Варлаамо-Хутынского монастыря благодаря усилиям Его Высокопреосвященства Владыки Льва и настоятельницы монастыря игумении Алексии с сёстрами.

В целях сохранения и увековечивания памяти «об известном государственном и общественном деятеле России XVIII века, действительном государственном советнике, поэте эпохи

*Просвещения Гаврииле Романовиче Державине»*³, по предложению председателя Новгородского регионального отделения Ассоциации юристов России С.Ю. Фабричного, Президиум Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» 19 марта 2015 года учредил Всероссийскую национальную юридическую премию имени Державина. Она выступает «символом исторической связи поколений юристов России, признания и почитания заслуг великого предка и знаком того, что Ассоциация юристов России, осуществляя свою деятельность, стремится сохранить лучшие традиции отечественной юриспруденции»⁴. Местом ежегодного вручения премии был определён Великий Новгород, что позволило городу, по сути, на один день в году становиться неофициальной юридической столицей нашей страны.

³ Из Положения о Всероссийской национальной юридической премии имени Гавриила Романовича Державина, утверждённого Решением Президиума Ассоциации юристов России от 19 марта 2015 г. № 47.

⁴ Там же.

Премия — общественная награда — форма признания особых заслуг в развитии юриспруденции Российской Федерации членов Ассоциации юристов России⁵. Лауреатами Державинской премии в разные годы становились Сергей Вадимович Степашин (2016), сопредседатель Ассоциации, Председатель Правительства Российской Федерации (с мая по август 1999 года); Павел Владимирович Крашенинников, сопредседатель Ассоциации, председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству (2017); Игорь Евгеньевич Манылов — Ответственный секретарь Президиума Ассоциации, руководитель Главгосэкспертизы России (2018); Николай Васильевич Фёдоров, Первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2019); Лидия Юрьевна Михеева, Секретарь Общественной па-

латы Российской Федерации (2020); Виктория Валериевна Абрамченко, Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации (2021); Валерий Николаевич Фальков, Министр науки и высшего образования РФ, и Григорий Петрович Ивлиев, президент Евразийского патентного ведомства (ЕАПВ) Евразийской патентной организации

(ЕАПО) (2022); Евгений Леонидович Забарчук, первый заместитель Министра юстиции Российской Федерации, и Фабричный Сергей Юрьевич, директор Федерального агентства по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения (ФАПРИД), директор Юридического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (2023).

По решению каждого из лауреатов, теперь уже традиционно, денежная премия в размере 100 000 рублей передавалась в качестве пожертвования новгородским социальным учреждениям и благотворительным организациям: Новгородскому социально-реабилитационному центру для несовершеннолетних «Подросток»; Новгородскому реабилитационному центру для детей и подростков с ограниченными возможностями; Детскому дому-интернату для умственно отсталых детей имени Ушинского

⁵ Далее — Ассоциация.

Торжественное открытие бюста Гавриила Державина у школы № 36 Великого Новгорода (скульптор Вадим Боровых). 2020 г.

Фото с сайта школы: <https://3653.ru/about/struktura-i-organy-upravleniya-obrazovatelnoj-organizacii/>

(п. Шимск); Окуловскому комплексному центру социального обслуживания населения; Шимскому дому-интернату для престарелых и инвалидов и Фонду социальной поддержки населения Новгородской области «Сохрани жизнь».

Первая торжественная церемония вручения премии состоялась 25 марта 2016 года в здании Новгородской областной филармонии им. А.С. Аренского, последующие ежегодно проходили в здании Музея изобразительных искусств с участием губернатора Новгородской области, руководства и представителей Ассоциации юристов России, Правительства Новгородской области, федеральных структур, органов законодательной и судебной власти региона, Новгородской митрополии, Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, профессорско-преподавательского состава и сту-

дентов Юридического института НовГУ, а также юридического сообщества Новгородской области и других регионов нашей страны.

Разумно и почётно для жителей Новгородской области, что именно в Великом Новгороде ежегодно награждают тех, кто вносит значительный вклад в совершенствование юриспруденции и правовой культуры нашего государства, обеспечение конституционных прав граждан и их правовое просвещение.

Имя Державина носит и городская школа № 36, построенная в 2016 году, которую 18 июля 2017 года посетил в ходе визита в Великий Новгород Дмитрий Анатольевич Медведев, на тот момент Председатель Правительства Российской Федерации, а ныне председатель Попечительского совета Ассоциации юристов России, и назвал её в ряду выдающихся

школ страны. Благодаря усилиям директора школы Светланы Борисовны Матвеевой здесь работает музейно-образовательная площадка «Держава, Державин и я» — «...одновременно музей, библиотека, компьютерный зал и зона отдыха, а также место для проведения урока»⁶.

Во дворе этой школы в 2020 году был установлен бюст Гавриила Державина работы новгородского скульптора Вадима Боровых. Спонсором создания и установки бюста Державина выступило руководство Ассоциации юристов России.

Новгородские школьники и студенты НовГУ активно занимаются исследовательской работой, связанной с творчеством поэта и службой государственного деятеля, организуют и участвуют в Державинских чтениях. В начале каждого нового учебного года студенты Юридического института НовГУ посещают могилу Державина. По инициативе председателя регионального отделения Ассоциации юристов России, лучшим студентам Новгородского государственного университета имени

Ярослава Мудрого, которые изучают право, вручаются единовременные державинские стипендии Новгородского отделения Ассоциации.

Символичным является и тот факт, что в состав оргкомитета по подготовке и проведению празднования 280-летия со дня рождения Гавриила Романовича Державина, образо-

ванного 6 мая 2023 года, Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1169-р включены Губернатор Новгородской области Андрей Сергеевич Никитин, директор Юридического института НовГУ Сергей Юрьевич Фабричный и Митрополит Новгородский и Старорусский Лев. Кроме того, 14 июля 2023 года, в день рождения Гавриила Романовича Державина, Великий Новгород стал центральной площадкой страны для торжественных мероприятий, посвящённых юбилейной дате со дня рождения Великого человека.

В стихотворении «На гробы рода Державиных в Казанской губернии и уезде, в селе Егорьеве», обращаясь к своим предкам, Гавриил Романович писал: «...я жил, сколь мог, для общего добра», — что, безусловно, соотносится с его трудами на благо России.

Феномен Гавриила Романовича Державина будет изучать ещё не одно поколение нашего Отечества, чему сегодня содействует сохранение памяти о нём на Новгородской земле.

⁶ В новгородской школе № 36 торжественно открыли музейно-образовательную площадку «Держава, Державин и я» // 53 новости: [сетевое издание]. URL://<https://53news.ru/novosti/v-novgorodskoj-shkole-№36-torzhestvenno-otkryli-muzejno-obrazovatelnyu-ploshhadku-derzhava-derzhavin-i-ya.html> (дата обращения: 01.07.2023).

Виолетта Трофимова

НЕЗНАКОМЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ЗНАКОМОЙ ЗВАНКЕ

Унтерес к творчеству Гавриила Романовича Державина и архитектурным памятникам, непосредственно связанным с ним, возрастает в 1930-е годы, о чём свидетельствуют и публикации о творчестве поэта, и деятельность общественных объединений, таких как «Старый Петербург — Новый Ленинград», литературоведов и краеведов. В ряду таких исследователей — уроженец новгородской земли Виктор Трифонович Шавель. Его рукопись — «Забытый памятник (Державинская Званка)», датированную 1938 годом, автор настоящей статьи обнаружила в фонде Ангелия (Ангелиса) Николаевича Лбовского в отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

В журнале «Штурм», издававшемся в Свердловске, в 1931 году вышла заметка З. Л-ва «Поэт Державин и крепостное крестьянство», посвящённая крестьянским волнениям, которые произошли в поместье Державина после его смерти из-за слухов о том, что он собирался ос-

вободить своих крестьян по завещанию¹. В 1933 году в журнале «Литературное наследство» выходит обзор литературоведа Григория Александровича Гуковского «Литературное наследство Г.Р. Державина», где отмечалось, что «судьба державинского творчества в русской науке была особенно печальна»². Он критикует собрание сочинений под редакцией Я.К. Грота, публикует не изданные ранее сочинения Державина и, среди прочего, упоминает стихотворение «Властителем и судиям» (1780), произведения, посвящённые А.В. Суворову, и приводит перевод стихотворения «Ворожей» (из Гёте), которое по тематике отчасти перекликается с малоизвестной державинской балладой «Новгородский волхв Злогор» (1813)³. В том же году выходит сборник стихотворений Державина под редакцией Г.А. Гуковского⁴. Всё это вызвало новую волну интереса к Державину как среди литературоведов, так и среди краеведов.

В 1934 году в Пушкинском Доме была создана Группа по изучению литературы

Григорий Александрович Гуковский

XVIII века, а в 1935-м вышел первый выпуск сборника «XVIII век». Была выделена, однако, только одна ставка для Г.А. Гуковского. Павел Наумович Берков — литературовед, известный специалист по литературе XVIII века и учёный секретарь этой Группы, работал как энтузиаст, на общественных началах⁵. Параллельно в 1933 году члены общества «Старый Петербург — Новый Ленинград» обратились в «Красную газету» с заявлением о неудовлетворительном состоянии бывшего дома Державина, который к этому времени был отнесён к памятникам архитектуры второй категории, а также направили в Бюро охраны памятников при Массовом отделе Ленсовета акт обследования дома. По мнению краеведа Анатолия Николаевича Петрова, серьёзных результатов это обращение не имело⁶.

Общество «Старый Петербург — Новый Ленинград» было образовано в ноябре 1921 года как «Общество изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга и его окрестностей» Президиумом Российского института истории искусств и с 1923 года находилось в ведении Наркомпроса РСФСР. В 1925 году оно получило название «Старый Петербург — Новый Ленинград». Члены Общества, численность которых варьировалась от 300 до 500, составили описания около 2500 памятников истории и архитектуры Ленинграда. Одним из членов общества был Ангелис Николаевич Лбовский, известный краевед и пушкинист, основатель музея «Пушкинский уголок» в Суйде. В Обществе «Старый Петербург — Новый Ленинград» в 1936–1937 годах он вёл активную экскурсионную деятельность, организовывал поездки в Кобрينو, на родину Арины Родионовны, в Суйду, Елицы, Дудергоф, Корицы и Тайцы, по пушкинским местам в Суйде и Прибыткове, делал доклады о Пушкине и Гатчине, а также об усадьбе Рылеева — Батово⁷. В 1939 году его избрали членом Всесоюзного пушкинского общества, и в довоенные годы Ангелис Николаевич организовывал в Суйде и Кобрине пушкинские праздники. Он даже разработал план создания Пушкинского заповедника, но события Великой Отечественной войны помешали воплотить эти идеи в жизнь. По инициативе Лбовского с 1948 года в Суйде снова стали проходить Пушкинские праздники, частыми гостями которых были потомки поэта. В 1951 году Ангелис Николаевич добился присвоения Суйдинскому парку

статуса первого в СССР сельского парка культуры и отдыха. Именно его стараниями появился временный обелиск на могиле А.П. Ганнибала и мемориальная доска в селе Воскресенское, посвящённая памяти Арины Родионовны. В здании ганнибаловского флигеля в Суйде Лбовский открыл в 1953 году⁸ первый музей — «Пушкинский уголок» — и стал его первым хранителем. Но, спустя два года, в 1955-м в Тайцах Ангелис Николаевич скончался.

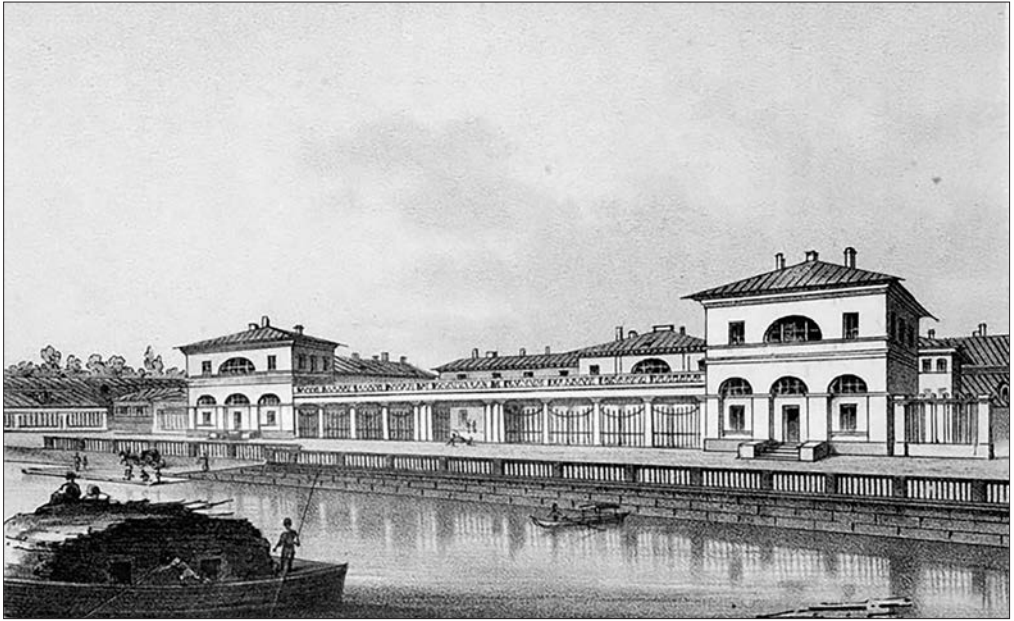
Первый существенный материал в фонде Лбовского, посвящённый Державину, — это рукопись заметки «Дом Державина», автор которой — Виктор Трифионович Шавель. Пока не удалось полностью реконструировать биографию В.Т. Шавеля. Однако известны годы его жизни — 1906—1942, в Ленинграде он проживал по адресу: ул. Разъезжая, дом 7, квартира 16, и был похоронен на Волковском кладбище.

Родился В.Т. Шавель в Новгородской губернии в Селищенских казармах (аракчеевских) в ноябре 1906 года. В начале 1900-х годов в Великом Новгороде был домовладелец по фамилии Шавель, но степень его родства с В.Т. Шавелем пока не установлена. Фамилия «Шавель» белорусская, однако в анкете Виктор Трифионович называет себя русским⁹. В 1932–1933 годах он работал секретарём

Чехонин С.В. Плакат Общества изучения, популяризации и художественной охраны старого Петербурга и его окрестностей («Старый Петербург — Новый Ленинград»). 1923 г.

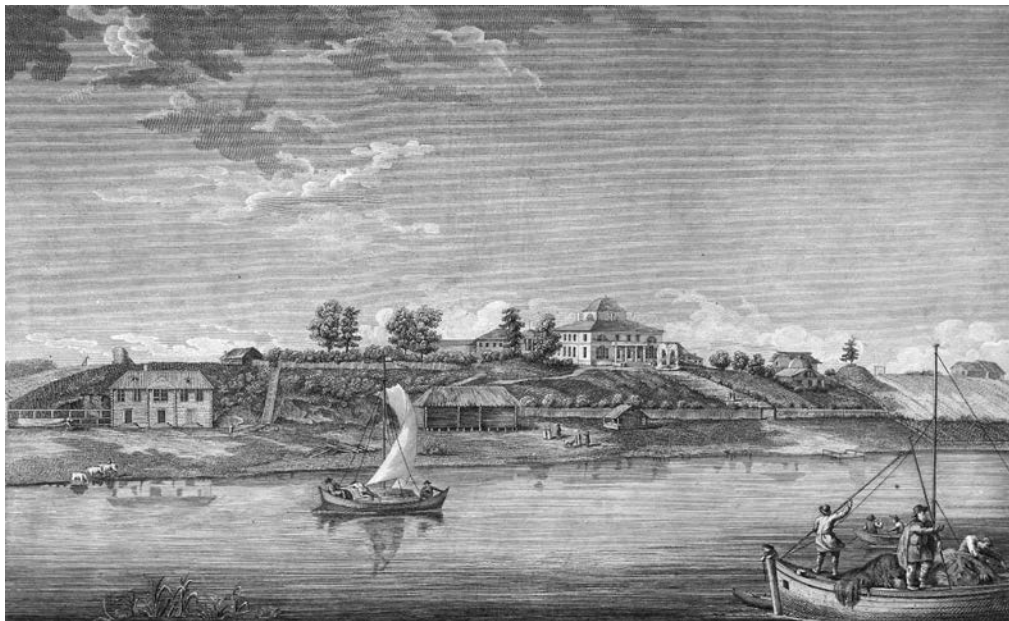
курсов тестирования производства и ответственным исполнителем культурно-бытового обслуживания рабочих и инженерно-технических работников во Всероссийском республиканском объединении арматурной промышленности ВСНХ РСФСР (Р.О.С.А.О.)¹⁰. Он утверждал, что происходит из крестьян, а его родители — служащие¹¹, был беспартийным, невоеннообязанным и с 1928 года состоял членом профсоюза за строителей; имел на 1932 год незаконченное высшее образование¹². В марте 1933 года Виктор Трифионович был уволен по сокращению штата, и далее его имя связано с деятельностью общества «Старый Петербург — Новый Ленинград», членом которого он являлся, но в списках, как и Лбовский, не обнаружен. В его записях мы находим имена других

Борель П.Ф. Петербург. Дом Г.Р. Державина близ Измайловского моста.
Литография сер. XIX в.
Всероссийский музей А.С. Пушкина

членов общества — Ивана Михайловича Степанова и академика Сергея Фёдоровича Платонова, которого Шавель называет в 1934 году «покойным академиком С.Ф. Платоновым» и от которого, по всей видимости, он не отрёкся, в отличие от других знакомых репрессированного¹³. Многое можно сказать о круге интересов Шавеля. Он записывал народные песни, свидетельства старожилов пушкинских мест. Он изучал легенду о Фёдоре Кузьмиче и Вере-Молчальнице: в фонде Лбовского находятся как собственные выписки Шавеля по этой теме, так и копии статей Сергея Флавиановича Добрянского; именно в этой ипостаси он числился в аннотированном указателе рукописных фондов

ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки — *ред.*)¹⁴. По материалам из фонда Лбовского можно заключить, что Шавель начал заниматься собиранием фольклора в конце 1920-х годов. К 1928 году относится рукопись «Песни о старце» — по всей видимости, авторской стилизации под народную песню о странничестве Фёдора Кузьмича и его встрече с А.А. Аракчеевым¹⁵. Примечательна подпись к этому стихотворению — «июль 1928 года. С. П. Б.»¹⁶. Тогда же, по его словам, Шавель слышал песню «Эй, в Таганроге...» в исполнении красноармейцев, проходивших по Невскому проспекту¹⁷. В 1931 году он занимается темой, связанной с Фёдором Александровичем Уваровым — одним

Неизвестный гравёр по акварели Е. Аврамова (Абрамова) (секретаря Г.Р. Державина).

Гравюра нач. XIX в.

Всероссийский музей А.С. Пушкина

из «кандидатов» на Фёдора Кузьмича. Сохранился требовательный лист Центрального Исторического Архива СССР (ныне РГИА) от 18 ноября 1931 года, в котором обозначена тема его исследования — «Крепостное хозяйство Уварова»¹⁸. Его заметка, посвящённая песне «Эй, в Таганроге...», датирована октябрём 1934 года. Заметка «Дом Державина» датируется 29 марта 1937 года. В ней говорилось о докладе члена общества «Старый Петербург — Новый Ленинград» И.М. Степанова.

28 марта 1937 года И.М. Степанов сделал очередной доклад о доме Державина на заседании секции соцреконструкции общества «Старый Петербург — Новый Ленинград» под заголовком «Державин-

ский дом на Фонтанке, 118»¹⁹. Судя по заметке Шавеля, этот доклад был оптимистичнее по тональности, по сравнению с предыдущими. Так, Степанов говорит о том, что кабинет Державина сохранился, как и памятная доска и даже сад. Самое интересное в этой заметке — предложение членов Общества «Старый Петербург — Новый Ленинград» создать в доме Державина литературный музей, посвящённый «литературной эпохе, являющейся предшественницей великого Пушкина»²⁰. К сожалению, должно было пройти ещё более шестидесяти лет, чтобы их идея была претворена в жизнь.

Наконец, уже после ликвидации общества «Старый Петербург — Новый Ленинград» Виктор Трифионович Шавель

Званка. Фотография довоенных лет.
Из журнала «Чудовский краевед». 2013. № 6

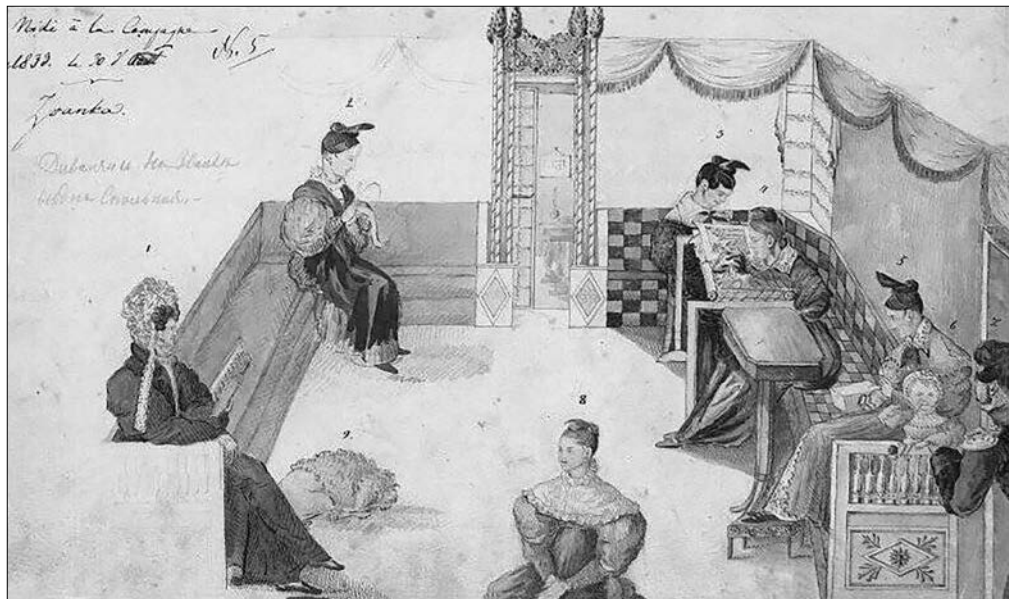
посетил державинскую Званку. Рукопись его статьи «Забытый памятник (Державинская Званка)» датирована сентябрём 1938 года. Эта статья отсутствует в библиографиях работ, посвящённых Державину, и не удалось найти свидетельств, чтобы она была опубликована.

В первой части Шавель описывает общий пейзаж Званки, а затем рассказывает о волшебнике Злогоре. Во второй части автор характеризует Державина как доброго помещика и доброго человека, память о котором сохраняют местные «*старики-колхозники*», и противопоставляет его Алексею Андреевичу Аракчееву — его соседу по имению. Возможно, автор был знаком со статьёй 1931 года о крестьянских волнениях в поместье Державина после его смерти. Его интерес к Аракчееву вызван, с одной стороны, происхождением Шавеля — он родился в аракчеевских казармах, а с другой стороны, его посещением

аракчеевского имения Грузино. Скорее всего, Шавель был там с экскурсией от Общества «Старый Петербург — Новый Ленинград». Такую экскурсию 30 июня 1936 года провёл профессор Оскар Эдуардович Вольценбург, председатель секции благоустройства и охраны Общества, заведующий эрмитажной библиотекой²¹. В третьей части автор представляет Державина как самого выдающегося поэта сво-

его времени, представителя дворянской аристократии, в произведениях которого прорывается критическое отношение к власти и чиновничеству. Кроме того, Шавель пишет о негативном отношении Державина к Павлу I, о его горячей поддержке Суворова и Кутузова. В последней, четвёртой части статьи автор возвращается к Званке, подробно рассказывает о хозяйстве державинской усадьбы, а в конце приводит историю, связанную с попыткой Аракчеева забрать Званку в казну, и с резким отказом, который последовал от Дарьи Алексеевны (это цитата из «Жизни Державина» Я. Грота). Эпилог — собственно описание беседы Шавеля с местными мальчишками.

Шавель сокрушается о том, что державинские места забыты, а памятники, связанные с именем поэта, — заброшены. В статье он обильно цитирует державинские стихотворения. Прежде всего, это

Кожевников А.П. Гостиная «Диванчик» в усадьбе Г.Р. Державина «Званка». 1833 г.
Литературный музей Института русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук

«Жизнь Званская» (1807). Оттуда Шавель берёт эпиграф к статье:

*Разрушится сей дом, засохнет
бор и сад,
Не вспомняется нигде и имя Званки.*

Из «Жизни Званской» берёт Шавель и подробные описания хозяйства усадьбы:

*Иль смотрим, как вода с плотины
с ревом льет
И, движа машину, древа на доски
делит;
Как сквозь чугунных пар столпов
на воздух бьет
Клопоча огонь, толчет и мелет.*

Шавель отмечает, что в усадьбе имелись две небольшие фабрики — суконная и ковровая, где изготовлялись:

*...разные полотна, сукна, ткани,
Узорны, образцы салфеток,
скатертей,
Ковров и кружев, и вязани.*

Далее Шавель цитирует менее известную балладу Державина «Новгородский волхв Злогор» (1813):

*Но он и по своей кончине
Творил премножество проказ,
Как переносится донныне
О нем старух и баб рассказ;*

Страсс Ф. Таблица-карта «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории от древнейших времен по конец XVIII столетия». Висела в кабинете Г.Р. Державина в Званке

<...>

*И днесь на Званке он проказит,
Тьмы ночью делая чудес:
Златой луной на Волхов слазит,
Лучом в нем пишет горы, лес...*

Автор также обращается к относительно раннему стихотворению Державина «Властителем и судиям» (1780), которое упоминал Г.А. Гуковский:

*Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.*

Он приводит две строки из стихотворения «Вельможа» (1794) о героях, которых намерен воспевать Державин:

*Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан.*

В связи с отношением Державина к Павлу I Шавель цитирует оду 1801 года «На восшествие на престол императора Александра I»:

*Умolk рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд...*

Что касается Суворова, здесь автор выбирает стихотворение 1797 года «На изображение Суворова при отставке его», которое цитирует полностью:

*На бранях ставя тверду грудь врагам,
Велик, непобедим он был войною.
Никто его сокрыть не может тьмою:
Преграды нет лучам.*

Не забывает он и о том, что именно Державин был автором знаменитой эпитафии великому полководцу: «Здесь лежит Суворов».

Наконец, говоря о войне 1812 года и Наполеоне, Виктор Трифионович приводит цитату из оды 1805 года «Монумент милосердию»:

Вид Званки. 1942 г.
 Фото с сайта <http://www.privolhovie.ru/411>

*Но если злота ополчится
 Нарушит сладкий наш покой;
 Восстав, Россия окружится,
 Как тучей, чад своих стеной.*

Таков круг державинских произведений, которые рассматривает Шавель.

Обратимся, наконец, к эпилогу к его статье и дадим ему самому слово:

«Когда мы осматриваем Званку, наступает вечер, начинает темнеть. На пристань меня провожает толпа ребят. Я им рассказываю о Державине. Тысяча вопросов, на которые не успеваешь отвечать. Этот народ интересуется всем. Вперед из толпы ребят выбегает маленький мальчик, лет семи-восьми.

"А кем Державин работал?"

Рядом со мной шел паренек постарше, он безнадежно махнул рукой:

"Дурак ты, Мишка".

Но маленький Мишка далеко не дурак. Он хорошо знает, что спрашивает. Его блестящие глаза умны и зорки. Причаливает пароход. Время проходит незаметно. Беседа нехотя прерывается. Скатили трап, а за ним пронзительный окрик в тишину — готово.

И пароход курсирует дальше.

В сумраке постепенно исчезает Званская гора»²².

Начало Великой Отечественной войны и блокада Ленинграда прервали исследования В.Т. Шавеля, посвященные Г.Р. Державину. Его безвременная смерть в мае 1942 года положила конец его начинаниям, связанным с возрождением дома Державина в Ленинграде и усадьбы Званка. Лишь по счастливому случаю материалы Шавеля сохранились в фонде А.Н. Лбовского и теперь возвращаются к его потомкам. Его биографию еще предстоит написать.

- ¹ Л-в З. Поэт Державин и крепостное крестьянство // Штурм. 1931. № 8/9. С. 81–82.
- ² Гуковский Г. Литературное наследство Г.Р. Державина // Литературное наследство. 1933. Т. 9–10. С. 369.
- ³ Там же. С. 370, 376–377, 389.
- ⁴ Державин Г.Р. Стихотворения / Под ред. Г. Гуковского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.
- ⁵ Выражаю благодарность за эту информацию К.Ю. Лаппо-Данилевскому.
- ⁶ Петров А.Н. Дом Г.Р. Державина // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: исследования и материалы. Вып. 6. СПб., 2002. С. 125.
- ⁷ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА). Ф. Р-7384. Оп. 16. Д. 48. Материалы о работе общества «Старый Петербург и новый Ленинград». 12.06.1937—02.01.1938. Л. 125, 126, 127, 129, 130.
- ⁸ Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии / Статистическое отделение Новгородской губернской земской управы. Новгород: Паровая тип. А.И. Щербакова, 1901. С. 220.
- ⁹ ЦГА. Ф. Р-1343. Оп. 2. Д. 64. Шавель Виктор Трифионович. Л. 4.
- ¹⁰ Там же. Л. 1–3.
- ¹¹ Там же. Л. 4.
- ¹² Там же. Л. 2, 4, 5, 5 об.
- ¹³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 423 Лбовский. № 1572. «Песнь о старце», «Эй в Таганроге!» Народные песни, записанные [В.Т. Шавелем]. Л. 2 об.
- ¹⁴ Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ. Вып. III. Фонды русских деятелей XVIII — XX вв. Лавров – Рыбаков. Л., 1983. С. 21.
- ¹⁵ ОР РНБ. Ф. 423. Лбовский. № 1572. Л. 1, 1 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 1 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁸ ОР РНБ. Ф. 423. Лбовский. № 1551. Шавель Виктор Трифионович. Выписки из архивных дел и печатных изданий по вопросу о Федоре Кузьмиче. Л. 4.
- ¹⁹ ЦГА. Ф. Р-7384. Оп. 16. Д. 48. Материалы о работе общества «Старый Петербург и новый Ленинград». 12.06.1937—02.01.1938. Л. 121.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ ЦГА. Ф. Р-7384. Оп. 16. Д. 48. Материалы о работе общества «Старый Петербург и новый Ленинград». 12.06.1937—02.01.1938. Л. 124.
- ²² ОР РНБ. Ф. 423 Лбовский. Оп. 1. Д. 1582. Шавель Виктор Трифионович «Забывший памятник (Державинская Званка)». Статья. Несколько вариантов. Черновой автограф. Пометы карандашом В.Т. Шавеля. Сент. 1938 г. Званка. 18 лл.

Популярный в Великом Новгороде Центр современного искусства, созданный в 2009 году как одно из структурных подразделений Центра культуры и искусства «Диалог» — место притяжения почитателей и любителей искусства. Яркие художественные выставки современных мастеров живописи и графики Великого Новгорода и других российских городов, фестивали и фотоз экспозиции привлекают многочисленных посетителей. Автор статьи размышляет о том, как выстраивается работа Центра и каким образом её усовершенствовать и актуализировать, рассуждает о понятии «культура» в самом широком смысле слова, о «культурном подходе» и языке современного искусства.

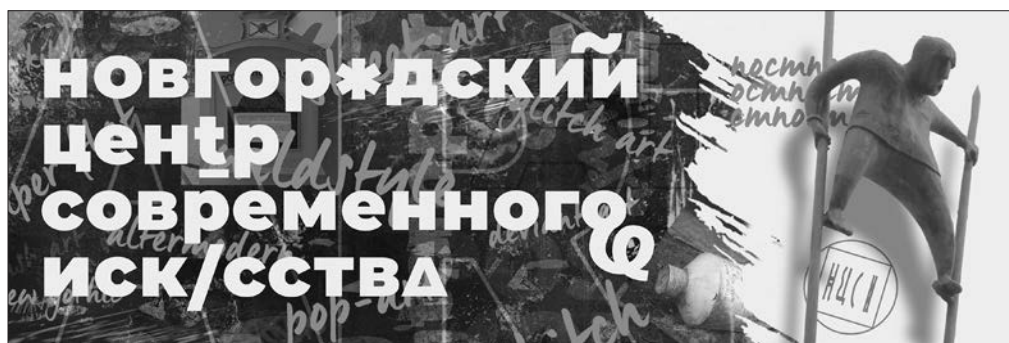
Сергей Пухачёв

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КУЛЬТУРНОГО ПОДЪЕЗДА

Почему бы и нет? Некрасов размышлял у парадного подъезда (помните — «и пошли они, солнцем палимы»), Гоголь — у театрального. Правда язык сопротивляется — «культурный подъезд», так не говорят. Говорят: «Дом высокой культуры быта». А что это значит? Чтобы чисто, отремонтировано, культурно. А что внутри, в квартирах? Не случайно дантист из «Ивана Васильевича» сомневался, что

можно бороться за такое высокое звание при тех безобразиях, которые творятся в новом, с иголки, подъезде. А вообще, к слову «культурный» можно присоединить всё что угодно: от человека, революции, кода, очага, слоя, традиции, ценности, комплекса, центра до, наконец, самой жизни. А вот «событие» нельзя — язык сопротивляется. Почему?

Точный Герман в «Лапшине» всё время сталкивает слова «культура»

и «зверь». С одной стороны лиса, которая *«не до конца преодолела инстинкт хищника»* и сожрала петуха, Патрикевна, квартирная хозяйка, не очень симпатичная, но в целом терпимая (правда, Окошкин хотел на неё *«написать, что она мужа съела»*), целый театр с неудачной пьесой про перековку зверей-уголовников в людей. С другой — *«культурный возчик, называется!»*, *«такое бескультурье...»*. Всё время напряжённая борьба культурного и не культурного. Но и время было такое, а задачи культурного строительства (вот ещё одно словосочетание) попроще. В музеях, например, приходилось вывешивать

таблички «Не плевать», а то деревенские жители, хлынувшие в город, могли запросто, что называется, на пол и шваркнуть. В последний раз «плевательницы» встретил в фильме «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён» — она была рубежом в разметке территории.

А «попроще» потому, что, например, в фильме «Кубанские казаки» приобретение пианино колхозным председателем означало приход культуры на село. А как ещё? А тот, кто этого не понимал, был председателем отсталым. В фильме «Дело было в Пенькове» звучат слова: *«А где нам этой культуры набираться?»*.

После всех приключений, с попыткой убийства, издевательств над пожилой женщиной (а так и надо — самогонщица, и в избу пускала желающих потанцевать), весёлых обманов и даже воровства, новый клуб всё же строится и проблема оказывается решена. Она и вправду на какое-то время была решена, появилось место, где можно было культуры «набираться». Впрочем, что-то мне подсказывает, что танцы-посиделки всё же лидировали в культурных приоритетах сельской молодёжи. Конечно, появились разного рода песенно-танцевальные коллективы из тех, кто ещё помнил культурные (!) традиции старой деревни, но это уходило, оставались кино и те же танцы, но уже не кадрили, а «под радиолу».

В годы моей работы в Новгородском музее-заповеднике приехали мы как-то на село в составе агитбригады с культурной (!) программой. Помню, одна девушка пропела кусок какого-то водевиля. Танцевала даже, но по свежевспаханному полю. Хлопали одобрительно (за то, что не упала) и из вежливости. С лекцией «Александр Невский» вышел конфуз, потому что селяне почему-то подумали, что будет спектакль, а лектором была дама в интересном положении, крайне были удивлены пришедшие — как это она исполнит такую ответственную роль. Я, впрочем, имел успех, потому что читал лекцию о музее деревянного зодчества, и речь шла об избах и деревенском укладе. Но в целом, мы, со своей разрядкой на культурное обслуживание, были сами

по себе, а люди, которых обслуживали, сами по себе.

Количество не всегда перерастает в качество. В буквальном переводе слово *культура* означает «*возделывать, обрабатывать*» и имело отношение к земледелию. Но вот первые переселенцы в Австралию, учитывая засушливый климат, начали обильно поливать всё, что посеяли. Получилось хуже — из почвы вымывались лежащие ниже соляные пласты и урожай погибал. Пока не догадались использовать точечный, «капельный» полив, ничего не получалось. А норвежское население Гренландии, с огромным трудом выживая в суровом климате, меняли моржовый клык не на так необходимое

им железо или строевой лес, а на убранство большой, опять же с трудом построенной церкви. Колонисты не захотели перенимать опыт эскимосов ни в одежде, ни в рыболовстве (загадка, но рыбу вообще не ели), ни в морской охоте, а упорно продолжали воспроизводить модели культуры своей далёкой прародины (хотя там-

то как раз рыбу употребляли за милую душу). Продержались 450 лет и всё-таки погибли.

Что же нужно человеку? Какая роль культуры в соединении рационального и символического? Не знаю, но количество, так сказать, инструментов культуры, находящихся на руках у населения,

или количество посещений тех или иных мероприятий говорит о многом, но не очерчивает, не обозначает и уж тем более не вскрывает проблему культурного уровня. В фильме «Старый Новый год» «*пианинам счёт потеряли*». У Себейкина оно только появилось — «*обучим девчонку...*», а у Полуорлова стоит давно и «*старые работники культуры*» исполняют на нём прекрасные романсы, но оно же уже служит предметом ненависти у отпрыска. В фильме «Курьер» на пи-

анино исполняется дикая, «контркультурная» песня про козла, а на малине у Горбатого не принимают классическую мелодию, а просят «Мурку». И надо исполнять. И пианино, и стадион, и художественная и музыкальная школы — это только возможность, но доводилось мне видеть и заросшие травой стадионы, а пианино сей-

час отдают даром, только вывези. Как используют эту возможность люди или не используют вовсе — предмет для раздумья и анализа. В фильме «Неподдающиеся» парк культуры и отдыха переполнен, а в «Я шагаю по Москве» — и танцы, и карусели, и конкурсы, и концерты. Но я помню по родному Свердловску в 1960-е годы — сначала исчезли аттракционы типа «Комната смеха», потом гипсовые скульптуры типа «Девушка с веслом», детская железная дорога (большая, вокруг всего парка, и вполне сюрреалистически выглядели заросшие травой рельсы и развалившиеся вагоны), потом закрылся кинотеатр, а поскольку в городе был всего один пивзавод и с пивом было плохо, то появилось устойчивое мне-

ние, что в парке Маяковского есть киоск и там всегда свежее пиво, поскольку туда завозят в первую очередь... Вот, собственно, и весь культурный (!) остаток. Заглянул сейчас на сайт парка и порадовался. Всё восстановлено! И кинотеатр, и детская железная дорога, появился и картинг, и динопарк, ледовый городок, и каток, и тинькофф-горка (15 метров в высоту). Но последний рейтинг результатов только за 2019 год, 366 баллов из 400 возможных, а рейтинг качества оказался и вовсе недоступным — видимо, ковид. И всё-таки, получается, что не только дисней-лэнды могут существовать. Да и у нас в Великом Новгороде, регулярно убеждаюсь, проходя по парку в Антонове — верёвочный аттракцион, прокат

машинок, какая-то площадка с качельками. Востребовано. И это, безусловно, имеет отношение к культуре. Культуре развлечений. С элементами обучения, образования. Конечно. Здесь могут быть разные уровни: от финского музея «Эврика», где можно исследовать анатомию человека, испытать землетрясение, покататься на автомобиле с квадратными колёсами, в конце концов, или амстердамского, где и вовсе происходят чудеса с цветообразованием, например, до качелей-каруселей, и это тоже нужно.

И всё же мой главный тезис: количественный подход не должен быть единственным в оценке деятельности учреждения культуры. Помните — до революции в Тульской губернии был один писатель, а сейчас у нас в Союзе писателей более 130 человек. А кто этот единственный? Лев Толстой.

Требовать увеличения количества посетителей в три раза в Центре современного искусства нашего города, причём без увеличения финансирования, площадей, населения города — это, простите на грубом слове, — волонтаризм. Знаю, что в Германии существует такая норма — 3% населения города должна посещать театр. Если меньше, то считается, театр не очень хороший, и возникают проблемы с бюджетным финансированием. А больше и не надо, поскольку это театр, а не рок-концерт. Может быть так? Но кто этот процент посчитает? Как обоснует?

Каковы же дополнительные критерии? Мне кажется, всё должно крутиться вокруг публики. С одной стороны, она голосует ногами и рублём, и это можно померить. С другой — мы почти не знаем, что происходит с ней до и после посещения «учреждения культуры». Мы знаем, что на

«имя» пойдут, слышали, знают и прочая, на необычное, невиданное, чудное или бесплатное. Ввели Пушкинскую карту, по образцу древних греков. Но присмотритесь. Афинская демократия действовала комплексно: во-первых, применялся целый ряд возможностей нематериального стимулирования людей, которые вклады-

вались в новые театральные постановки (а это 75% всех затрат) — право самому вывести хор на сцену, воздвигнуть себе памятник, заказать известному художнику написать картину с соответствующим сюжетом. У одного спонсора закончились деньги, так он выставил чистую доску, на которой было написано — *«Я такой-то победил на драматических состязаниях и заказал эту картину»*. К слову сказать, наверное, это первое концептуальное произведение в истории. Но, думаю, у нас эти меры ни к чему бы не привели, и не выстроилась бы очередь из желающих оплатить новую театральную постановку, а потом установить себе памятник. Но налоговые-то вычеты можно разработать? Во-вторых: был сформирован специальный зрелищный фонд, из которого оплачивались общественные пиры, процессии, жертвоприношения.

Он был большой — 30 талантов в год. И из него покрывали расходы на посещение театра. Мы не знаем, была ли это оплата специальных свинцовых билетов (теориконов) или каким-то образом ремесленникам компенсировали то, что они могли заработать в день посещения театра. Но странно, до этого театр и так был бесплатным. В чём же дело? Некоторые полагают, что бедные граждане нарушали порядок посещения и занимали лучшие места. Другие, что афиняне, получив деньги «на культуру», отдавали их

наимателям театральных зданий и организаторам, а те в свою очередь платили большой налог, и получалось, что народ имел, так сказать, услугу, а государство возвращало почти все деньги, но уже на другую статью. Может быть, не случайно Демосфен в тревожное время требовал перевести средства зрелищного фонда в военный, мотивируя это, правда, тем, что управляющие зрелищной казной пришли бедными, а уходят богатыми. Не знаю, с какими трудностями сталкивается проект «пушкинская карта» в нашей стране, но в «Диалоге» он идёт медленно из-за чисто бюрократических

требований, исходящих из какого-то неведомого нам центра.

Так или иначе, но посещение растёт. Но дальше? Как нам формировать план? Исходя из наших, смею думать, профессиональных предпочтений-размышлений? Вечный вопрос: идти на поводу у публики или на полшага впе-

рёд, в сторону, назад? А может, на шаг? Что из себя представляет этот «повод»? О субъективных трудностях я говорить не буду, но есть и объективные, и сколько угодно.

Современное искусство относится к типу искусств, говорящих на специфическом языке. Он не полностью оторван от классической традиции, но всё же в основном сформировался в конце XIX — начале XX века, и у меня есть стойкое ощущение, что его знают немногие. Можно и обойтись («нравится — не нравится», «да у меня ребёнок лучше нарисует» и пр.), но ведь можно

лишиться целого мира современной визуальной культуры. Нельзя же претендовать на многое, оказавшись, без всякой подготовки, в зале иконописи, рассматривая иероглифы, наскальную живопись, да и любое классическое и не классическое искусство. Не так ли? И балет, и кино, и опера, et cetera, говорят

на своём языке. Конечно, зритель не обязан разбираться в головоломках и можно просто отдаться чувству, наслаждаться, любоваться. Но вот на наших выставках, например, посетители чаще спрашивают о том, что хотел сказать художник, чем обращают внимание на то, КАК он это уже сказал.

Нам хочется разговаривать с нашим зрителем на одном языке, тем более что мы живём в историческом городе, а это, так сказать обязывает... Подавляющее большинство культурных смыслов концентрируется вокруг имён и событий, связанных с прошлым нашего города. Разговор о корнях культивируется и приветствуется. Я предлагаю говорить и о плодах (а также о стволе, ветвях и листьях). Помню, в советское время настаивали на формуле: *«Новгород — город древний, город современный»*. Не кажется ли вам, что вторая часть формулы сейчас несколько погасла? Если это так, то почему?

В Новгородском центре современного искусства за 14 лет работы мы провели 479 выставок. В основном это художники из нашего города и Санкт-Петербурга. Хотелось бы и из других городов, но, хоть и немалого, а доставка дороже. Проводили и фестивали, и выставочные

серии («Золотые дипломы», выставки из музеев). Есть чем «отчитаться». По рейтингу, составленному одним туристическим агентством, мы заняли 10-е место среди центров современного искусства России, сразу вслед за самой известной институцией Сибири — галереей Бронштейна.

Сейчас сосредоточились на поиске «имён» — помню эффект от всего нескольких работ Бэнкси в составе одной сборной выставки. Или «юмора», причём не только в сюжете, но и в самой трактовке фактуры, колорите, теме. Или «экспрессии» — чтоб очевидно, чтоб

брало за душу, цепляло, как говорили футуристы — «как будто пьёшь кипящий керосин». Или «её величества живописи» — очевидное мастерство, маэстрия. Словом, чтобы наш посетитель испытал духовное приключение, чтобы не остался равнодушным. Это самое плохое. Помнится, в Амстердаме я понял, что подхожу к художественному центру, за несколько кварталов (там были расписные причальные тумбы). В маленьком немецком городке оторопел, потому что оказался в... синем городе. Оказалась такая художественная акция. В Копенгагене — любимый праздник — день посе-

щения художественных мастерских. Да мало ли... Мы тоже решили подойти к пространству Центра как к художественному. Чтобы везде — в уличных скамейках, дверных ручках, бордюрах, стенах, окнах, светильниках и т.д. и т.д., чувствовалось прикосновение руки художника. И смею думать, даже

если выставки категорически не понравились, люди не уходят разочарованными, дескать, зря потратили время — сами больше не пойдём и других отговорим.

Но есть ещё, о чём мечтать... Вот приходит посетитель-зритель-клиент (и так к нему надо подходить, и так, и так). Причём приходит не в приспособленное, как это часто бывает с центрами современного искусства — чердаки-подвалы, а специально спроектированное здание. Кто бы сейчас вспомнил галерею Пегги Гугенхэйм, если бы не придуманное специальное включающееся-выключающееся освещение или внезапно возникающий звук мчащегося поезда. Так вот, всё говорит, что он оказался в особенном пространстве художественного центра. Это не обязательно мрамор и что-нибудь величественное, скорее, наоборот. В одном центре я видел роскошную лестницу, но устроители, чтобы снизить неуместный пафос,

расчертили пространство под лестницей так, чтобы можно было измерить собственный рост. Прекрасное решение! Наш посетитель имеет выбор — осмотреть постоянную коллекцию (у нас, например, уже накопилось много работ, которые оставляют художники после выставки — осно-

ва коллекции музея современного искусства в Великом Новгороде) или познакомиться с временными выставками, коих много, от фотографии, дизайна, до графики, скульптуры, живописи. Есть и что-нибудь неожиданное — фотографическая коллекция канализационных люков, визуальный мир парфюмерии, надгробные памятники (шучу, наверное, а впрочем, почему бы и нет) или что-нибудь в этом роде. Наш посетитель не растерян, потому что рядом уже консультант-экскурсовод. Не аудиогид, а живой человек — вопрос-ответ, заинтересованный рассказ. На входе электронное панно, на котором реализуется то, что мы называем сотворчество со зрителем. Давно доказано, что картина или книга после опубликования автору не принадлежит, а принадлежит потребителю. Он дополняет, интерпретирует, негодует или радуется. А когда и как мы это творчество собираем?

Книга отзывов — единственный ручеек. А здесь... Голосование и высказывание, рефлексия на ожидаемые выставки, голосовые сообщения, словом, любые формы активности для человека пришедшего, а не зашедшего на сайт. Конечно, сайт вроде бы предполагает такое общение, но здесь-то ты видишь объекты искусства непосредственно, вживую, как говорится, «нюхаешь носом» (надо ещё научиться). Тем более что у многих картин или объектов стоят мониторы и можно увеличить холст (если он этого заслуживает, как это сделано в музее Ван Гога) и рассмотреть «кухню», мазок, как это

сделано. И, главное — через это устройство можно выйти в мир и оказаться на открытии любой выставки в любой точке земного шара (мечты, мечты) или посетить любой музей или мастерскую художника, выставку которого сейчас увидел, или посмотреть другие его работы. Разумеется, всё устроено удобно, и можно расположиться в кресле, наедине с компьютером и пр.

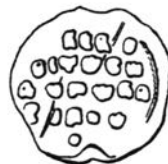
Конечно, в этом Центре есть залы, где можно посмотреть авторское кино или видео-арт, концертные площадки, различные мастер-классы и Академия визуальных искусств, где в различных конфигурациях и для разных возрастов предлагаются программы по истории современного искусства и знакомству с ЯЗЫКОМ балета, оперы, кино, театра, изобразительного искусства, цирка, если хотите и массовых зрелищ. Музыка и литература не относятся к искус-

ствам визуальным, но у нас в «Диалоге» Татьяна Берфорд читает такие лекции по ПОСТИЖЕНИЮ музыкальных произведений — заслушаешься. Так что темы «музыка-живопись» или «литература-иллюстрация» вполне могли бы быть. Конечно, художественный салон и книжная лавка, конечно детская площадка опять же с электронным табло, где можно было рисовать, «складывать» картины, подби-

рывать цвета интерьеров. Получается — на весь день, а тогда и ресторан с блюдами голландских натюрмортов или кухни импрессионистов, винами ар-деко... Ну что ж, помечтали и хватит.

Мой друг, профессор из университета в Киото, переводчик. Когда жил здесь, всё удивлялся — почему в квартиру,

которую он снимал всё время, приходил какой-то начальник и представлялся «старший по подъезду». Ни разу, говорит, не видел, чтоб он приезжал, всё время приходит, значит «старший по подходу». Я объяснял, что так не говорят, что не об этом тут речь. А теперь думаю, пусть будет так, как хотел Кэнъети Мацумото. Получатся не размышления у «культурного подъезда», а «размышления о культурном подходе». Так-то лучше.

НОВГОРОДСКИЙ ЦЕНТР СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

ВЫСТАВКА «РАХМАНИНОВ. КОЛЫБЕЛЬ ГЕНИЯ»

Антон Мартьянов

«РАХМАНИНОВ. КОЛЫБЕЛЬ ГЕНИЯ»

1 апреля 2023 года исполнилось 150 лет со дня рождения Сергея Васильевича Рахманинова (1873—1943) — великого русского пианиста, композитора и дирижёра. К этому знаковому для отечественной и мировой культуры событию Новгородский музей-заповедник подготовил масштабный выставочный проект «Рахманинов. Колыбель гения», который позволил посмотреть на творчество великого русского композитора через призму разнообразных музыкальных впечатлений, полученных им в глубоком детстве.

Главной сюжетной линией юбилейной выставки стал рассказ о новгородском периоде жизни С.В. Рахманинова, а также о его семье — в первую очередь по линии новгородских дворян Бутаковых. С юных лет Сергея Рахманинова окружали яркие личности: родители матери (дедушка-военный и бабушка, имеющая музыкальные способности и феноменальную память), мать и отец, которые любили музыку и играли на фортепиано. Повседневная жизнь родных людей в провинциальном Новго-

роде и его окрестностях, имениях Онег и Борисово, — вот что стало той средой, в которой рос будущий композитор, в которой формировались его музыкальный талант, его характер и мировоззрение.

Новгородское детство С.В. Рахманинова ранее никогда не становилось главным сюжетом крупных музейных выставок. Во многом это связано с тем, что большинство памятников истории и культуры, связанных с детскими годами композитора, были безвозвратно утрачены в годы Великой Отечественной войны. К числу таких памятников относится имение его родителей Семёново, где будущий композитор появился на свет, церковь Космы и Дамиана в селе

сийского дворянства второй половины XIX века. В экспозиции нашли отражение документальные и фотографические материалы по истории семьи Бутаковых-Рахманиновых, произведения живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, редкие книжные издания, репертуарные сборники и отдельные издания нот, исторические костюмы и предметы усадебного интерьера.

В число экспонатов выставки вошли редко экспонируемые и малоизвестные

Старые Дегтяри, где он был крещён, имение Онег, в котором прошли первые восемь лет его жизни и которое он сам считал местом своего рождения.

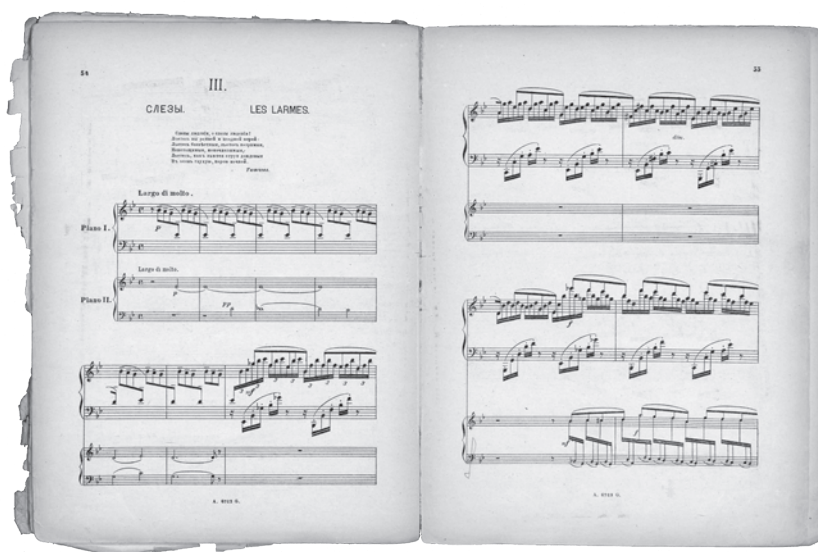
Выставка «Рахманинов. Колыбель гения» восполнила этот пробел и объединила в единую экспозицию более 400 музейных предметов, раскрывающих образы близких родственников С.В. Рахманинова и передающих атмосферу усадебного и городского быта рос-

предметы: метрическая книга с записью о рождении и крещении С.В. Рахманинова, золотые швейцарские часы-кулон матери композитора Л.П. Рахманиновой, конволюты нотных изданий, принадлежавшие его бабушке С.А. Бутаковой, а также находки, полученные в результате археологических раскопок на территории Парка усадьбы «Онег».

Важной частью выставки стала музыка С.В. Рахманинова. Звучание произ-

ведений композитора на рояле фирмы «Bluthner» рахманиновской эпохи можно было услышать как в день открытия выставки, так и в рамках тематических концертных программ, устраиваемых в период работы экспозиции. Помимо этого, на всём протяжении работы выставки с помощью QR-кодов посетители могли прослушать записи произведений композитора в исполнении других музыкантов и познакомиться с воспоминаниями С.В. Рахманинова о детских годах жизни.

локолов Звонницы Софийского собора, романс «Сон» на слова А.Н. Плещеева (из Гейне) ор. 8 № 5, сочинение «Пантелей-целитель» на слова А.К. Толстого для смешанного хора без сопровождения. К числу произведений, в которых нашли отражение детские воспоминания С.В. Рахманинова, можно отнести и романс «Сирень» на слова Е.А. Бекетовой ор. 21 № 5. В цветах сирени утопало родовое имение композитора — усадьба Онег. Именно поэтому в интерьерном

Стоит отметить, что детские впечатления, полученные С.В. Рахманиновым от пребывания на Новгородской земле, нашли серьёзное отражение в творчестве великого композитора и вдохновили его на создание целого ряда шедевров. К числу таких произведений можно отнести Сюиту № 1 для двух фортепиано ор. 5, где в третьей части «Слёзы» буквально воспроизводится звучание ко-

оформлении выставки «Рахманинов. Колыбель гения» использовалась сиреневая цветовая гамма.

В пространстве выставки «Рахманинов. Колыбель гения» в течение всего периода её работы проходили лекции, концертные программы, авторские и театрализованные экскурсии. На момент подготовки материала, за период с апреля до начала июля 2023 года выставку

посетило более 7000 человек. Многие из них поделились своими впечатлениями в социальных сетях и блогах, оставили отзывы в книге посетителей.

«Музыка — язык души! Благодарю организаторов выставки за то, что смогли материализовать этот язык в атмосферу жизни дорогого для каждого новгородца, великого композитора и человека — Сергея Васильевича музыку. Это привет нашему поколению из прошлого времени, которое было Рахманинова. Наши дети должны знать это имя, слушать его прекрасным! Благодарю!».

Елена Шумак. 01.04.2023

«Огромное наслаждение получила от выставки, посвященной 150-летию Рахманинова. Прекрасное оформление,

замечательные экспонаты, чудесная атмосфера позволяют погрузиться в эпоху того времени, глубже понять и прочувствовать гениальную музыку композитора. Низкий поклон организаторам».

Захарова Л.П. Санкт-Петербург. 15.04.2023

«Спасибо за возможность заглянуть на мгновение в жизнь талантливого человека и прекрасного музыканта».

Хабаровск. 15.04.2023

«Поражена необыкновенной выставкой. Как экспозиционер хочу отметить высокий профессионализм, вкус, фантазию и гармонию во всем создателей выставки. Получилось чудо, где есть место и семейным воспоминаниям и об-

щим историческим тенденциям. За "сиреневую тему" особая благодарность от участника "Февральской сирени" в Санкт-Петербурге».

Заведующая научно-экспозиционным отделом Санкт-Петербургского историко-мемориального музея «Смольный»
Федорова О.К.
18.04.2023

«Замечательная выставка. Настоящее эстетическое наслаждение дарят цветовая гамма зала, и воспроизведенные интерьеры дворянской провинциальной усадьбы начала XX века. Ощущаешь себя на веранде перед тенистым сирене-

вым садом. Сотрудники профессионально ориентируют по представленным экспонатам! Большое спасибо за труд всем причастным!».

Гости из Воронежа.
24.04.2023

«Огромное спасибо авторам и воплотителям выставки за труд, за создание замечательной и очень душевной экспозиции. Фильмы чудесные и содержательные. Выставка оставляет очень теплые ощущения, словно познакомился с великим человеком. Спасибо!».

Валерия Одинцова,
Ольга Брагина.
Санкт-Петербург.
07.05.2023

«Очень крутое место! А Рахманинов, в детстве то, был тем еще проказником! Недавно на музыке мы проходили Рахманинова, и я узнала о нем много нового на этой выставке!».

К.Б. из СПб. 06.05.2023

«Выставка, с которой не хочется уходить! Полное погружение в эпоху и жизнь интересного человека! Сколько любви и интереса к судьбе Сергея Рахманинова вложено в ее создание! Очень нужная для нас всех выставка! Благодарю!».

Татьяна Березинова.

Санкт-Петербург.

21.05.2023

Проведение столь масштабной выставки было бы невозможно без поддержки фонда «История Отечества» и помощи многочисленных партнёров.

Среди них — Российский национальный музей музыки, Музей-заповедник С.В. Рахманинова «Ивановка», Центр музыкальной культуры им. С.В. Рахманинова МАУК «Диалог», Народный музей А.С. Аренского, А.К. Лядова, С.В. Рахманинова при Новгородском областном колледже искусств им. С.В. Рахманинова, Государственный архив Новгородской области, Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Российский государственный исторический архив, Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, Государственный архив аудиовизуальной документации Нижегородской области, Музей-мастерская фортепиано Алексея Ставицкого, Коллектив киноискусства «КраеведЪ», Тамбовский областной краеведческий музей.

Пётр Иванович Бутаков

Пётр Иванович Бутаков (1810—1877) — дед С.В. Рахманинова по материнской линии, отставной генерал-майор, один из двух сыновей новгородского мелкопоместного дворянина, подпоручика Ивана Дмитриевича Бутакова (1763—1857).

В 1829 году окончил Павловский кадетский корпус, откуда был выпущен в чине прапорщика. В составе Гренадерского Наследного Принца Прусского полка в 1831 году принимал участие в подавлении восстания в Польше, за что был награждён орденом св. Анны IV степени с надписью «За храбрость», серебряной медалью за взятие Варшавы и Польским знаком отличия за военное достоинство IV степени.

Владел немецким и французским языками. В ноябре 1836 года был командирован к Новгородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу, где

проработал вплоть до перевода корпуса в Нижний Новгород (1866). Преподавал фронтную службу (строевую подготовку), подразделявшуюся на ружистику и шагистику, и историю, позже был наставником-наблюдателем по предмету «История».

В 1852 году награждён знаком отличия за 20 лет беспорочной службы. Дослужился до чина полковника. За время службы был награждён орденом св. Георгия IV степени (за выслугу в офицерских чинах 25 лет), а также орденами св. Анны II степени и св. Станислава II степени с императорской короной. В 1866 году вышел на пенсию с повышением в чине.

Софья Александровна Бутакова

Софья Александровна Бутакова (1823—1904) — бабушка С.В. Рахманинова по материнской линии.

Родилась в Новгородском уезде, в семье отставного майора Александра Васильевича Литвинова (1788—1871) и его жены Веры Яковлевны, урождённой Пущиной (1797—1881). Была четвёртым ребёнком в семье. Получила домашнее воспитание и образование. В начале 1849 года вышла замуж за капитана П.И. Бутакова и с того времени жила в доме его отца И.Д. Бутакова на Дмитриевской (Великой) улице, а также в общежитии офицеров Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса. Около 1854 года переехала с мужем в имение Онег Подберезской волости Новгородского уезда. После смерти мужа, с 1877 по 1886 год, жила на улице Варваринской (Десятинной) в собственном полукаменном доме. Именно в этом доме проводили лето с 1882 по 1886 год её внуки, в том числе Сергей Рахманинов.

В 1887—1890 годы проживала в приобретённом в 1882 году имении Борисо-

во. В это имение к ней летом с 1883 по 1887 год, а также в 1889-м приезжал внук Сергей.

Впоследствии Софья Александровна не раз переезжала, о чём свидетельствует приобретённая ею в Новгороде недвижимость. Так, в 1891-м она владела двухэтажным домом «заставы близь» на Старой Московской улице; в том же году приобрела «деревянный с мезонином дом с флигелем» на углу улицы Никитинской и Набережной реки Волхов. С 19 февраля 1891 до 16 ноября 1892 года владела «деревянным на фундаменте домом с надворными постройками» по Дворцовой улице. В 1893 году Софья Александровна была хозяйкой дома на Андреевской улице, где у неё до 20 мая жил внук Сергей, к тому времени — выпускник Московской консерватории. Дом на углу улицы Никитинской и Набережной реки Волхов Софья Александровна продала в следующем году, чтобы переехать в свой последний дом — снова на Варваринской (Десятинной) улице.

Дом располагался рядом с её прежним жилищем на этой улице. Причиной возвращения стала близость Десятинного монастыря, который был, вероятно, очень значимым местом для старой генеральши. Дело в том, что в начале XIX века игуменьей монастыря была Палладия (Бутакова), которая, возможно, приходилась родственницей её покойному супругу. Духовным отцом Софьи Александровны был протоиерей Десятинного монастыря Александр Петрович Устьянский (1854—1922). В этом доме она прожила последние 10 лет своей жизни, и именно сюда приехал весной 1897 года Сергей Рахманинов после провала своей Первой симфонии (15 марта). Похоронена С.А. Бутакова на кладбище Десятинного монастыря.

Была единственным ребёнком в семье Петра Ивановича и Софьи Александровны Бутаковых. После приобретения в 1854 году имения Онег жила с родителями в имении. Затем, по всей видимости, в Новгородском графа Аракчеева кадетском корпусе, где служил отец. В начале 1868 года вышла замуж за Василия Аркадьевича Рахманинова (1841—1916), после чего поселилась вместе с мужем в Онеге. В 1868 году у супругов родилась дочь Елена, в 1870 — дочь Софья, а в 1871 — сын Владимир.

В том же году Л.П. Рахманинова переехала в усадьбу Семёново Старорусского уезда, где в 1873 году у супругов родился сын Сергей. Однако в Семёнове они прожили недолго — до 1873 или 1874 года,

Любовь Петровна Рахманинова

Любовь Петровна Бутакова, по мужу Рахманинова (1849—1929) — мать С.В. Рахманинова.

после чего вернулись в Онег. Позже у супругов родилась дочь Варвара, умершая в возрасте полутора лет, а в 1880-м в Новгороде — младший сын Аркадий. С 1881 по

1885 год Л.П. Рахманинова с пятью детьми жила в Петербурге. В этот период произошёл её разрыв с мужем. Около 1885 года, вслед за Сергеем Рахманиновым, поступившим на младшее отделение Московской консерватории, Любовь Петровна переехала в Москву, однако прожила здесь недолго и, устроив сына, возвратилась в Петербург. В самом начале XX века из-за пошатнувшегося здоровья матери (Софьи Александровны) перебралась в Новгород, где прожила до самой своей смерти.

Василий Аркадьевич Рахманинов

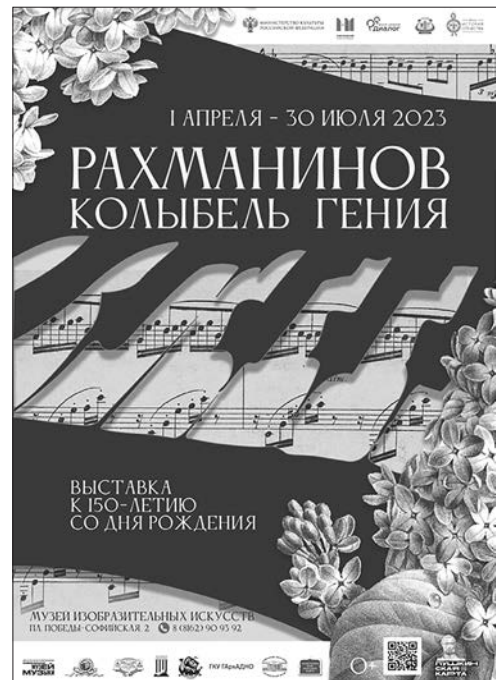
Василий Аркадьевич Рахманинов (1841—1916) — отец С.В. Рахманинова.

Воспитание получил в доме родителей. В 1857 году поступил на службу унтер-офицером в 18-й стрелковый батальон. 20 июня 1858 года произведён юнкером, 31 октября 1859-го года — в прапорщики. Был адъютантом командира 5-го армейского корпуса. Уволен от службы по домашним обстоятельствам с чином подпоручика. В 1864 году вновь поступил на службу корнетом в 5-й гусарский Александровский Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича старшего полка. Прикомандирован к штабу 3-й кавалерийской дивизии для исправления должности старшего адъютанта. В 1870 году уволен со службы по домашним обстоятельствам с чином штабс-ротмистра. Принят вновь на службу поручиком 17 марта 1871 года. Высочайшим приказом от 3 ноября 1872 года поручик Рахманинов уволен от службы по болез-

ни с чином штабс-ротмистра. 25 октября 1874 года утверждён посредником полюбовного размежевания земель: в Новгородском, Старорусском, Демянском, Крестецком и Валдайском уездах Новгородской губернии. Переименован в Титулярного Советника соответственно прежнему военному чину поручика.

В числе наград В.А. Рахманинова серебряные медали «За покорение Чечни и Дагестана в 1857, 1858 и 1859» и «За покорение Западного Кавказа 1857—1864», крест «За службу на Кавказе 1864» и медаль «За усмирение Польского мятежа 1863—1864».

В 1872 году В.А. Рахманинов был уволен от службы по болезни в чине штабс-ротмистра (штабс-ротмистра).

Татьяна Берфорд

«С БЛАГОДАРНОСТЬЮ СУДЬБЕ...»

О книге «Рахманиновы и другие на Новгородской земле» новгородского автора Валерия Васильевича Демидова

Важнейшая часть жизни Сергея Васильевича Рахманинова — великого русского композитора, пианиста и дирижёра — была связана с Новгородской губернией. Однако до настоящего времени тема «Рахманинов и его малая родина» оставалась наименее изученной. Восполнить этот пробел хотя бы частично и призвана только что вышедшая из печати книга новгородского рахманиноведа и краеведа Валерия Васильевича Демидова «Рахманиновы и другие на Новгородской земле». На первой её странице находим значимые слова: «*Посвящая всем новгородцам, ныне живущим*

и ушедшим, без которых эта книга не состоялась бы. С благодарностью судьбе за то, что она связала нас».

Издание двухтомника приурочено к 150-летию со дня рождения Сергея

Валерий Васильевич Демидов
в Народном музее А.С. Аренского,
А.К. Лядова, С.В. Рахманинова
при Новгородском областном колледже
искусств им. С.В. Рахманинова

Васильевича Рахманинова. В книге использовано большое число документов, касающихся новгородских связей композитора, его родственников и потомков, в том числе зарубежных. Эти документы почерпнуты из государственных архивов Астрахани, Великого Новгорода, Москвы, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Тамбова. Автор обращается также к документам из фондов Института русской литературы (Пушкинский Дом), Санкт-Петербургской государственной консерватории им.

Н.А. Римского-Корсакова, Новгородского государственного объединённого музея-заповедника, Народного музея А.С. Аренского, А.К. Лядова, С.В. Рахманинова при Новгородском областном колледже искусств им. С.В. Рахманинова, Новгородской областной универсальной научной библиотеки и личных архивов.

Большинство материалов книги уникально и напечатано впервые. Их публикация призвана, в частности, устранить некоторые искажения и перекосы, которые образовались в рахманиноведении за долгие годы. Книга даёт представление о том, какое значение имели семья С.В. Рахманинова по материнской линии, его новгородские детство и юность для формирования таланта композитора, его характера, мировоззрения и любви к Родине, пронесённой им через всю жизнь.

Автор книги, Валерий Васильевич Демидов, — по профессии композитор, выпускник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, где его учителями были такие известные композиторы и учёные, как О.А. Евлахов, Ю.Н. Тюлин, С.М. Слонимский. По окончании консерватории он более полувека преподавал музыкально-теоретические дисциплины в Новгородском областном колледже искусств им. С.В. Рахманинова. В 1989 году вместе с супругой, пианисткой Идеей Гавриловной Демидовой, открыл при колледже, называвшемся тогда Новгородским музыкальным училищем, Музей А.С. Аренского, А.К. Лядова, С.В. Рахманинова, а с 1996 по 2020 годы был его руководителем.

В. В. Демидов. Рахманиновы и другие на Новгородской земле

Отец Владимир
(Борисов, 1891–1938),
священник церкви Рождества Богородицы
на ул. Мясницкой.
Духовный отец П. П. Рахманиновой

Дом Евреи и Сретеня Мясницких
на ул. Бельной Мясницкой.
Во флигеле дома в 1922–1924 гг.
прописаны П. П. Рахманиновы.
Фото И. Т. Демидова,
18 мая 2013 г.

170

Часть III. Рахманиновы

Владимир Иванович Хакхалов
(1899–1998),
регент новгородской церкви Воскр. 1928 г.
Архив Хакхаловых (Новгород)

Пётр Александрович Зенгулов
(1873–1967),
владелец магазина фруктов
на ул. Бельной Мясницкой.
Архив Барятинских (Санкт-Петербург)

171

Сложно переоценить его вклад в сохранение памяти о великом музыканте. При непосредственном активном участии Валерия Васильевича в музее трёх композиторов появились уникальные экспонаты, была благоустроена могила матери С.В. Рахманинова — Любови Петровны на Рождественском кладбище. Он инициировал установление памятного знака на месте усадьбы Семёново в Старорусском районе, где родился С.В. Рахманинов, и памятника композитору в Великом Новгороде. На ул. Десятинной, где жили бабушка Рахманинова — Софья Александровна Бутакова, его мать, а также сам композитор, и на доме возле остановки «Сметанинская мыза» — на месте имения Борисово, принадлежавшего С.А. Бутаковой, были открыты ме-

мориальные доски. Валерий Васильевич является автором целого ряда статей, посвящённых С.В. Рахманинову и его учителю по композиции, уроженцу Новгорода А.С. Аренскому, а также их предкам в Новгородской губернии.

Над книгой «Рахманиновы и другие на Новгородской земле» Валерий Васильевич работал более тридцати лет.

Первый том книги — это повествование о родословной С.В. Рахманинова, его новгородских предках, а также родственниках по материнской линии — новгородских дворянах Бутаковых и Литвиновых. Здесь же представлена тамбовская и зарубежная родня композитора, связанная с Новгородской землёй.

Во втором томе собраны очерки и исследования В.В. Демидова: «Музей

А.С. Аренского, А.К. Лядова, С.В. Рахманинова», «Живая вода Онега», очерк «Хранительница», посвящённый Т.А. Самсоновой (1906—1990) — подвижнице, сделавшей очень многое для сохранения памяти о С.В. Рахманинове на Новгородчине. В исследовании «Так где же родился Рахманинов?» автор ставит точку в многолетних сомнениях и спорах относительно места рождения композитора, убедительно доказывая посредством реконструкции, а также привлечения метеорологических дан-

ных невозможность путешествия из Онега, располагавшегося близ Новгорода, в село Старые Дегтяри Старорусского уезда для крещения будущего композитора в конце марта — самом начале апреля 1873 года.

Здесь впервые полностью опубликован семейный календарь Литвиновых — предков Рахманинова по материнской линии, позволяющий уточнить целый ряд важных дат в генеалогическом древе композитора и другие факты, касающиеся его семьи. Большой интерес вызывает первая публикация «Дневника сельскохозяйственных работ», который вели добрые друзья Бутаковых-Рахманиновых — петербургские дворяне Кожевниковы, проживавшие по соседству с Онегом на мызе Змейско. Удивительно, но в повествовании о сельскохозяйственных работах можно обнаружить дату переезда семьи Рахманиновых с новорожденным Сергеем из Семёнова в Онег (около 6 мая 1873 года)!

В издании представлены многочисленные иллюстрации — копии архивных документов и афиш, а также фотографии великого музыканта, его родственников и тех, кто знал семью Бутаковых и Рахманиновых.

Публикация книги В.В. Демидова стала возможной благодаря поддержке Фонда «История Отечества» и Правительства Новгородской области.

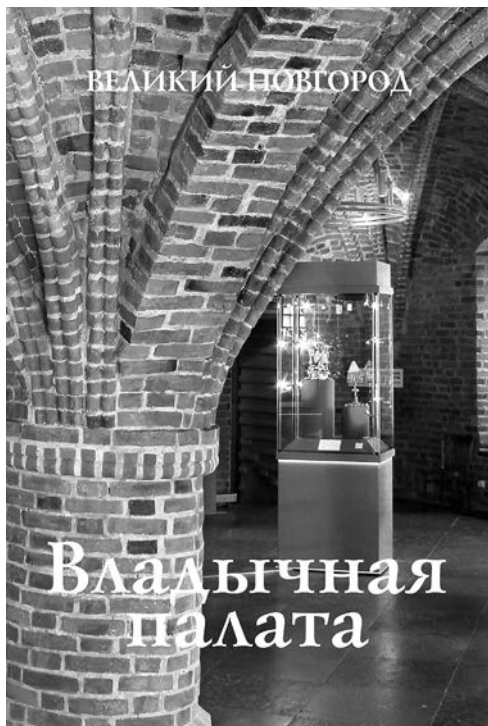
Сергей Верхов

БЕСЦЕННЫЕ ШЕДЕВРЫ

В рамках программы проведения IX ежегодного Книжного фестиваля «Красная площадь — 2023», организуемого Министерством цифрового развития, Министерством обороны, Федеральным агентством по делам национальностей Российской Федерации, Департаментом средств массовой информации Мэрии г. Москва, а также ведущими отечественными общественными и профессиональными объединениями, в первый день работы форума подведены итоги Всероссийского Конкурса «Лучшие книги года — 2022».

В конкурсе приняли участие 110 издательств из 48 регионов страны. Экспертным советом Ассоциации книгоиздателей России рассмотрено более 520 выдвинутых изданий по 12 номинациям. В номинации «Лучшее издание духовной и историко-религиозной литературы» Дипломом удостоен альбом «Великий Новгород. Сокровища Владычной палаты», автор Наталья Владимировна Гормина — ведущий специалист и хранитель бесценных шедевров декоративно-прикладного искусства из собрания Новгородского государственного

музея-заповедника. Альбом также отмечен Дипломом Издательского совета Русской Православной Церкви, подписанный Председателем совета митрополитом Калужским и Боровским Климентом.

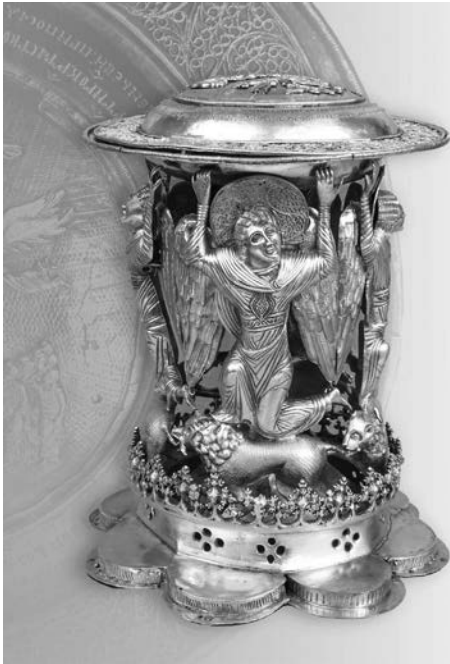

Книга подготовлена главным художником-дизайнером Н.Б. Масловой в издательстве, возглавляемым С.И. Верховым, которое давно и плодотворно сотрудничает с Новгородским музеем-заповедником, готовя за собственный счёт альбомы по музейным коллекциям и путеводители по малым городам и памятным местам России в содружестве почти с сотней государственных музеев Европейской части страны. Издательство не ограничилось одной формой представления материала. Был подготовлен также путеводитель, целью которого стало создание возможности в социальной доступности бесценного публикуемого материала для самого широкого круга читателей.

Оба издания посвящены одной из известнейших и богатейших мировых коллекций декоративно-прикладного искусства из собрания Новгородского объединённого государственного музея-заповедника.

Её уникальность прослежена на примере 110 выдающихся памятников V — конца XIX века в контексте многовековой исторической связи древнего города с культурными и духовными столицами Востока и Запада, а также взаимосвязи новгородской художественной традиции с основными отечественными центрами. Альбом отличает большое количество деталей памятников.

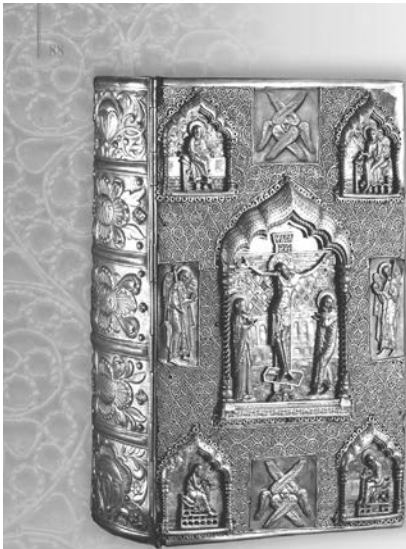
В изданиях также приводится история

75

77
**ШАБАЦАР - ВОШИШЕННЕ ПОСОВИЕ,
 СВЯТЫ ТРОИЦА БОЖИЯТА ЗНАМЕНЕ.**
 1435 год
 Митроу Иван, Новгород
 Серебро, медь, чеканка, литые,
 резные, эмаль, жемчуг, опалы
 39 × 23 × 22,3 см
 Держано в Софийском соборе

78
ВОШИШЕННЕ ПОСОВИЕ
 Диска чеканкой отпущена
 верхней торова полимера

91
ЕВАНГЕЛИЕ МАТФЕИТЪВОСЪ
 1741 год Москва
 Оклад — Филониев, с прикрасками.
 Евангелисты: Архангелы. XVI—XVIII века. Новгород
 серебро, бронза, серебро, литые, эмаль, жемчуг,
 резные, вышитые. 34 × 24 × 10,5 см
 Держано в Св. Сп. Иеронимовской

92
АРХАНГЕЛ МИХАИЛ
 Деталь оклада Евангелия

создания самого здания — Владычной (Грановитой) палаты Новгородского кремля, в которой ныне находится коллекция. Возведённая в XV веке как резиденция новгородских архиепископов, она воплотила в себе многогранные архитектурные приёмы и сложное устройство, позволившее её выделить как выдающийся памятник Средневековья.

Основное время работы над публикациями пришлось на период пандемии, позволивший сделать музейным специалистам специальную высокохудожествен-

ную фотосъёмку, что отличает альбом от ранее публиковавшихся по этой теме и выводит его в разряд незаменимых и для специалистов, работающих в области средневекового декоративно-прикладного искусства. Это подтвердила и презентация 5 декабря 2022 года на выставке высокоинтеллектуальной литературы Non-fiction – 2022 в Москве, на которой с положительными рецензиями выступили ведущие отечественные специалисты из главных государственных музеев и научно-реставрационных центров России.

Татьяна Даныко

ГУБЕРНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Детектив — один из самых популярных жанров, обязательными атрибутами которого являются, как правило, запутанные сюжеты, обаятельные сыщики, несчастные жертвы. Автор ведёт читателей по запутанным лабиринтам расследования, и чем больше загадок в детективных сюжетах, тем более захватывающей становится развязка.

В детективных же историях, случившихся в Новгородской губернии в середине XIX века, нет ничего надуманного. Все они написаны по следственным и судебным делам из фондов Государственного архива Новгородской области, потому события, места действия и даты, равно как и имена «сыщиков» и «разбойников», сохранены. Впервые эти истории были опубликованы на страницах газеты «Новгородские ведомости» в 2004 году.

«О покраже новгородских икон»

Летом 1865 года в адрес Новгородского полицейского управления поступил секретный багаж общим весом более 14 пудов, застрахованный Санкт-Петербургской компанией «Надежда»: пять тюков икон, церковных украшений и утвари. Отправителем значилась Сретенская

часть полиции Москвы. В дополнение к багажу в Новгород направлялись следственное дело о покраже церковной утвари на 348 листах и два арестанта — московский мещанин Андрей Петрович Копытов и крестьянин Архангельской губернии Иван Алексеевич Богданов.

«Не укради...»

Первые рапорты новгородских приставов и исправников о грабежах и кражах из церквей Новгорода и губернии стали поступать в полицейское управление весной и летом 1864 года. Одна за другой случались кражи икон, старинных деревянных крестов, различной ценной церковной утвари из Молотковской, Петропавловской, Флоровской и Климентовской градских церквей Новгорода, из Старорусского Спасо-Преображенского и Кирилло-Белозерского монастырей, из домов священников и новгородских мещан.

Случайными такие кражи быть не могли, судебные следователи Новгородского окружного суда пришли к заключению, что это серия преступлений: не каждый поддастся соблазну и вкусу лёгкой наживы и пойдёт на святотатство,

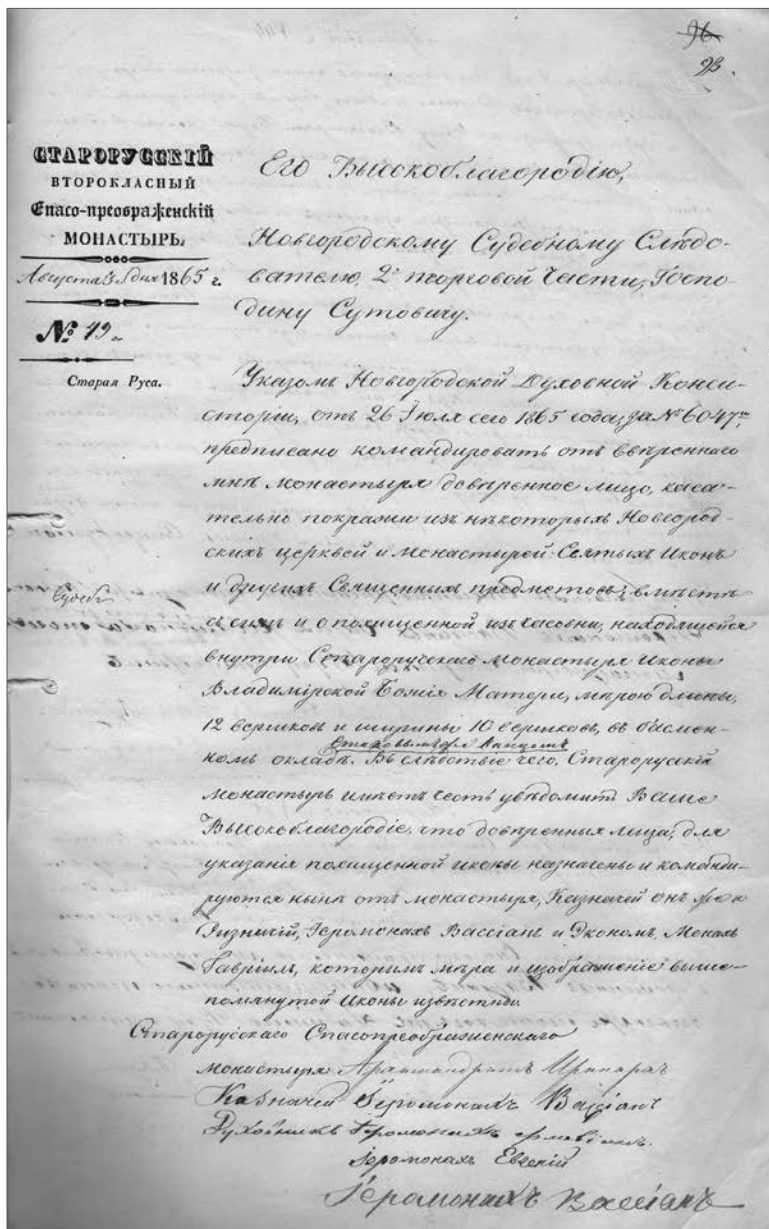
на осквернение церкви и позарится на её богатства.

Однако, несмотря на все старания полиции, в Новгороде преступников обнаружить по свежим следам не удалось. Депеши о кражах из новгородских церквей разошлись по полицейским управлениям Российской империи.

Тщательные проверки злочных и подозрительных мест, систематическая работа полицейских чинов с секретными сотрудниками и изучение оперативной информации достаточно скоро дали свои результаты.

Тайная торговля иконами древнего писания

По доносам агентов полиции, поступавшим приставу Сретенской части полиции Москвы Шляхтину осенью

Письмо священнослужителей Старорусского Спасо-Преображенского монастыря
судебному следователю Торговой части Новгорода Сутовичу
о похищении иконы Владимирской Божией Матери. 3 августа 1865 года.
ГАНО. Ф. 537. Оп. 1. Д. 2. Л. 93

Списокъ
Иконъ, находящихся по списку, Курьинского Кирилло-
Белозерскаго Монастыря.

115

№	по описи	Наименованіе иконъ.
1.	7.	Икона горница, въ столѣ Образъ Божіа Матери Владимірскаго, оклада на свѣту и полахъ серебрянный, багрянный, възолоченный, вѣнчикъ сканной, такой же, на правую часть изображеніи, столпика Препод. Кирилла Белозерскаго, фигура съ подписью серебрянный иконы.
2.	10.	Икона Курьинскія вратами образа Препод. Михаила Млынина, вѣнчикъ и оклада на свѣту и полахъ серебрянный, багрянный, възолоченный.
3.	8.	Икона Курьинскія вратами, образа Препод. Кирилла Белозерскаго, оклада на свѣту и полахъ серебрянный, багрянный, възолоченный, вѣнчикъ на ликахъ серебрянный, різный.
4.	15.	Образъ Еммануила, оклада на свѣту полахъ и вѣнчикъ серебрянный, багрянный, по размѣщеніи вѣнчикъ.
5.	22.	Образъ на престолѣ свѣдѣнія Пресвѣтлѣя Богородица съ предвѣдѣніемъ младенца и по сторонамъ елика святыхъ съ правой стороны Свѣтлѣя Богородица, муринка на Троицкѣ, Свѣтлѣя Младенца, муринка на Троицкѣ, съ левой стороны Препод. Маріона, Маріа Божіа Матери, муринка Свѣтлѣя и Свѣтлѣя, и въ воззрѣніи Свѣтлѣя Троицы оклада на свѣту и полахъ и вѣнчикъ серебрянный.

Из списка икон, не обнаруженных при проверке в Кирилло-Белозерском монастыре после серии хищений в храмах Новгородской губернии. 1866 год.

ГАНО. Ф. 537. Оп. 1. Д. 2. Л. 115

1864 года, «некоторые лица» вели торговлю краденной церковной утварью и украшениями времён патриарха Никона. Секретный розыск привёл пристава в дом купца Кадушкина в 3-м Гончарном переулке на Яузе, где снимал квартиру мещанин Андрей Петрович Копытов. Род его промысла давно был известен полиции: занимался он скупкой и перепродажей «из барыша» икон и церковных древностей. Видимо, дело было выгодное, поскольку компаньонами в этой торговле были ещё человек десять московских мещан и купцов. Перекупали они «товар» для своих лавок в торговом иконном ряду рынка оптом, по выгодной цене, иногда по 400 рублей за 10 икон, определённо с наваром для себя, а не «из любви к древности».

Внезапный обыск на квартире Копытова оказался результативным: в перечне обнаруженного из 44 наименований значились иконы, находящиеся по ориентировкам в розыске: Казанской Божией Матери, Николая Чудотворца, Знамения Пресвятой Богородицы, Святых апостолов Петра и Павла в серебряных окладах, образ Спасителя с серебряным венцом, шесть икон без окладов, иконы древнего писания, церковный деревянный крест, обложенный серебром и «небольшой серебряный крест с мощами Св. Андрея Первозванного, три древние пелены обшитые жемчугом, из которых на одной изображён крест из 39 ликов святых», пять священнических риз и четыре епитрахили, много китайского жемчуга и разноцветных камней, снятых с икон, и прочее.

На первом же допросе Копытов назвал имя поставщика икон Ивана Богданова,

беглого из Петрозаводского тюремного замка. Скучного описания внешних данных Богданова — «росту среднего, волосом рыжеватого, борода большая», было достаточно для обнаружения и ареста его на следующий день после обыска у Копытова. Взяли беглого арестанта с полчиным на Таганке, где он пытался продать икону Владимирской Божией Матери, по описанию «древнюю в серебряном окладе, без венца, но с явными признаками, что венец на этой иконе был».

Явно лукавили на допросах и очных ставках Богданов, Копытов и их подельники, заявляя, что всё описанное на квартире Копытова вовсе не краденное, а было куплено у частных лиц и священников в Клину, Вышнем Волочке, Новгороде и Старой Руссе. Для освидетельствования ценности краденного Шляхтин пригласил мастеров из ювелирного цеха московской ремесленной управы. Учитывая важность и художественную значимость украденного имущества, московский пристав справедливо полагал, что не покупкой они были приобретены, а святотатством.

После предварительного расследования Шляхтин направил депеши о проведении дознания и сверки списка украденного из церквей в городское и уездные полицейские управления Новгородской губернии и Новгородскую духовную консисторию.

«Новгородский след» украденных икон

Полицейские управления на местах собирали свидетельские показания пострадавших. В том числе из Новгорода

последовало заявление от брата мещанки Анны Масловой: *«...неизвестный человек в июле прошлого 1864 года, спрашивающий старинных икон и книг пришел в небытность мою дома, торговал у сестры моей икону Владимирской Божией Матери в серебряной с позолотой ризе. За получением от хозяина денег, доведя её до гостиницы, оставил у крыльца и при подъезде скрылся. При производстве следствия выяснилось — похитившего икону зовут Иваном Алексеевым из Архангельской губернии».*

Малограмотная вдова не могла «за давностью лет» и слабости памяти описать вора. Поэтому полиция Новгорода просила пристава выслать фотографический портрет подозреваемого *«для припоминания его физиономии и определения в нем похитителя иконы».*

По сообщению из Новгородской духовной консистории, в числе пострадавших в большинстве своём были градские церкви Новгорода. Так, из Молотковской церкви была украдена, буквально на глазах священника, бархатная пелена и два воздуха, причём вором был человек, назвавшийся, по словам очевидцев, *«самым смиренным и благоговейным поклонником святыни и древности и через это ускользнувший от подозрения».*

Икона Казанской Божией Матери, украшенная жемчугом и позолотой, была похищена из Флоровской церкви во время ремонта, из Петропавловской, приписной к Ильинской церкви, воры во время богослужения из переполненной церкви унесли два старинных деревянных креста, украшенных серебром. В Климентовской церкви при проверке

имущества по описи не оказалось образа Знамения Божией Матери в фольговой ризе с серебряным венцом, по словам притча, потерялся образ в конце октября 1864 года, и по размерам икона была схожа с иконой из квартиры Копытова. Имели место кражи из Старорусского Спасо-Преображенского и Кирилло-Белозерского монастырей.

Таким образом, ответы из Новгородской консистории о кражах из церквей Новгорода и показания свидетелей подтвердили *«новгородский след»* краж, и дело по предписанию Московского полицмейстера производством переправлялось в Новгородское полицейское управление.

В сопровождении полицейских 14 июля 1865 года находящиеся под следствием 29-летний Копытов и 44-летний Богданов прибыли в Новгород, имея при себе дорожные документы с описанием примет и по мешку с одеждой, положенной арестантам: армяком, шапкой, портами, рубахой и портянками.

Днём ранее судебный следователь Новгородского окружного суда Пётр Сутович оформил в присутствии нескольких понятых протокол под № 1 — на предмет вскрытия присланного багажа с иконами из Москвы. Приглашённые на эту *«церемонию вскрытия багажа»* священники церквей, пострадавших от краж, и мещанка Маслова, опознали сразу некоторые из украденных вещей.

Последующие этапы расследования — осмотр мест происшествий, допросы свидетелей, очные ставки длились ещё полгода. Пострадавшие и свидетели опознали и Богданова, и Копытова, который, как выяснилось в ходе следствия, также

Списокъ

Святыхъ и старинныхъ, чинъ и ризъ, и разнородныхъ церковныхъ украшений, и съ каменьями въ квартире Монаха Агдры, Могорова Подъимства.

Приобретенные подкупкою вѣща
сего года:

1. Церковный деревянный крестъ обшитый ррурою въ серебряномъ, хл. ономъ 8 Распятие въ образѣ украшенное съ образами святыхъ въ камушкахъ, шикомъ вѣр. и увалою шир. перерезанъ 3 вѣр. вѣсу съ деревомъ 15 золот. —
2. Образъ Новагого Божіею Матери въ серебряномъ окладѣ съ украшеніемъ жемчуга и камушекъ, котораго шикъ ризы, с каменьями, и флюидомъ и позолотомъ, серебряномъ о хл. вѣсу 61 зол.; жемчугу 112 зол.; и въ разное украшеніе въ камушекъ.
3. Образъ Мисфилской Божіею Матери въ серебряномъ окладѣ, въ которомъ вѣсу 42 зол.
4. Образъ Св. Николая Чудотворца въ серебряномъ ризѣ съ камушекъ, въ коемъ вѣсу 67 золот.
5. Серебряная риза съ шикомъ украшеніемъ въ Мисфилской Божіею Матери шикомъ 7 вѣр. 2/3 вѣс. золотомъ, вѣсу 1 фунтъ 9 золот. —
6. Серебряная риза съ шикомъ украшеніемъ Мисфилской Божіею Матери вѣсу 60 золот. —

Из списка икон и церковной утвари, найденных в квартире
подозреваемого в краже А.П. Копытова. 1866 год.

ГАНО. Ф. 537. Оп. 1. Д. 2. Л. 39

был в Новгороде летом 1864 года и сам непосредственно участвовал в кражах.

Подследственные, не соглашаясь с обвинениями, отказывались даже от знакомства друг с другом, посылали прошения о пересмотре дела на имя Государя императора и губернскому

прокурору — «*строгому блюстителю закона и истинному ходатаю истинно страждущих*».

Однако факты, подтверждённые в ходе следствия, неумолимо доказывали участие обоих фигурантов дела в кражах. Потому и наказание было неминуемо.

Убийство надворной советницы Лейхтфельд

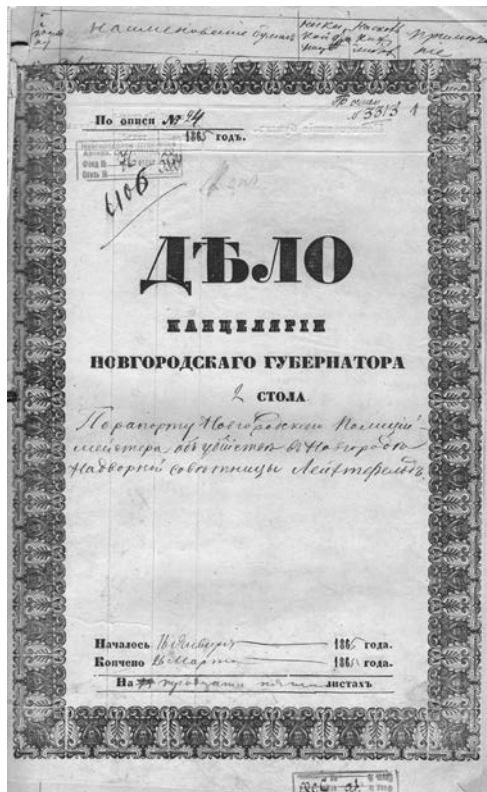
Ежедневно в канцелярию новгородского губернатора Эдуарда Васильевича Лерхе поступали многочисленные донесения полицейских чиновников из уездов и городов губернии

о происшествиях и преступлениях, случившихся на вверенной им территории: о пожарах и наводнениях, о беглых крестьянах и бродягах, убийствах и подкинутых младенцах, кражах и грабежах,

об утопленниках и прочих «странных» смертях. Один из таких рапортов поступил начальнику губернии из полицейского управления Новгорода 16 января 1865 года, незадолго до праздника Крещения Господня.

Некоторое время в доме купеческой жены Петровой на Софийской стороне Новгорода квартиру в мезонине снимала надворная советница Лейхтфельд. Детей при ней не было, и жизнь она вела тихую, спокойную, соответственно своим преклонным годам, не бедствовала, поскольку покойный супруг оставил ей довольно денег. Изредка навещали вдову знакомые, временами, заботясь о здоровье пожилой дамы, приходил врач, известный в городе доктор Аренский. Вечер 15 января Лейхтфельд провела как обычно: разложила пасьянс, приняла успокоительных валериановых капель и, помолившись, легла спать.

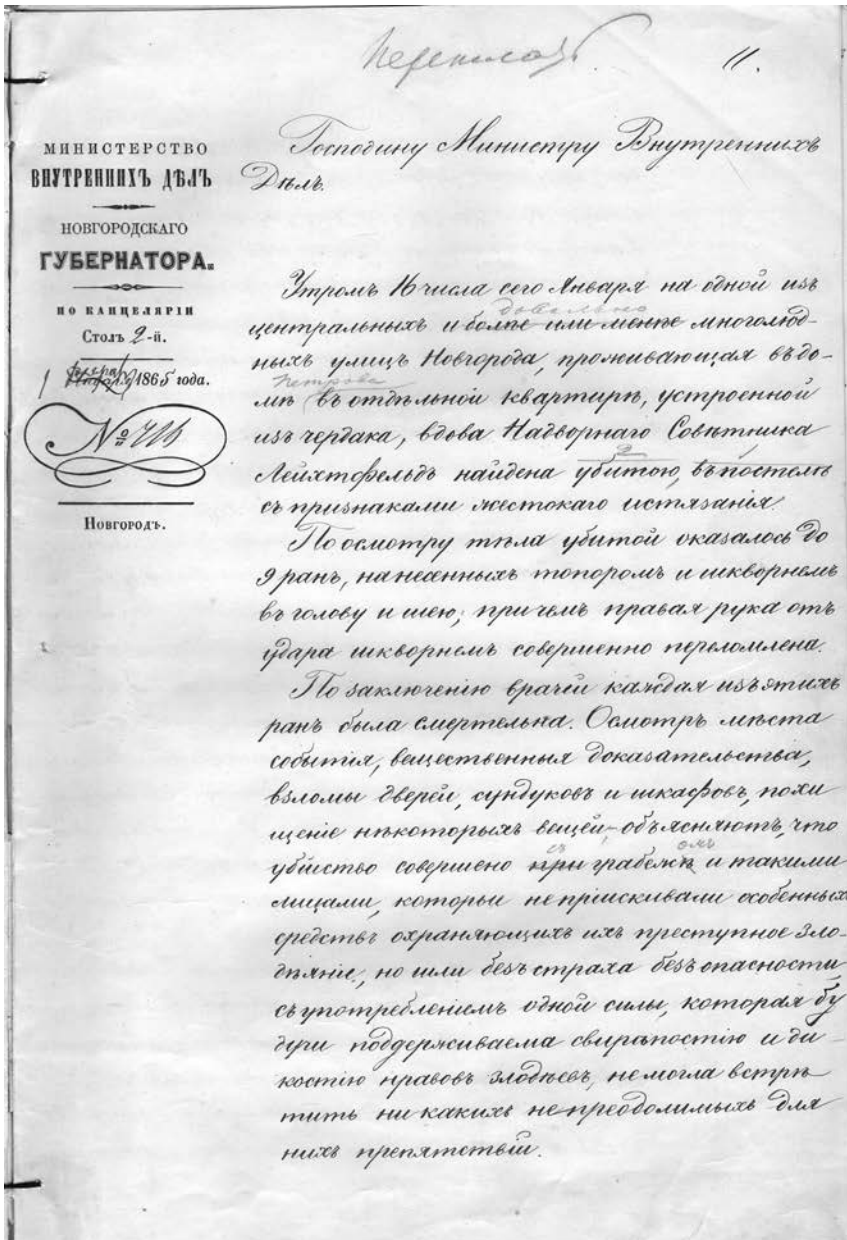
Утром следующего дня пришедшая прибрать комнаты вдовы Лейхтфельд прислуга Фёкла разбудила жутким криком весь дом, когда обнаружила хозяйку квартиры мёртвой. В рапорте полицейского пристава было записано: надворная советница Лейхтфельд найдена с отрубленной головой. Все засвидетельствованные при осмотре врачом девять ран, нанесённых топором и шкворнем в голову и шею, были смертельными. Осмотр места события, взломанные двери, развороченные сундуки и шкафы объясняли, что убийство было совершено определённо с целью грабежа, и преступники действовали невероятно дерзко, «не приискивали особенных средств, охраняющих их преступное деяние», рассчитывая только на внезапность и свою

Обложка дела
Канцелярии новгородского губернатора
по рапорту новгородского полицмейстера
об убийстве надворной
советницы Лейхтфельд. 1865 год.
ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2388

физическую силу, которая поддерживалась «свирепостью и дикостью нравов злодеев».

Дело первоначально было поручено следователю Яхонтову. Кроме того, губернатор распорядился для расследования столь серьёзного преступления назначить следственную комиссию. К самостоятельным действиям сразу же по горячим следам приступил новгородский полицмейстер майор Ланге.

Из рапорта новгородского губернатора Э.В. Лерхе министру внутренних дел П.А. Валуеву об убийстве надворной советницы Лейхтфельд в Новгороде. 1 февраля 1865 года. ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2388. Л. 11

Требовательный к подчинённым, он и сам всегда отличался особенным усердием и рвением к службе, был решительным и энергичным человеком и считал долгом чести самому отыскать виновных в убийстве женщины. Он занялся сбором сведений о близких надворной советнице людях и о тех, кто посещал её в последнее время.

Первым делом новгородский полицмейстер поручил своим подчинённым крайне срочно установить наблюдение за посетителями трактирных и харчевенных заведений. Особое внимание полицейских привлёк трактир мещанина Горячева, располагавшийся на Софийской стороне недалеко от дома, где произошло убийство.

Неутомимые розыски полиции дали свои результаты — уже в три часа пополудни того же дня полицмейстер получил первое донесение от полицейского пристава Кудрявцева: в харчевне Горячева трое неизвестных гуляют с публичными девками и проматывают значительные деньги. Ланге тотчас отправился с нарядом полицейских к Горячеву.

В питейном заведении пили и ели человек 15 нижних чинов. Один из столов, в мезонине заведения, был накрыт на троих, но неизвестные посетители буквально перед приходом полиции исчезли. Здесь же сидела избитая «до окровавления», хорошо известная полиции, «занимавшаяся в заведении Горячева не-

потребством», публичная девка Ольга Шпанникова. Из её пьяного бессвязного рассказа выплыло имя — Ефим, служащий при больнице Новгородского приказа общественного призрения, который, кстати, был здесь же в харчевне, но пьян был до бесчувствия, настолько, что и говорить не мог. Именно Ефим позвал Шпанникову пить чай и водку, которой угощал и других девок, приговаривая при этом: «*Пейте, у меня денег много*».

«Неблагодарная» Шпанникова, изрядно выпив, обозвала Ефима и всю честную компанию мазуриками, за что и была избита. Больше никаких вразумительных разъяснений Шпанникова не могла дать. Допрос второго свидетеля рядового Абрама Франка, доставленного из харчевни в полицейское управление, дополнял показания гуляющей девки: указывая на застольников, она говорила одному из сидевших в харчевне: «*У них денег много, они уложили барыню за собранием*» (здесь, очевидно, имеется в виду здание Дворянского собрания). После этих допросов до полного протрезвления

Шпанникову и Ефима Аксенихина отправили в полицейское управление.

Тем временем Ланге решил проверить, чем занимался Аксенихин 15 и 16 января, вплоть до задержания. Проверка началась с больницы Приказа общественного призрения, где подозреваемый служил рассыльным: помогал фельдшеру доставлять на дом лекарства больным. А прежде он содержался здесь же на исправлении в работном доме. В ходе допросов фельдшера больницы

спрятан в шкафу в прихожей, оказались не только деньги, но и самая важная улика — золотой медальон с портретом умершего мужа убитой Лейхтфельд. Фёдорова рассказала о близких знакомых Ефима — компании вполне определённого свойства — бывших заключённых Новгородского арестантского замка или работного дома Приказа общественного призрения.

Все эти сведения Ланге передал в следственную комиссию. Весомые улики, представленные полицмейстером, успешные действия комиссии, грамотно выстроенные допросы следователей заставили Аксенихина сознаться — привели убийцу «до полного сознания». Открыты были и два соучастника преступления: беглый Выборгского пехотного полка рядовой Максим Ефимов и Беломорского полка рядовой Пётр Линден. Причастность к преступлению по-

и некоторых больных женского отделения выяснилось, что находившаяся на излечении от любово-страстной болезни публичная девка, солдатская дочь Прасковья Фёдорова хорошо знакома с Аксенихиным и приняла от него 16 января подарок — шитый бисером кошелек с деньгами. Прасковья некоторое время отнекивалась и отказывалась показать, куда спрятала «подарок». Только в присутствии старшего врача Аренского она созналась. В кошельке, который был

следнего подтвердилась при обыске его квартиры, где были обнаружены вещи из квартиры Лейхтфельд. Ефимова удалось арестовать только 21 числа в деревне Аркаже, при совершении другого преступления — взлома церкви. Оба рядовых сознались в убийстве, а все втроем они, по доказательствам, собранным комиссией, составляли одну шайку для воровства и убийств в городе.

Убийцы были пойманы. Страх и ужас, охватившие новгородцев, утихли. Теперь

город с нетерпением ждал разрешения дела по всей строгости закона, общественное мнение надеялось, что убийцы будут исключительно примерно наказаны. Государь император, после ознакомления с докладом министра внутренних дел по материалам расследования, представленным новгородским губернатором Лерхе, повелел предать военному суду, по полевым военным законам всех лиц, обвиняемых в убийстве вдовы Лейхтфельд, несмотря на то, что один из них — Аксенихин, был из мещанского сословия. В течение нескольких дней, без всяких канцелярских проволочек, о Высочайшей воле императора было сообщено Военному министру, а затем и новгородскому губернскому воинскому начальнику. Конфирмация — утверждение приговора — о расстреле преступников от командующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа была направлена в Новгород начальнику штаба 22-й пехотной дивизии. Для соблюдения порядка при исполнении приговора готовилась команда от Новгородской градской полиции.

Через два дня после утверждения приговора, 25 марта 1865 года в 10 часов утра на месте смертной казни были выстроены войска новгородского гарнизона, полицейские, конные и пешие жандармы. Священник в погребальном одеянии, с крестом и Евангелием в руках сопровождал осуждённых. Вдоль

строая рядом с преступниками шёл конвой. Заблаговременно было оборудовано место казни: вырыли три неглубокие ямы и установили перед ними по одному столбу, к которым привязали осужденных. Перед оглашением приговора для всеобщего внимания барабаны били дробь. Приговор зачитывался не только и не столько для преступников-убийц, их участь уже была решена — *«смертная казнь через расстреляние»*, но и для 30 арестантов, отбывающих срок

в Новгородском остроге и приведённых специально на показательную казнь, очевидно, с *«воспитательной»* целью. Осужденным, получившим последнее благословение священника, надели длинные белые рубахи и завязали глаза. Далее действие развивалось согласно «Особенным правилам, наблюдаемых при исполнении приговоров, или конфирмаций» из свода Военно-уголовного устава: *«Пятнадцать рядовых, при одном унтер-офицере приближаются*

к столбу, имея заряженные ружья, и, не доходя пятнадцати шагов, останавливаются все вместе, изготовляются, прикладываются и стреляют, целя в грудь, дабы смерть была нанесена преступнику мгновенно. Сия команда подходит так, чтобы преступник не слышал ее приближения... Если бы случилось, что с первого раза преступник не застрелен, то ружья поспешно заряжают в другой раз и вся-

кий стреляет по одиночке. Во все сие время от прочтения приговора, до окончания казни, продолжается барабанный бой. По совершении казни тело преступника снимается со столба и повергается в приготовленную для оного яму. Войска заходят повзводно и, пройдя подле ямы, распускаются». Правосудие на земле свершилось. Теперь преступников ждал другой суд — Божий.

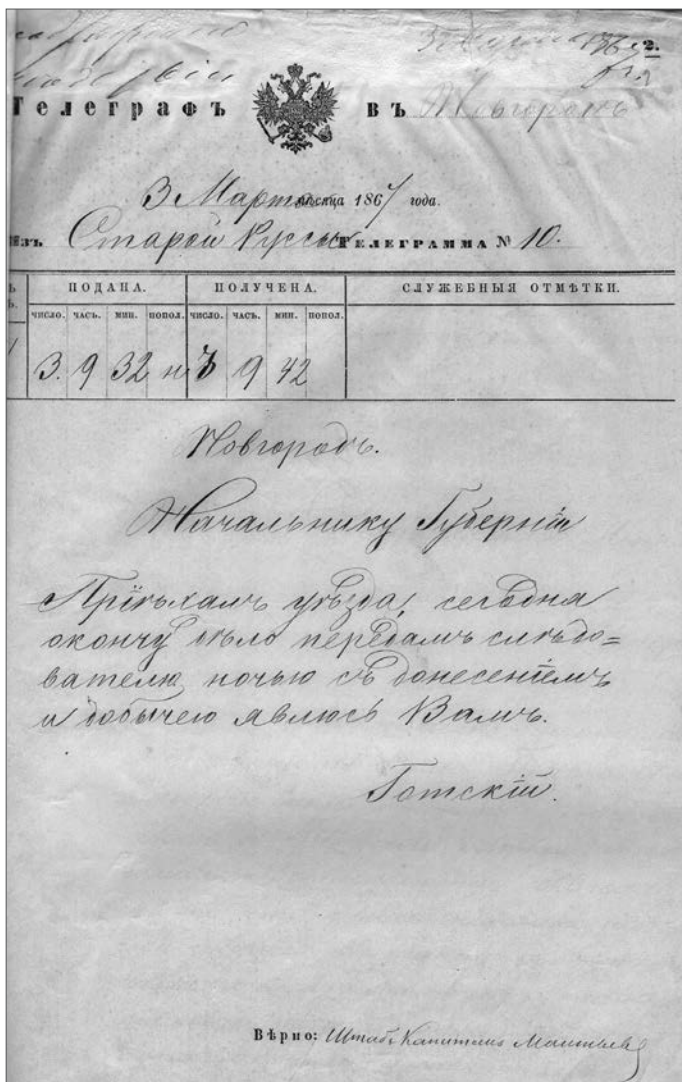
Новгородские фальшивомонетчики

«2 марта 1867 года. Новгород. Из Старой Руссы. Начальнику губернии. Имею честь поздравить труд успешен камень машина краски бумага для фальшивых бумажек в моих руках. Готский».

«3 марта 1867 года. Новгород. Из Старой Руссы. Начальнику губернии. Приехал уезда сегодня окончу дело передал следователю ночью с донесением и добычею явлюсь Вам. Готский».

Такие две полуофициальные телеграммы исправник Старорусской полиции направил начальнику губернии Эдуарду Лерхе, сообщая о блестящем завершении операции по разоблачению фальшивомонетчиков. Предшествовала этому чрезвычайно кропотливая и длительная оперативная работа по розыску и ликвидации преступной группы.

История с фальшивыми бумагами началась в Новгородской губернии несколькими годами ранее и невероятно тревожила губернатора. Тогда же Лерхе информировал министра внутренних дел о появлении в губернии фальшивых кредитных билетов. Донесения тайных агентов полиции и слухи вели в Старую Руссу. Казалось, предпринимались все возможные меры по поимке преступников, но в лучшем случае удавалось захватить случайных людей и незначительное количество фальшивых билетов при них. Всё те же слухи указывали на двух Старорусских купцов Петра и Ивана Филимоновых, занимавшихся переводом, то есть распростране-

Телеграмма исправника Старорусского уезда Э.М. Готского новгородскому губернатору Э.В. Лерхе о поимке преступников, обвиняемых в изготовлении фальшивых денег. 3 марта 1867 года. ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2490. Л. 2

нием денег. Но неоднократные обыски дома и секретный полицейский надзор не подтвердили их причастность к делу.

В 1866 году некто Иван Александров из Старорусского уезда вызвался помочь и назвать фальшивомонетчиков. Обещаний на словах от помощника было много, и для поощрения губернатор выхлопотал ему в министерстве финансов 300 рублей. Но показания Александрова, путанные и неточные, порой уклончивые, не принесли пользы. Поэтому премиальные деньги были отправлены обратно в министерство. А напряжённая работа следователей по поиску фальшивомонетчиков продолжалась. Все собранные доказательства теперь явно указывали, что фальшивые бумаги изготавливались в Старорусском уезде.

Тогда же исправник полиции Старорусского уезда подполковник Эдуард Михайлович Готский-Данилевич получил личное предписание губернатора по розыску фальшивомонетчиков. Несколько поездок на протяжении 1866 года на границу Старорусского и Порховского (Псковской губернии) уездов не принесли результатов: найти хозяина машины для печатания фальшивых денег не удалось. Только в начале 1867 года Готскому удалось достоверно установить место проживания и владельца «*фальшиводелательной*» машины. Это был Сысой Евстифеев, крестьянин деревни Красный Луг Белебелковской волости Старорусского уезда. Кстати, и отец Сысои — глава семейства Евстифей, восьмидесятилетний старик, был известен в округе и полиции как старый и ловкий вор, который на протяжении пятидесяти лет занимался воровством и разбоем, причём так ловко это делал, что ни разу не удалось доказать его причастность к преступлениям. По донесениям сы-

щиков, машину и все необходимые для изготовления фальшивых бумаг принадлежности — краску, камень, бумагу, он закопал в лесу неподалёку от деревни.

Далее действия разворачивались по сценарию, предложенному Старорусским исправником Готским. Зная, что при распространении фальшивых денег преступники проявляют особую осторожность и пользуются ранее проверенными каналами, исправник для дальнейшего проведения операции привлёк небезызвестного Ивана Филимонова, ранее подозреваемого в сбыте фальшивых ассигнаций. Хотя прямых улик против «*ловкого мошенника*» Филимонова не было, Готский, без особых церемоний, предложил ему содействовать полиции в поимке преступников, пригрозив при этом административной ссылкой. Спустя некоторое время Филимонов «*случайно*» встретился со своим старым знакомым Евстифеевым и убедил его продать машину.

В это время в сценарии, предложенном Готским, появлялось новое действующее лицо — покупатель. Им стал уроженец Воронежской губернии, недавно приписанный к цеху парикмахеров и цирюльников Старой Руссы, Алексей Александрович Калинин, который изъявил желание сотрудничать с Готским. При положительном исходе дела покупщику была обещана правительственная награда.

С полуштофом водки и вином в качестве гостинца Калинин вместе с Филимоновым и ещё одним подручным — Феофановым, направился 24 февраля в Красный Луг, заранее оповестив об этом Евстифеева. Встретились они как

добрые знакомые. За чашкой чая вперемешку с водкой, распивали которую тайком от старого Евстифея, беседы велись на отвлечённые темы, далёкие от цели приезда. В том числе говорили о расколе, приверженцем которого был Сысой. Алексею Александровичу пришлось даже, подыгрывая хозяину, креститься двумя перстами. Когда же всё было выпито, заговорили о деле. Сын хозяина получил от Сысоя ключ на медной цепочке и на некоторое время вышел из дома...

Калиник и Сысой, оставив остальных за столом, разговаривали с глазу на глаз в другой комнате. Хозяин, опасаясь обмана, учинил настоящий допрос своему гостю: кто он и откуда, зачем приехал, для чего ему машина? Как заученную роль, старорусский цирюльник — новоявленный сотрудник полиции, поведал, что собирается переехать на Украину, нужны деньги, и немалые, поэтому для «быстрого обогащения» решил на приобретение фальшиводелательной машины. Что-то явно смущало Сысою, и тогда он потребовал у покупателя дать клятву: *«повторить свой честной приезд и цель купить машину присягою»*, а в случае обмана даже пригрозил оружием. Алексей Александрович не заставил себя долго уговаривать и, помолясь на икону, присягнул. Тем временем все Евстифеевы, кроме хозяйки, которая пряла пряжу, несли ка-

раул: сын Сысоя Павел — на улице, а старый Евстифей следил за Белебёлковским трактом через слуховое окно на чердаке.

Осматривать печатную плиту, которую хозяин достал из-под тряпок с лежанки, Калиник позвал более опытных Филимонова и Феофанова. Оценили её как годную, хотели тут же испробовать — снять оттиск, но краски не было, а чернила, которые вынул из-за пазухи Сысой, замёрзли. Поэтому оттиск сделали чуть позже, и Сысой в руки Калинику его не дал — тут же спрятал образец в карман.

Теперь дело перешло к торгам. И здесь агент всё делал по сценарию Готского. Торговались долго. Сысой выставил цену в 700 рублей. Калиник начал с 500 и, прибавляя по 25 рублей, дошёл до 600. Однако согласия не достигли: у покупателя якобы не было при себе такой суммы. Уговорили Сысою приехать к Калинику в Старую Руссу на масляной неделе.

Дело близилось к развязке. Евстифеев приехал в город, как договаривались,

27 февраля. Опасаясь днём появляться на улицах Старой Руссы, только вечером того же дня он пришёл на квартиру парикмахера. Встретились, посидели за столом, и опьяневший Сысой выставил новые условия продажи: цену он поднял до 800 рублей, да ещё запросил «*пудовый куль снимков*» — фальшивых ассигнаций. Очередную, но, как выяснилось позже, не последнюю встречу, назначили на утро следующего дня «*на трезвую голову*» в доме Филимонова. Тут они сошлись на цене в 750 рублей. Поздравив друг друга «*с барышами*», Калинин убедил Евстифеева, очевидно потерявшего всякую бдительность, немедленно привести машину в Старую Руссу уже 1 марта.

Операция была строго засекречена, только подполковник Готский знал все заранее спланированные её ходы и уловки. В помощники себе он назначил несколько рядовых полицейских, работавших исключительно на него. Все же остальные чины Старорусской полиции находились в неведении. Днём и ночью переодетые полицейские следили за квартирой Калининника, домом Филимонова, всеми перемещениями Евстифеева и сообщали Готскому. Переодетый исправник несколько раз под покровом ночи встречался со своими агентами, выслушивал их, давал рекомендации и вносил коррективы. Все нити операции находились в его руках. Поэтому и финальная часть операции прошла без осложнений.

Только 1 марта, в день назначенной встречи, Готский привлёк дополнительно к участию в операции несколько своих подчинённых: городской пристав Иван Петрович Волжинский с тремя

вооружёнными солдатами в сумерках разместились во дворе в бане, как раз напротив дверей квартиры Калининника. Понятыми Готский определил проживавших в соседнем доме господина Невдичева и подполковника Кузьмина-Караваева. Все ожидали прихода Евстифеева. В десять вечера Калининник услышал условный сигнал — стук в окно, и открыл Сысою калитку. Уже в помещении он начал волноваться, суетился и требовал деньги, тогда как Калининник неторопливо, детально, не выказывая никакого волнения, осматривал принесённую машину. И только убедившись в её подлинности, вынул ключ из кармана и попросил свою жену принести деньги. Таким образом жена Калининника передала условный сигнал приставу Волжинскому.

Спустя несколько минут, вместо обещанных денег Сысой Евстифеев увидел вооружённого пристава с солдатами. Потерявший присутствие духа фальшивомонетчик не в состоянии был отвечать на вопросы полицейского. В присутствии прибывшего для допроса следователя Трандифилова и понятых осмотрели мешок, в котором, как и предполагалось, обнаружили «*фабрику фальшивых ассигнаций*» — плиту с четырьмя рисунками для оттиска фальшивой бумажки трёхрублёвого достоинства, все железные принадлежности машины, четырёх сортов краски и почтовую, тонкую бумагу. Спустя полчаса арестовали и сына Сысои Павла Евстифеева.

Операция на этом была завершена, преступники пойманы, дело передавалось судебному следователю. По заслугам получили как подручные Готского,

так и фальшивомонетчики: одним достались награды, другим — суд и ссылка. Появились новые действующие лица — подельники Ефстифеевых, обнаружилось многочисленное преступные связи с Москвой и Московской губернией, Санкт-Петербургом, Псковской губернией. Как и предполагал Готский, раскрылась «огромная шайка закоренелого мошенничества».

Уже в апреле 1867 года из канцелярии министерства внутренних дел последовало предписание о наградах: о производстве Старорусского исправника Готского-Данилевича в чин полковника и денежной премии в 1500 рублей, цирюльнику Калининскому в награду и возмещение издержек полагалась 1000 рублей. Остальным рядовым полицейским участникам операции — 170 рублей. На всех.

БЕРФОРД Татьяна Валерьевна, музыковед, кандидат искусствоведения, руководитель Центра музыкальной культуры им. С.В. Рахманинова, заведующая Народным музеем А.С. Аренского, А.К. Лядова, С.В. Рахманинова при Новгородском областном колледже искусств им. С.В. Рахманинова

ВАСИЛЬЕВ Ярослав Анатольевич, кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент кафедры истории России и археологии НовГУ

ВАУЧСКИЙ Александр Николаевич (1871—1938), священник, краевед

ВЕРХОВ Сергей Иванович, индивидуальный предприниматель — издатель

ДАНЬКО Татьяна Александровна, исследователь, ответственный редактор альманаха «Новгородика»

ДУБРОВИН С., путешественник (XIX — начало XX в.)

КОВАЛЕНКО Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент

КОРЕШКОВА Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, исследователь

ЛЁФСТРАНД Элизабет, доктор философии, профессор, доцент кафедры славянских языков Стокгольмского университета, Почётный доктор НовГУ (Швеция)

МАРТЬЯНОВ Антон Юрьевич, старший научный сотрудник отдела комплектования, изучения и популяризации музейных коллекций Новгородского музея-заповедника

ПАНКРАТОВ Александр Владимирович, иерей Русской Православной Старообрядческой Церкви

ПАПЕШИН Валентин Николаевич, краевед (г. Чудово Новгородской обл.)

ПРОКОФЬЕВ Александр Юрьевич, заместитель директора Юридического института НовГУ, ответственный секретарь Совета Новгородского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

ПУХАЧЁВ Сергей Борисович, кандидат филологических наук, руководитель Новгородского центра современного искусства МАУК «Центр культуры и искусства «Диалог»

САВИНОВА Ирина Дмитриевна, журналист, писатель, исследователь

СЕКРЕТАРЬ Людмила Андреевна, историк, Заслуженный работник культуры РФ

СМИРНОВ Виктор Григорьевич, кандидат исторических наук, писатель, сценарист, телеведущий, Почётный гражданин Великого Новгорода

СПЕРАНСКАЯ Ирина Николаевна, литератор, индивидуальный предприниматель

ТРОФИМОВА Виолетта Стиговна, кандидат филологических наук, писатель, краевед (Санкт-Петербург)

ФИЛИППОВА Людмила Андреевна, историк, искусствовед, лауреат Всероссийской премии «Хранители наследия»

ФРАЗЕР Ингрид, учитель (Гамбург, Германия)

ЦВЕТКОВА Светлана Ивановна, гид-переводчик

ШАСКОЛЬСКАЯ Татьяна Игоревна, заведующая отделом БАН при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Научно-популярное издание

Дизайн *Алексей Востров*
Корректор *Елена Ефимова*
Техническое редактирование и вёрстка *Элина Белоножка*

Фотографии предоставлены авторами статей,
взяты из открытых источников

В оформлении использованы прориси новгородских печатей из книги
Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати
Древней Руси X—XII вв. Т. 3. М., 1998

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
127566, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6, помещение 3, комната 1/1.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 24.07.2023.
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 14. Тираж 500 экз.
Заказ №

ISBN 978-5-4484-4452-4

9 785448 444524

